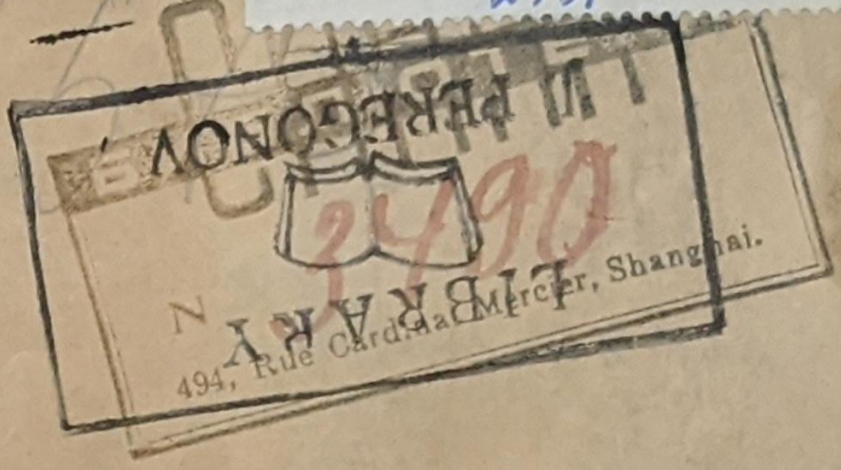
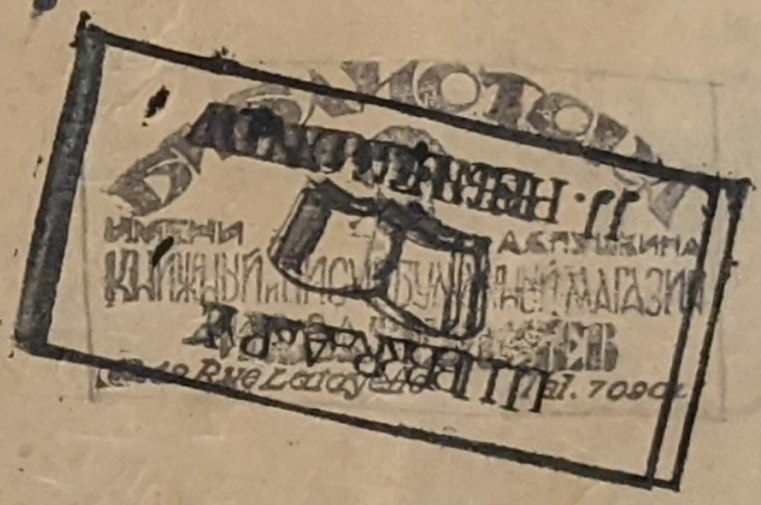
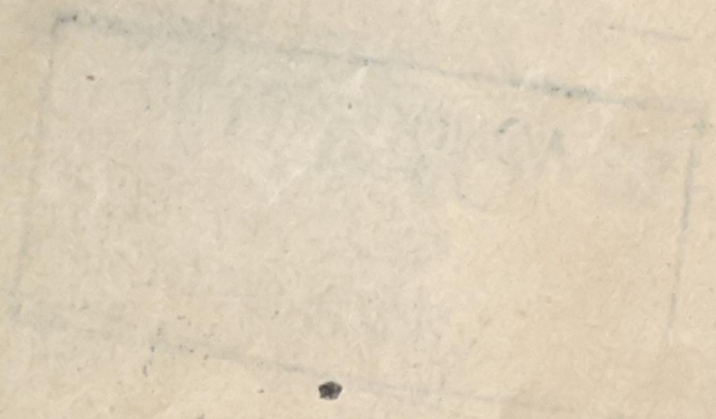
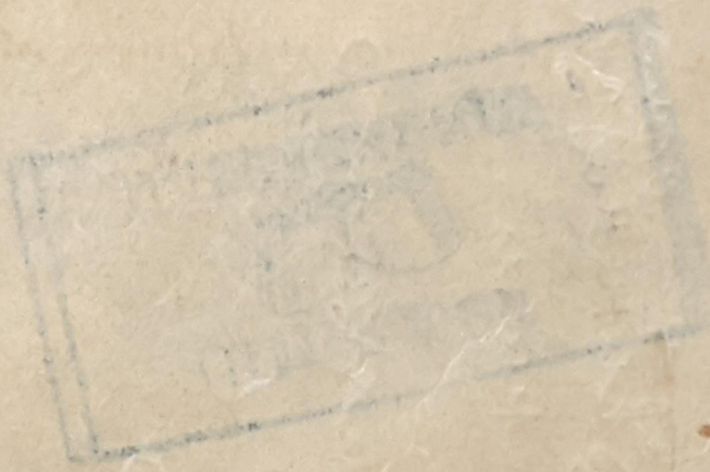
8515

A. KIRBITO F
785 MARY ST.
UTICA, N. Y. 13501
2431









491, Rue Cardinal Mercier, Shanghai.

8575

Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation
réservés pour tous pays

Copyright 1939 by the author

Всѣ права сохранены за авторомъ.

„Libris“ trk., Tallinn, Narva m. 15

В. КОРСАКЪ

БИБЛИОТЕКА
CHINA
N
494, Rue Cardinal Mercier, Shanghai.

ВЪ ГОСТЯХЪ У КАПИТАНА

8575

*

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А.Л. ПУШКИНА
КАЛИНАЙ ПИСЧЕБУМАЖНОЙ ФАБРИКИ
И.С. ЗАЛОЖНОЙ
494 Rue Lafayette Tel. 7 [illegible]

ПАРИЖЪ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

Плѣнъ. — Изд. «Родникъ». Парижъ 1927.

Забытые. — Изд. «Родникъ». Парижъ 1928.

У красныхъ. — Изд. «Москва». Парижъ 1930.

У бѣлыхъ. — Изд. «Москва». Парижъ 1931.

Великій исходъ. — Изд. «Москва». Парижъ 1931.

Подъ новыми звѣздами. — Изд. «Москва». Парижъ 1933.

Исторія одного контролера. — Изд. «Родникъ» Парижъ 1929.

Юра. — Изд. «Парабола». Парижъ-Берлинъ 1935.

Жуки на солнцѣ. — Изд. «Русская книга». Парижъ-Таллиннъ 1936.

Шарманка. — Изд. «Русская книга». Парижъ-Таллиннъ 1937

Печать. — Изд. «Русская книга». Парижъ-Таллиннъ 1938.

БИБЛІОТЕКА
А. Лушкина
Rue Cardinal Mercier, Shanghai.

ВЪ ГОСТЯХЪ У КАПИТАНА

Глава I

Встрѣча

Есть люди — въ первый разъ только видишь, а ужъ знаешь, встрѣчи той не забыть. Такъ невольно подумалъ я, когда познакомился съ капитаномъ. А познакомился я съ нимъ, благодаря бородавкѣ.

Вотъ какъ это случилось. Шелъ я по парижскимъ тротуарамъ тихо, лѣниво, останавливаясь у витринъ. Научные приборы, въ которыхъ я ничего не понимаю; женскіе костюмы, совершенно мнѣ ненужные; книги, зонтики — все это привлекало мое ничѣмъ не занятое вниманіе, все это я усердно разглядывалъ, и совершенно неизвѣстно, съ какой цѣлью.

Стоялъ конецъ іюня. День былъ знойный, томила жара, скука... Внутри копошилась мечта о далекихъ краяхъ — степяхъ, лѣсахъ, лугахъ, гдѣ нѣтъ мостовыхъ, гдѣ не пахнетъ бензиномъ и асфальтомъ. Но поѣхать куда-нибудь, не было никакой надежды.

— А, здравствуй! — вдругъ послышался голосъ съ другой, тѣневой стороны улицы.

Я сдѣлалъ то, что сдѣлалъ бы всякій, — обернулся; обернулся и увидѣлъ своего пріятеля; онъ докторъ, бородатый, спеціалистъ по страшнымъ болѣзнямъ. Съ нимъ былъ еще кто-то.

— Иди къ намъ, — позвалъ докторъ.

Я перешелъ черезъ улицу, подошелъ, поздоровался, посмотрѣлъ на спутника.

Высокаго роста, грузный, круглое лицо, ясные хорошіе глаза; на головѣ панама съ поднятыми полями, что дѣлало лицо еще круглѣе. Легкій лѣтній пиджачокъ, широчайшіе штаны; черезъ плечо сумка, большіе, подбитые гвоздями башмаки, въ родѣ тѣхъ, что носятъ альпинисты. Словомъ, по внѣшности — американскій дядя, а по лицу, по выраженію сразу было видно, что свой, русскій.

— Позвольте васъ познакомить,—сказалъ докторъ, — это мой пріятель, а это капитанъ, — и онъ назвалъ очень извѣстную въ Россію фамилію, — ты навѣрно слышалъ?..

— Много разъ...

Новое знакомство сразу унесло мою скуку.

Со мной капитанъ сдѣлалъ то, что дѣлалъ онъ, вѣроятно, и со всѣми другими — очаровалъ. Очаровалъ сразу. Не могу разсказать, въ чемъ его чары; это такъ же трудно, какъ объяснить, что такое запахъ или цвѣтъ.

— Я зашелъ къ вашему другу, — началъ капитанъ, — по совѣту знакомыхъ: появилась у меня подъ глазомъ небольшая бородавка, я подумалъ — не ракъ ли, вотъ меня и направили къ нему, а онъ успокоилъ — не ракъ.

Обѣдали мы въ маленькомъ знакомомъ ресторанчикѣ, но капитанъ спросилъ себѣ только кофе.

— Вы ужъ одни ѣшьте, а я такъ посижу; обѣдаю и ужинаю я у себя въ гостиницѣ и мяса къ тому же не ѣмъ, а только рыбу.

— Капитанъ живетъ въ Италіи, — пояснилъ мой пріятель,—пріѣхалъ въ Парижъ посовѣтоваться насчетъ своей бородавки; къ счастью, нѣтъ ничего серьезнаго. Ее можно вывести электрическимъ уколомъ.

Въ ресторанѣ капитанъ сказалъ прислугѣ что-то такое, отъ чего та засіяла; для хозяйки, пышной блондинки съ необычайно красивой головой, манерами маркизы и фигурой прачки, тоже нашлось что-то такое, отъ чего она заулыбалась и стала еще красивѣй; съ хозяиномъ обмѣнялся замѣчаніями на злободневную, политическую тему ,и черезъ минуту французъ словно помолодѣлъ, морщины на лбу разгладились, глаза зажглись интересомъ, и онъ съ уваженіемъ посмотрѣлъ на своего необѣдавшаго кліента. Какъ будто лучъ солнца заглянулъ въ этотъ невзрачный ресторанчикъ и освѣтилъ монотонную жизнь всегда работающихъ людей.

А когда уходилъ капитанъ, ему глядѣли вслѣдъ и улыбались.

Хозяинъ самъ отворилъ дверь и вышелъ на улицу проводить...

На ближайшемъ углу мы распрощались съ докторомъ; онъ пошелъ въ клинику, а мы съ капитаномъ въ ближайшій городской садъ. На глухой аллейкѣ, гдѣ никого не было, мы усѣлись въ тѣни, на лавочкѣ. Капитанъ оперся обѣими руками на палку и на минуту о

чемъ-то задумался. Около насъ прыгали воробьи, доносились крики игравшихъ дѣтей; было тепло, свѣтло и покойно.

— Я такъ радъ, что попалъ сразу къ вашему другу,—сказалъ капитанъ,—и что не надо больше никому показываться. Я вѣдь тоже докторъ, хотя по настоящему нахожусь въ званіи отставного капитана II ранга.

— Какое-же ваше настоящее призваніе, капитанъ, — море или медицина?

— Море, люблю природу; но если больные обращаются ко мнѣ, то и медикомъ становлюсь. Въ нашей семьѣ медицина — явленіе наслѣдственное. Мой отецъ былъ докторъ—вы, вѣроятно, слышали о немъ? — сестра медичка, одинъ братъ тоже, какъ и я, кончилъ военно-медицинскую академію.

— Простите, капитанъ, но ужъ очень заинтересовала меня ваша сумка. Она дѣлаетъ васъ похожимъ на путешественника добраго стараго времени. У моего отца тоже была такая сумка; онъ ее бралъ всегда съ собой, когда уѣзжалъ куда-нибудь.

Капитанъ загадочно улыбнулся.

— Васъ интересуетъ, что въ ней находится? Раньше въ такихъ сумкахъ носили деньги, билеты, паспорта. Но я храню въ ней другое, не хотите ли посмотрѣть?

Я придвинулся поближе; капитанъ раскрылъ сумку и вытащилъ цѣлую кипу бумагъ. То были вырѣзки изъ газетъ — англійскихъ, американскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ и даже русскихъ эмигрантскихъ; кромѣ того, было еще много фотографій—казненные и убитые, съ выколотыми глазами, съ разбитыми чере-

ПУБЛИЧНАЯ
1242 rue LAFAYETTE Tel. 70-60

пами; умирающіе съ голоду люди — высохшія страшныя тѣни со стекляннымъ, равнодушнымъ уже взглядомъ.

Жутко было смотрѣть...

— Хорошая галлерея? — спросилъ капитанъ; — когда меня спрашиваютъ иностранцы, что дѣлаютъ большевики въ Россіи, то я имъ показываю статьи изъ ихъ же газетъ и эти фотографіи и говорю, что у нихъ будетъ то же самое, если они допустятъ у себя большевизмъ.

— Но, — продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія, — рѣдко кто изъ нихъ мнѣ вѣритъ. Одни говорятъ — при царѣ было еще хуже; другіе — какъ же быть, вѣдь революція не дѣлается въ бѣлыхъ перчаткахъ?.. Иные же не стѣсняются сказать — вы противъ большевизма потому, что онъ отнялъ у васъ состояніе. А многіе утверждаютъ: если у нихъ будетъ революція, то будетъ по-другому. У русскихъ все это вышло такъ по той причинѣ, что они народъ грубый, нецивилизованный, а у нихъ, у цивилизованныхъ, все пройдетъ мягче... Была у насъ грубость, вѣрно, но было и другое — особая, духовная культура, глубокохристіанская. О Христовомъ имени можно было пройти Россію изъ конца въ конецъ. Странника и богомольца крестьянинъ поилъ, кормилъ и ничего съ нихъ не бралъ. Онъ нутромъ зналъ — не хлѣбомъ единымъ живъ человѣкъ. Но гдѣ же иностранцу разобраться въ этомъ? Въ Европѣ же въ основу жизни положено матеріальное — выгода, прибыль. Какимъ путемъ получается прибыль — европейскому банкиру все равно. А какое невѣжество въ отношеніи всего

русскаго! Я видѣлъ въ кино пьесу, сочиненную американцемъ,— русскій полковникъ ходитъ по Невскому проспекту съ кнутомъ и, кто не уступаетъ ему дороги, тѣхъ онъ стегаетъ бичомъ...

И аккуратно сложивъ вырѣзки и фотографіи, капитанъ спряталъ ихъ обратно въ сумку; мы оба молчали, думая, вѣроятно, объ одномъ и томъ же — почему опытъ одного не идетъ впрокъ другому.

— Самое дорогое, — заговорилъ снова капитанъ, — это жизнь. Все человѣчество, какъ бы оно ни старалось, не вернетъ къ жизни раздавленной мошки. А сколько жизней раздавилъ большевизмъ и сколько еще раздавитъ! И какую страшную ложь онъ вноситъ въ жизнь, отъ сотворенія міра не было еще ничего подобнаго.

Въ эту минуту, повернувъ голову, я увидѣлъ человѣка, сидѣвшаго на другомъ концѣ скамейки, спиной къ намъ.

Когда онъ подошелъ и сѣлъ, мы не замѣтили.

Въ согнутой спинѣ, въ худой, какъ ниточка, шеѣ, въ низко склонившейся, словно въ ожиданіи удара, головѣ, въ сѣромъ лицѣ, во всемъ изсохшемъ тѣлѣ, было то тихое отчаяніе, та безнадежность и покорность, которыя никогда не встрѣчаются у французовъ.

— А какъ вы живете? — перемѣнилъ вдругъ разговоръ капитанъ.

— Да такъ себѣ, по сравненію съ другими еще очень благополучно. Обѣдаю каждый день, на квартиру хватаетъ пока что. Carte d'identité въ порядкѣ... Больше желать нечего.

— А я себя виню. Знаете, съ 1900 года я былъ

увѣренъ, что въ Россіи будетъ революція, а послѣ 1905 года я зналъ, что она неизбѣжна. Еще въ началѣ войны была полная возможность перевести хоть часть состоянія заграницу, и перевелъ бы, если бы не государь... Какъ только война началась, государь сейчасъ же затребовалъ свои деньги изъ Англіи. А когда его спросили, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, государь сказалъ — если я буду ихъ держать въ Англіи, то значитъ, я не вѣрю въ Россію.

— А вы хорошо знали государя?

— Думаю — да. Я имѣлъ у него отдѣльный докладъ, и послѣ доклада онъ часто удерживалъ меня у себя, и мы бесѣдовали по цѣлымъ часамъ. Мнѣ казалось, что онъ смотрѣлъ на меня, какъ на своего друга. Я это очень цѣнилъ и, потому, никогда ничего у него не просилъ. Онъ даже однажды сказалъ: — удивляюсь, капитанъ, сколько времени я васъ знаю, и еще ни разу вы не попросили ни за себя, ни за другихъ.

— А что онъ былъ за человѣкъ?

Капитанъ задумался.

— Для меня государь прежде всего человѣкъ, который ставилъ интересы Россіи выше своихъ личныхъ, выше династическихъ. Къ другимъ — всегда внимательный, добрый, очень сдержанный, изумительно владѣвшій собой... Что обѣщалъ, то помнилъ. Джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова. И человѣкъ совѣсти. Тѣ, кто только осуждали и осуждаютъ его — всей правды о немъ не говорятъ.

— Господа, вы русскіе? — спросилъ обернувшись къ намъ человѣкъ, сидѣвшій на другомъ концѣ скамьи.

На насъ смотрѣли тусклые безжизненные глаза на сухомъ морщинистомъ лицѣ.

— Да, русскіе, — отвѣтилъ капитанъ.

— Я тоже русскій, будьте добры, дайте мнѣ что-нибудь на хлѣбъ... Я очень голоденъ.

— Вы изъ больницы вышли?

Онъ отрицательно помоталъ головой.

— Изъ тюрьмы недавно, и скоро опять туда попаду. Не за воровство, не думайте, а изъ-за двадцати пяти сантимовъ, которыхъ у меня не хватало, За это я пятый годъ по тюрьмамъ болтаюсь.

И онъ разсказалъ свою исторію.

Кавказецъ родомъ, мусульманинъ по религіи, примкнулъ къ бѣлымъ, много разъ участвовалъ въ бояхъ. Былъ эвакуированъ англичанами и попалъ въ Константинополь; тутъ его пріютили французы-миссіонеры, и у нихъ онъ принялъ католичество. Благодаря поддержкѣ монаховъ, попалъ во Францію, окончилъ агрономическую школу и работалъ на фермахъ у разныхъ хозяевъ. Найти работу сперва было легко, а потомъ — все труднѣе и труднѣе. Приходилось искать ее, переходя съ фермы на ферму, изъ имѣнія въ имѣніе и проживая небольшія сбереженія. Однажды, когда онъ шелъ на ферму, гдѣ надѣялся получить работу, по дорогѣ его остановили жандармы и потребовали документы. Документы оказались въ порядкѣ. — Тогда велѣли мнѣ показать деньги, — разсказывалъ нашъ собесѣдникъ, — я далъ имъ кошелекъ. Въ немъ было 4 франка 75 сантимовъ. А у кого меньше пяти франковъ, тотъ во Франціи судится за «vagabondage special», за бродяжничество. Ну меня сей-

часъ же арестовали и посадили. Затѣмъ былъ судъ. Приговорили къ высидкѣ. Я отсидѣлъ. Потомъ позвали въ полицію.

— ... Вашъ паспортъ, съ которымъ вы пріѣхали во Францію?—Вотъ онъ...—Ваша carte d'identité? —Отдалъ и карту.—Теперь, — сказалъ полицейскій чиновникъ, — вы должны покинуть Францію въ теченіе 3 дней.—Но мнѣ некуда ѣхать, и денегъ нѣтъ. — Это не наше дѣло...—Подумалъ-подумалъ я—можетъ быть миссіонеры помогутъ мнѣ съ визой — и прошу чиновника:—Отдайте мнѣ хотя бы паспортъ.—Нѣтъ паспорта вамъ не отдадимъ.—Такъ на чемъ же мнѣ визу поставятъ? У меня нѣтъ никакихъ документовъ.—И это не наше дѣло.—Такъ ничего и не отдали. Остался я безъ бумагъ, какъ самый настоящій бродяга. А потомъ сыщики пришли, двое, посадили меня въ вагонъ и втроемъ отправились мы въ Бельгію. Мнѣ даже самому стало интересно, какъ это меня бельгійцамъ могутъ подсунуть. Привезли на пограничную станцію; полицейскіе инспектора повели меня черезъ вокзалъ, втолкнули въ узенькій коридорчикъ и дверь захлопнули. Пошелъ на свѣтъ, на другой конецъ, а тамъ бельгійскіе жандармы стоятъ. — Стой, куда? — кричатъ,—паспортъ покажите...—У меня паспорта нѣтъ... — Гдѣ же онъ у васъ? — Нѣту и все... — Ну и идите, откуда пришли.—Я пошелъ обратно. Дверь была открыта, полицейскихъ не встрѣтилъ. Вышелъ я съ вокзала, куда итти? Пошелъ въ Парижъ. Ночевалъ. гдѣ придется, благо лѣто было. Въ деревняхъ хлѣба просилъ, подавали добрыя души, тѣмъ и питался. Добрался до Парижа. Ни знакомыхъ, ни родныхъ,

побрелъ на Центральный рынокъ. Иногда работа находилась — нагрузить что-нибудь или разгрузить, два-три франка заработаешь, вотъ и сытъ; а то подберешь что-нибудь, что выбросили — капусту, кость; а ночевалъ подъ мостомъ. Только долго нельзя такъ; полиціи въ Парижѣ много, а на Центральномъ рынкѣ особенно. Признали меня, арестовали, и снова подъ судъ за нарушеніе приказа о высылкѣ. Приговорили на нѣсколько мѣсяцевъ, отсидѣлъ, и снова на бельгійскую границу. А съ границы снова въ Парижъ, и снова подъ судъ. Такъ вотъ и маюсь нѣсколько лѣтъ. И теперь меня должны скоро поймать; не знаю, къ чему ужъ присудятъ. Года два должно-быть придется отсидѣть. Судья удивлялся—почему вы все возвращаетесь? Какъ будто не знаютъ, что документы отобрали, а безъ документовъ и визы не дадутъ; да если бы и были, кто дастъ русскому визу?

— Богъ мой, — вздохнулъ капитанъ, — но что же вы дѣлаете, гдѣ проводите время?

— Обыкновенно на Центральномъ рынкѣ, а если видишь, что опасно, облава готовится, идешь прочь куда-нибудь, дремлешь; и то долго сидѣть нельзя, вниманье обращаешь на себя, вѣдь сразу видно, что подозрительный. А ночь — либо подъ мостомъ, либо если опасно, полиціи ждутъ, ходимъ по городу безъ остановки. Съ Монпарнаса на Монмартръ, съ Монмартра къ Венсенскимъ воротамъ. Главное, все-таки, нужно-быть одѣтымъ прилично. Попадется на встрѣчу полицейскій — душа такъ и замираетъ, — а онъ прежде всего на обувь глядитъ: если рваная, пальцы выглядываютъ, сразу останавливаетъ.

— И много такихъ русскихъ?

— Сотни должно-быть... Мнѣ про одного говорили — ни за что человѣкъ по тюрьмамъ сидитъ, изъза костюма стараго. Купилъ онъ его на толкучкѣ и сразу надѣлъ; не замѣтилъ, что въ петличкѣ была ленточка почетнаго легіона а полицейскій замѣтилъ и бумаги спросилъ. Въ порядкѣ оказались. — А почему вы ленточку носите...—Да я и не замѣтилъ...—Ага... — Протоколъ составилъ, судъ... Объяснилъ русскій судьѣ, въ чемъ дѣло, ну тотъ его приговорилъ къ одному дню ареста, и то условно. Русскій и успокоился, не зналъ, что даже такой приговоръ высылкой грозитъ. Черезъ нѣсколько дней зовутъ его въ полицію. —Покажите ваши бумаги...—Онъ и далъ имъ паспортъ, карту, все что имѣлъ.—Документовъ этихъ, говорятъ, вы больше не получите, и извольте выѣхать изъ Франціи. Привезли его на бельгійскую границу; въ Бельгію, конечно, не пустили, и теперь онъ четвертый годъ по тюрьмамъ кочуетъ... Зимой намъ плохо приходится: холодъ, дождь, сыро. Однажды я деникинскаго солдата встрѣтилъ, безработнаго. Днемъ онъ намѣтитъ новую постройку гдѣ-нибудь, а съ вечера забирается туда, въ солому зарывается, такъ и ночуетъ. Говоритъ какъ-то мнѣ — если бы Богъ далъ воспаленіемъ легкихъ захворать, возьмутъ тогда по крайности въ госпиталь, въ чистой кровати, на простыняхъ помру... — Ну мнѣ уже итти надо, а то еще замѣтятъ. Дайте, ради Бога, что-нибудь...

Мы сложились съ капитаномъ и вручили ему нѣсколько франковъ.

— Спасибо вамъ...

Собесѣдникъ нашъ поднялся и ушелъ.

— Какая разная судьба у людей,—сказалъ капитанъ послѣ раздумья, — у этого испорченная жизнь изъ-за 25 сантимовъ, а сколько нашихъ работаютъ, получаютъ то же самое, что и мѣстные люди, судьбу благодарятъ, что они тутъ, а не въ Россіи. А у кого есть дѣти, отдаютъ ихъ въ школы, лицеи... Это такъ здѣсь доступно, въ одномъ Парижѣ сколько русскихъ учится. Нѣтъ, только осудить — было бы несправедливо...

Послышались шаги и мимо насъ прошла красивая, пожилая женщина съ мальчикомъ. Капитанъ взглянулъ на нее и жестомъ человѣка большого свѣта приподнялъ шляпу. Дама прищурилась и отвѣтила чуть замѣтнымъ кивкомъ. Капитанъ поглядѣлъ ей вслѣдъ и, когда дама исчезла, сказалъ:

— Эта особа — жена очень состоятельнаго и очень вліятельнаго человѣка. Я былъ у нихъ два раза. Одинъ разъ еще до войны. Они, конечно, знали, что я былъ близокъ къ государю. И какой пріемъ оказали, какой обѣдъ, какой почетъ!.. А второй разъ, уже послѣ большевистской революціи, прочелъ я у нихъ лекцію о Сибири и ея богатствахъ. Я Сибирь хорошо знаю, нѣсколько лѣтъ провелъ тамъ. Гостей былъ полонъ домъ, всѣ слушали съ интересомъ; а когда я кончилъ, пошли ужинать, но меня къ ужину не пригласили.

— Вы много путешествовали, капитанъ?

— Пришлось-таки поѣздить. Теперь я сижу больше дома. Изрѣдка только прокатишься въ Па-

рижъ, въ Швейцарію, въ Финляндію, все больше по дѣламъ. А раньше-то...

— Разсказали бы что-нибудь.

— А вы любите слушать?

— Очень.

— А я разсказывать люблю. Много пришлось кое-чего видѣть, собирался даже записки писать, да ничего не выходитъ, дара этого нѣтъ. А разсказывать люблю.

— Вотъ и разскажите.

Капитанъ посмотрѣлъ на часы.

— Времени нѣтъ, дорогой. Знаете, пріѣзжайте къ намъ, въ Италію, погостить! Вотъ тамъ на свободѣ я вамъ и разскажу, какъ я по свѣту бродилъ.

— Для насъ, русскихъ, итальянская виза почти недоступна.

— Съ визой мы вамъ поможемъ, у насъ въ Римѣ знакомые есть, а жизнь въ Италіи дешевле чѣмъ тутъ. Поживете у насъ, отдохнете, нашу дачку увидите. Она небольшая, но все есть, что нужно. И въ морѣ купаться можно. Сами мы живемъ въ домикѣ побольше, а для гостей построили другой, — чтобы хозяева и гости другъ друга не стѣсняли. У каждаго изъ насъ своя отдѣльная комнатка — небольшая, каюта, но съ проточной водой. А вода у насъ съ горъ идетъ. Пріѣзжайте, право, поживите. А теперь мнѣ надо итти.

Мы попрощались и разошлись. По дорогѣ къ себѣ я думалъ о новомъ знакомомъ, о приглашеніи и, хотя поѣздка въ Италію представлялась мнѣ маловѣроятной, все же я былъ почему-то увѣренъ, что мы съ капитаномъ когда-нибудь да встрѣтимся.

Глава II

Въ гостяхъ

И мы встрѣтились. Какъ это ни странно, свалились почти-что съ неба деньги, итальянскую визу помогли получить добрые знакомые; и объѣхавъ что было возможно, на обратномъ пути я рѣшилъ заглянуть къ капитану. Жилъ онъ въ маленькомъ городкѣ, на берегу моря. Уже темнѣло, когда поѣздъ остановился на станціи. Минута колебанія — высаживаться или нѣтъ, помнитъ ли еще меня капитанъ, или забылъ? Я выглянулъ въ окно. По платформѣ задумчиво ходилъ capo di stazione въ красной фуражкѣ, а подъ окномъ стоялъ носильщикъ съ протянутой рукой. Эта рука побѣдила мои сомнѣнія. Носильщикъ забралъ вещи, я вылѣзъ изъ вагона. Будь, что будетъ. Въ крайнемъ случаѣ переночую въ гостиницѣ и утромъ дальше.

Бѣленькій чистенькій трамвай вмѣстилъ меня и мой чемоданъ и черезъ четверть часа остановился у узенькой, вымощенной булыжникомъ дорожки, что круто шла кверху.

— Идите прямо, — сказалъ кондукторъ, — синьоръ капитанъ живетъ въ бѣломъ домѣ, направо, среди старой оливковой рощи.

Съ чемоданомъ въ одной рукѣ, со шляпой въ другой, я не спѣша зашагалъ вверхъ по тропинкѣ, все еще неувѣренный, хорошо ли я сдѣлалъ. Пройдя длинныя гряды увядшей гвоздики, я увидѣлъ старыя, дуплистыя перекрученныя оливки, стоявшія на взгорьѣ, въ нѣсколько рядовъ. Подъ оливками бѣлѣлись стѣны

домовъ. Воротъ никакихъ, легонькая деревянная калитка; и только кружокъ изъ тонкой проволоки, одѣтый на балясину калитки и на сосѣдній столбилъ забора, изображалъ собой символъ замка. Войдя и затворивъ за собой калитку, по маленькимъ цементнымъ ступенькамъ, проложеннымъ среди цвѣтовъ, кустовъ и травы, я поднялся къ верхнему двухъэтажному дому, съ крыльцомъ на двѣ стороны. Въ окнахъ свѣтился огонь, слышался разговоръ. Голосъ капитана и какіе-то женскіе голоса.

Въ цвѣтникѣ фукнула кошка и скрылась. На двери, вмѣсто звонка, висѣлъ бронзовый кулачокъ. Я поднялъ кулачокъ и постучалъ имъ о наковаленку

То, во что такъ не вѣрилось, сбылось, — я въ гостяхъ у капитана. На узенькой каменной дорожкѣ отъ калитки къ нижнему дому — два длинныхъ полотняныхъ кресла; въ одномъ капитанъ, въ другомъ я. Сидимъ, глядимъ, молчимъ. Вдали море—синее, теплое италіанское море. Внизъ по горѣ, до самаго берега, дома — большіе и маленькіе, бѣлые, розовые, и всѣ въ цвѣтахъ; верхушки евкалиптовъ, пальмъ, стрѣлки кипарисовъ.

На крошечномъ полѣ, за проволочной изгородью, италіанецъ-цвѣтоводъ приготовляетъ землю для гвоздики; гвоздика — царица здѣшняго края. Мужъ, черноволосый, бронзовый, въ бѣлой рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, вскапываетъ землю мотыгой; иногда онъ останавливается и вытираетъ мокрый лобъ оборотной стороной ладони. Жена, полная женщина въ черномъ, идетъ за мужемъ и разрыхляетъ большіе

комки маленькой сапой. Около мѣшковъ съ удобреніемъ сидятъ двѣ дѣвочки и орутъ благимъ матомъ.

За цвѣточнымъ полемъ — участокъ нѣмецкихъ принцевъ. Участокъ большой, съ великолѣпнымъ садомъ. Одинъ изъ принцевъ стоитъ и смотритъ на бѣлыхъ породистыхъ куръ. У нихъ большое куроводство.

Капитанская усадьба — квадратный лоскутъ, съ наклономъ къ морю. На немъ двѣ выемки, террасы; на верхней хозяйскій домъ, на нижней — для гостей. И надъ всѣмъ царятъ оливки. Ихъ корявые, пустые внутри стволы изворачиваются каждый по-своему; то дерево, подъ которымъ мы сидимъ, росло сперва прямо, потомъ передумало и пошло налѣво, затѣмъ направо. На каждомъ поворотѣ — толстый сукъ, а самая верхушка разошлась на множество сучковъ. Длинные, узкіе листья, крѣпкіе и тугіе при разрывѣ, кончикомъ висятъ къ землѣ и не даютъ сплошной тѣни.

— Любуетесь оливами? — спросилъ капитанъ.

— Хорошія деревья. Сколько лѣтъ имъ можетъ быть?

— О, много. Люди понимающіе говорятъ, что не меньше 300-400, а можетъ быть и больше. Олива — удивительное дерево... Спилите сухой сукъ — на его мѣстѣ новый появится. Срубите все дерево—изъ пня поползутъ побѣги, и вырастетъ новое на томъ же самомъ мѣстѣ. И дерево само твердое, хорошее, крѣпче дуба. Благородное дерево.

— Не завидуютъ вамъ сосѣди?

— Что имъ завидовать? Вся наша гора была покрыта оливками, а потомъ оказалось, что выгоднѣе гвоздику разводить; на здѣшнюю гвоздику спросъ за-

границей — она пышная, красивая и стойкая — недѣли двѣ можетъ въ водѣ стоять. И пошли рубить, а корни у оливки громадные, цѣпкіе; пока они были — все крѣпко держалось, какъ не стало ихъ — земля въ море поползла, тутъ всѣ дома, поэтому, въ трещинахъ. Потомъ италіанцы тѣни не любятъ, что ли; у насъ нѣсколько разъ спрашивали, почему мы нашихъ деревьевъ не срубимъ — они солнце скрываютъ.

По синей глади бѣжитъ большой океанскій пароходъ. Отъ остраго носа расходятся волны, а за кормой взбивается бѣлая пѣна. Съ горы тянетъ легкій вѣтерокъ, пахнетъ розами, гвоздиками, ладаномъ, какими-то пряностями. Воздухъ такой густой, что его можно, кажется, пить ложками. Надъ головой — невыразимо голубое небо, а солнце запуталось гдѣ-то въ евкалиптахъ и пальмахъ. Тепло, покой, благодать.

Хозяйка идетъ на базаръ и на минуту останавливается у калитки. Статная, величавая, она напоминаетъ супругу Юпитера. Высокій кустъ цвѣтущихъ олеандровъ бросаетъ на ея продолговатое красивое лицо полупрозрачную тѣнь. А передъ домомъ, среди сухихъ ромашекъ, работаетъ дочь; тонкая, гибкая, волосы у ней собраны на затылкѣ въ большой узелъ, цвѣта спѣлой пшеницы, а лицо — снѣгъ и розы. Сразу видно, что сѣверянка. Должно быть не одно италіанское сердце разбила. Изъ-подъ черепицы на крышѣ вылѣзъ и грѣется на солнцѣ гекко—стѣнная ящерица. Гекко широко разставилъ свои четыре лапы съ блюдечками на кончикахъ пальцевъ и замеръ.

— Ну и рожа, — говоритъ, глядя на ящерицу, капитанъ.

Рожа у гекко, дѣйствительно, отвратительная —плоская, темносѣрая, въ буграхъ и бородавкахъ. Гекко смотритъ на насъ выпуклыми, словно выдавленными глазами и шевелитъ хвостикомъ. Кто знаетъ, можетъ быть среди своихъ онъ первый красавецъ.

Между двумя листиками оливокъ, тамъ гдѣ море какъ будто обрывается, а небо — тускло голубое, показался бѣлый парусъ. Показался—и стоитъ неподвижно: вѣтра нѣтъ.

Не утро, а музыка.

Я вспоминаю обѣщаніе хозяина.

— Матвѣй Сергѣичъ, разскажите же что-нибудь изъ вашихъ путешествій.

— Что же вамъ разсказать? — спрашиваетъ капитанъ.

— Ну, что вамъ вспомнится, какъ самое пріятное или красивое.

— Самое красивое, это, пожалуй, наше путешествіе на Сандвичевы острова. Были мы тамъ съ женой. Что-то въ родѣ рая. Жары нѣтъ, холодовъ тоже; самое меньшее — пятнадцать градусовъ, самое большее — тридцать пять. И все время легкій бризъ дуетъ съ моря. Растительность роскошная, папоротники въ цѣлыя деревья вырастаютъ, пальмы всевозможныя, только много комаровъ. Народъ какой-то особенный, похожій на европейцевъ, но темный. Ни убійствъ у нихъ нѣтъ, ни воровства; любятъ цвѣты, веселье, смѣхъ, музыку, живутъ для радости; можетъ быть, они наслѣдники какой-то старой-престарой культуры, въ которой не было ни грубости, ни насилія. И тамъ нѣтъ ни гадовъ, ни ядовитыхъ змѣй, ни дикихъ звѣрей.

Прелестная страна, но въ этомъ раю почему-то часто встрѣчается проказа. Мужчины тамъ занимаются рыболовствомъ, и я замѣтилъ, что у многихъ рыбаковъ то руки, то ноги не хватаетъ. Сталъ я разспрашивать, въ чемъ дѣло, и оказалось, что тамъ акулъ тьма-тьмущая; а рыбачьи лодочки-пироги — очень легкія и часто перевертываются на волнѣ; и, если человѣка сейчасъ же не вытащить, акулы являются и утаскиваютъ, а то руку или ногу оборвутъ. На этихъ же островахъ я встрѣтилъ русскаго доктора Русселя. Онъ лѣчилъ туземцевъ отъ проказы и пользовался среди нихъ очень большимъ уваженіемъ. Теперь его уже нѣтъ въ живыхъ. Въ прошломъ революціонеръ, былъ когда-то присужденъ къ каторжнымъ работамъ, бѣжалъ, скитался по Европѣ, жилъ въ Америкѣ, потомъ попалъ на Сандвичевы острова. Устроился тамъ очень хорошо; свои плантаціи имѣлъ, богатымъ человѣкомъ сталъ, въ ихъ сенатъ его выбрали. Но гдѣ бы ни жилъ, страшно всегда тосковалъ по Россіи и во время русско-японской войны не утерпѣлъ, пріѣхалъ въ Японію — провѣдать русскихъ плѣнныхъ. Но, кромѣ него, туда понаѣхало много агитаторовъ соціалистовъ; русскимъ плѣннымъ солдатамъ они раздавали разныя брошюрки, устраивали собранія:—не сражайтесь за царя, долой самодержавіе, да здравствуетъ соціализмъ!.. — Пробовалъ онъ съ ними говорить, да ничего не вышло; японцы, кажется, его, какъ русскаго націоналиста, выслали. Мы подолгу бесѣдовали съ нимъ. Онъ не разъ говорилъ — я объѣхалъ весь свѣтъ, во многихъ государствахъ жилъ и увидѣлъ, что вся западная цивилизація построена на грѣхѣ, гордости и лицемѣріи.

И если гдѣ можно еще жить, то только въ Россіи. А соціалисты погубятъ ее. Это говорю я, старый революціонеръ, осужденный когда-то на каторгу.—Прожили мы съ женой на Сандвичевыхъ островахъ около мѣсяца. Къ отходу парохода проводить насъ собралась толпа канаковъ и каначекъ, всѣ съ гирляндами цвѣтовъ. Ночь была тихая, свѣтила луна, океанъ блестѣлъ, пѣніе, одуряющій запахъ цвѣтовъ и отходящій пароходъ. А на другой день послѣ этой поэзіи выхожу я изъ каюты, океанъ какъ-будто и смирный и все же нѣтъ-нѣтъ, да такая волна, большая, развалистая, то сзади, то спереди появится, то справа, то слѣва, словно внизу земля ходенемъ ходитъ; и океанъ сѣрый, зловѣщій, дышать тяжело, воздухъ затуманился. Я къ барометру, а онъ за одну ночь страшно упалъ. Потомъ вѣтеръ сталъ задувать, волна чаще заходила, гребни появились. Всѣ поняли, что идетъ что-то жуткое. И пришлось намъ въ теченіе четырехъ или пяти дней испытать необыкновенной силы ураганъ — тайфунъ.

— Ураганъ, вѣдь это буря, только посильнѣе, — высказалъ я свое предположеніе.

— Ураганъ — это когда сталкиваются нѣсколько воздушныхъ теченій. Столкнувшись, они начинаютъ вращаться и мчатся по океану. Въ самомъ центрѣ затишье, ну зато по краямъ... И нашъ пароходъ долженъ былъ черезъ весь ураганъ пройти. Вѣтеръ поднялся, наша посудина стала плюхаться, съ одного бока на другой ложиться. Сейчасъ же всѣ люки наглухо задрайли, то-есть закрыли, пассажировъ по каютамъ заперли, а я, какъ морякъ, къ капитану на мостикъ.

да такъ и отстоялъ три или четыре дня не ложась. Да и никто изъ команды не ложился въ эти дни. Съ мостика глядѣть было жутко: поднимаетъ пароходъ на самый гребень — половина на водѣ, половина на воздухѣ, вотъ-вотъ переломится, только скрипъ идетъ повсюду, а потомъ внизъ потащитъ, и съ обѣихъ сторонъ стѣна воды. И вдругъ на палубу цѣлый водопадъ... Думаешь, вотъ и конецъ, но вода стекаетъ, пароходъ снова вверхъ поднимаетъ. Жуткій моментъ былъ, когда мачта упала и лодку снесло. Матросы, чтобы не смыло, канатами себя обвязали. Хорошо, что пароходъ американскій былъ, крѣпкой стройки, а то бы не выдержать. Только на пятый день стало стихать, и ни до, ни послѣ, — такой бури не пришлось испытать.

— Да, это страшное переживаніе. Хорошо, что не всегда такъ бываетъ,—замѣтилъ я, подумавъ о своей чувствительности къ качкѣ.

Капитанъ продолжалъ.

— Одно изъ самыхъ пріятныхъ — мое первое плаваніе. Я былъ тогда еще мичманомъ, и на учебномъ кораблѣ, парусникѣ, мы изъ Кронштадта поплыли въ Южную Америку, а оттуда снова въ Европу. Вотъ этотъ обратный путь былъ, дѣйствительно, сказкой. Погода все время стояла прекрасная, иногда паруса совсѣмъ не шевелились и мы замирали на одномъ мѣстѣ; потомъ задуетъ вѣтерокъ—и корабль снова потихоньку идетъ. Залѣзешь на мачту, а вокругъ необъятная синь океанская, никого и ничего на всемъ просторѣ, только солнце на небѣ играетъ да засыпаетъ море золотомъ. Кажется, что ни земли, ни людей нѣтъ,

и не было, а все прошлое — какой-то сонъ. Иногда купались: опускали парусъ въ воду и прыгали; матросня эти купанья обожала.

— А акулы не появлялись?

— Выставляли сторожей, но ни одной не видѣли. А чудеснѣе всего было ночью. Заходъ солнца въ океанѣ —просто духъ захватываетъ. Смотришь съ мостика, какъ оно къ горизонту скатывается, какъ даль еще дальше уходитъ, небо горитъ, тишина, только вода о бортъ плюхаетъ. Солнце закатится, и ночь зашагаетъ — темная, густая, звѣздами шуршитъ, Млечнымъ путемъ опоясывается. Очень любилъ я ночныя вахты подъ тропиками. Воздухъ шелковый, надъ головой бездна, подъ ногами бездна, а вокругъ— темь... Чувствуешь, какъ душа внутри шевелится...

— А въ Южной Америкѣ видѣли что-нибудь интересное?

— Да вотъ, когда мы сошли на берегъ въ Ріо-де-Жанейро, то пошли съ товарищемъ осматривать городъ. И гдѣ-то уже за городомъ замѣтили мы деревянную галлерею; шла она по откосу крутой горы— внизу глубокій обрывъ, сбоку отвѣсная скала, а вся галлерея на воздухѣ виситъ, какъ балкончикъ. Захотѣлось узнать, куда ведетъ она. Пошли; сперва-то она прочной показалась, а потомъ — что дальше, то хуже — балки поподгнивали, расшатались, доски повыпали, перила обрушились, а подъ ногами пропасть. И не диво — какъ потомъ намъ сказали, эту галлерею еще испанцы построили, когда здѣшній край завоевывали. Думали мы уже вернуться, да замѣтили въ одномъ мѣстѣ водопадикъ; а жарко было, рѣшили иску-

паться. Тутъ же и ровная площадка нашлась; раздѣлись, положили свое платье подъ кусты, а сами къ водопаду. Часа полтора прохлаждались. Наконецъ, мой товарищъ говоритъ — пора собираться. Подошли къ кустамъ, гдѣ наше платье лежало — и вотъ неожиданность: лежитъ около него змѣя, толщиной эдакъ съ человѣческую ногу, а длины и сказать не могу; въ кольцо свилась. Призадумались мы. А боа себѣ дремлетъ, хоть бы что. Набрали мы камней, и давай въ него кидать. А у меня глазъ зоркій и мѣткій, какъ кину, такъ и попаду; одинъ разъ въ башку угодилъ, зашевелился змѣй и поползъ прочь; ну мы поскорѣй схватили свое, и подальше отъ того мѣста...

— Господа, кушать подано! — раздался кличъ съ крыльца.

— Ну, пойдемте,—сказалъ капитанъ, — а послѣ обѣда снова выйдемъ сюда, продолжать нашу бесѣду.

Глава III

Веселая компанія

Несмотря на конецъ лѣта — обѣдали на площадкѣ, подъ оливами, рядомъ съ кухней.

— Вы насъ извините, — обратилась хозяйка, — мы мяса не ѣдимъ. Иногда только Аріадна беретъ себѣ кое-что изъ мясного. А у меня почки болятъ, мужъ тоже не ѣстъ; можетъ быть, безъ мясного вамъ голодно покажется?

Я увѣрилъ хозяйку, что я самъ очень мало ѣмъ мяса.

— Я не ѣмъ говядины, птицы, телятины, потому что животныхъ жалко,—сказалъ капитанъ,—а рыбу ѣмъ, рыбы мнѣ не жалко; рыба самая хищная тварь. Въ Южной Америкѣ я осматривалъ заводъ, гдѣ изготовляется либиховскій экстрактъ, и при мнѣ спустили въ рѣку мясные отбросы. Сію же минуту появились стаи небольшой рыбешки, и давай жрать кровяные сгустки, теребить кишки и всякіе остатки. Да съ какой жадностью!.. А потомъ подплыли рыбины побольше, пораскрывали свое хайло, и давай глотать и отбросы, и мелюзгу. Черезъ четверть часа вода, какъ стеклышко, была. Все пожрали... Нѣтъ, рыба самая хищная тварь, и совѣсти у нея нѣтъ. Съ той поры я ихъ и не жалѣю.

— А о чемъ вы такъ мирно бесѣдовали въ креслахъ? — спросила хозяйка, разливая супъ.

— Матвѣй Сергѣевичъ о своихъ путешествіяхъ разсказывалъ.

— Онъ любитъ путешествовать. И умѣетъ. Знаетъ, что взять съ собой, куда положить, чтобы все подъ рукой было, и что въ какомъ путешествіи можетъ пригодиться. Когда съ нимъ ѣздила, была какъ у Христа за пазухой. И сколько интереснаго мы видѣли, на Сандвичевыхъ были съ нимъ, и въ Африкѣ, — помнишь, мы съ тобой еще вулканъ Мауна-Лоа осматривали; въ самый кратеръ спускались? Государь очень любилъ его разсказы о путешествіяхъ, часто всю семью звалъ, когда Матвѣй Сергѣевичъ во дворецъ пріѣзжалъ.

— А этикетъ строгій былъ?

— Никакого, этикетъ — это для торжественныхъ

случаевъ; а въ обыденной жизни все было очень просто, — отозвался капитанъ. — Но простота какая-то особенная, очаровательная. Да и самъ государь въ личныхъ отношеніяхъ былъ необыкновенно обаятеленъ.

— А откуда ваша близость къ государю и его семьѣ?

— Онъ хорошо зналъ моего отца и брата, очень интересовался экспедиціей на сѣверъ Сибири, гдѣ я принималъ участіе, зналъ о нѣкоторыхъ моихъ изобрѣтеніяхъ!.. Но особенно мы сблизились во время великой войны, когда я занималъ очень отвѣтственный постъ въ Финляндіи. Власть у меня была прямо диктаторская, и я имѣлъ особый докладъ у государя. Моя служебная печать у меня еще и до сихъ поръ хранится. Въ шестнадцатомъ году среди высшихъ военныхъ было намѣреніе мобилизовать финновъ. А я былъ противъ этой мобилизаціи: много людей она не дала бы, возбудила бы среди финновъ недовольство, солдаты изъ финновъ вышли бы плохіе, и, кромѣ того, у насъ и такъ слишкомъ много народу было мобилизовано, надо было сперва навести порядокъ среди своихъ. Но государю все-таки настойчиво совѣтовали произвести наборъ и въ Финляндіи; при докладахъ я убѣждалъ его не дѣлать этого. Государь согласился со мной, наши два голоса побѣдили, мобилизація не прошла. А когда финны узнали объ этомъ, одинъ изъ нихъ, извѣстный адвокатъ, сказалъ мнѣ — мы знаемъ, чѣмъ обязана вамъ Финляндія. Мы не

забудемъ этого, вы можете расчитывать на нашу дружбу...

— И какъ скоро они это забыли! — замѣтила хозяйка.

— Да, забыли... Послѣ большевистской революціи, когда Финляндія стала самостоятельной, тамъ издали законъ — никто изъ иностранцевъ не можетъ быть владѣльцемъ недвижимой собственности. А у насъ тамъ было имѣніе — участокъ земли, домъ со всякими удобствами и хозяйственными постройками, стоило это около милліона золотыхъ рублей, а заставили меня продать его за сотую часть стоимости. Пришлось уѣхать и мыкаться по заграницамъ.

Обѣдъ закончился чудеснымъ арбузомъ.

— Вы послѣ обѣда не отдыхаете? — спросилъ хозяинъ.

— Никогда.

— Я тоже. Что-жъ, пойдемте тогда въ садъ.

И вотъ мы снова въ креслахъ на дорожкѣ. Долго и блаженно молчимъ.

— А въ Америкѣ вы жили, капитанъ? — спрашиваю я, наконецъ, чтобы вызвать его на разговоръ.

— Въ Соединенныхъ Штатахъ года два прожилъ. Вотъ гдѣ жизнь, въ смыслѣ удобствъ, замѣчательная. Надо вамъ билетъ на пароходъ, или на желѣзную дорогу, отправить вещи на вокзалъ, что-нибудь купить, позвоните только по телефону, все доставятъ. Коммерсанты тамъ честные, товаръ великолѣпный, отпускаютъ и завертываютъ все тщательно — у американцевъ очень распространена боязнь заразы. Про Америку часто говорятъ, что тамъ всѣ очень торопят-

ся. Эта самая торопливость создала столько автомобилей, по улицамъ они идутъ такой сплошной стѣной, такъ часто должны останавливаться, чтобы пропустить другую такую стѣну, что скорости никакой не получается... Фабрикъ и завоодвъ въ Америкѣ безъ конца, и производятъ они массами. Инженеръ въ Оклагомѣ мнѣ сказалъ, что они каждый день изготовляютъ вентилей для паровыхъ машинъ тридцать пять вагоновъ, то-есть, цѣлый поѣздъ, но работаютъ, главнымъ образомъ, машины. Американскій рабочій обставленъ хорошо, но это дѣлаетъ его слишкомъ дорогимъ. Выгоднѣе вводить техническія усовершенствованія и обходиться безъ него. Думая о настоящей безработицѣ, я не вижу ей конца — тутъ машина противъ человѣка.

Послѣ небольшого раздудмья капитанъ продолжалъ:

— Въ Америкѣ я былъ нѣсколько разъ. Въ первый мой пріѣздъ попалъ я, благодаря связямъ въ русскомъ посольствѣ, на торжественный раутъ; тутъ мнѣ одинъ американскій дипломатъ и говоритъ:—что ваше правительство смотритъ? Джоржъ Кеннанъ по всей странѣ разъѣзжаетъ, читаетъ лекціи, какъ онъ по Сибири путешествовалъ, и какіе ужасы въ тюрьмахъ для политическихъ ссыльныхъ видѣлъ. Насколько отвѣчаетъ дѣйствительности то, что онъ говоритъ, мы не знаемъ, но для сохраненія престижа вашего правительства, слѣдовало бы что-то сдѣлать. — И я былъ на одной лекціи Кеннанъ. Взошелъ онъ на каѳедру, а въ рукѣ цѣлый пукъ цѣпей какихъ-то. Загремѣлъ ими, вопитъ:—вотъ въ какихъ цѣпяхъ русское правительство свободу держитъ. — Фуроръ... Я воспользовался перерывомъ — и къ каѳедрѣ, цѣпи посмот-

рѣть. Гляжу — это не цѣпи, а цѣпочки, на какихъ собакъ водятъ, и клеймо американское нашелъ... Чуть не закричалъ. Но я былъ тогда въ Америкѣ съ одной очень деликатной миссіей, и мнѣ самому выступать было нельзя. Разсказалъ обо всемъ въ посольствѣ, но тамъ не обратили вниманія. Такъ съ этими собачьими цѣпочками Кеннанъ и объѣхалъ всю Америку. И какой успѣхъ имѣлъ!.. Что газеты тогда писали!.. Умные и честные американцы не разъ мнѣ говорили:—мы знаемъ, чтобы имѣть успѣхъ, онъ не мало вретъ; въ нашихъ тюрьмахъ режимъ еще болѣе безчеловѣчный, не дай Богъ попасться въ руки нашей полиціи. Отъ ея допросовъ люди калѣками становятся, умираютъ. — А что сказать, когда въ Европѣ не обвиняемаго, а только подозрѣваемаго безпрерывно допрашиваютъ въ теченіе 48 часовъ, не давая ни ѣсть, ни пить... Объ этомъ молчатъ, это негодованія не вызываетъ. И вотъ теперь поѣхать въ Соловецкія тюрьмы—ни одного Кеннана не нашлось. Но Россія не должна этого забыть; когда придетъ время, она должна припомнить всю ложь и клевету, которую на нее взводили. Когда союзники заняли Константинополь, они поручили одному американцу представить данныя, сколько армянъ было вырѣзано турками, а турки вырѣзали ихъ около полутора милліона. Американецъ и донесъ: въ этой рѣзнѣ армянъ погибло меньше, чѣмъ евреевъ въ русскихъ погромахъ.

Капитанъ разволновался, а я ничего не могъ сказать.

Сзади, изъ ромашекъ неслышно пришелъ рыжій холеный котъ и усѣлся впереди насъ, у кучки сухихъ

цвѣточныхъ стеблей. Настороживъ уши, выпрямивъ хвостъ, какъ палку, онъ долго и внимательно смотрѣлъ на море; потомъ, перепрыгнувъ черезъ сухіе стебли, подлѣзъ подъ проволочную изгородь и забрался на самый верхъ сосѣдской песочной кучи. Потыкавшись носомъ, онъ произвелъ какія-то земляныя работы, съ достоинствомъ присѣлъ, посидѣлъ, чуть шевеля хвостомъ; поднялся, завалилъ слѣды своего пребыванія, строго поглядѣлъ на насъ и пошелъ дальше. Мы разсмѣялись.

— Матвѣй Сергѣевичъ, говорятъ, что въ жаркомъ поясѣ есть мѣстности, гдѣ нельзя жить отъ разныхъ гадовъ, — обратился я къ капитану, чтобы отвлечь его отъ волнующей темы.

— А вотъ однажды мнѣ пришлось быть въ экспедиціи въ устьѣ Миссисипи. Устье — широченное, сотня верстъ можетъ-быть, гдѣ глубокое, гдѣ мелкое, настолько, что приходилось шестами отталкиваться. Если вы боитесь змѣй, то не совѣтую туда ѣхать. Тамъ ихъ несосвѣтимая сила. По водѣ плаваютъ, вокругъ шестовъ обвиваются, по болотамъ ползаютъ, на вѣткахъ висятъ; проѣзжаешь мимо, а онѣ, раскрывши пасти, шипятъ. И самыя малыя—аршина полтора-два, а то по сажени и больше были. Сначала я изъ Маузера по нимъ стрѣлялъ, уйму перебилъ, а затѣмъ бросилъ — такая гибель.

Въ эту минуту какой-то человѣкъ въ дешевомъ потертомъ пиджакѣ, рабочій или мелкій служащій, робко отворивъ калитку, подошелъ къ капитану.

— Синьоръ — докторъ?

— А что такое?

Дальше я уже ничего не понялъ. Было только ясно, что посѣтитель о чемъ-то просилъ, а капитанъ, наклонивъ голову, внимательно слушалъ; нѣсколько разъ о чемъ-то переспрашивалъ и, наконецъ, сказалъ — bene. Посѣтитель ушелъ.

Солнце уже давно перевалило за полдень, жара спала, я поднялся — пришелъ часъ купанья.

— Вы на море? — спросилъ капитанъ, — ну идите, а я въ городъ пойду.

Забравъ купальныя принадлежности, я отправился на берегъ. На солнцѣ было еще жарко. Слѣва отъ дорожки, за гвоздичнымъ полемъ, тянулись въ глубину курятники нѣмецкаго принца. Для каждой породы куръ было устроено особое помѣщеніе, крытое, съ крошечнымъ дворикомъ. Большой бѣлый пѣтухъ съ развѣвавшимся отъ вѣтра хвостомъ стоялъ, поджавъ одну лапу, и внимательно разглядывалъ своихъ холеныхъ, грѣвшихся на солнцѣ супругъ. Пѣтуху было убійственно скучно, а холеныя жены ему, вѣроятно, смертельно надоѣли. Желая внести оживленіе въ сонную жизнь, онъ скосилъ глазъ на землю и сдѣлалъ видъ, что нашелъ тамъ что-то интересно-съѣдобное, о чемъ и доложилъ нѣжнымъ шопотомъ. Ближайшая курица открыла одинъ глазъ, поглядѣла и увидѣвъ, что это былъ только обманъ, недовольно шевельнулась и снова задремала. Пѣтухъ сконфузился, поднялся на обѣ лапы, пошлепалъ себя крыльями и принялся чистить перья. Рядомъ съ курятникомъ, около самой тропинки, за проволочной изгородью, подъ навѣсомъ, въ тѣни сидѣло аристократическое общество—мохноногіе, съ пышнымъ опереніемъ голуби,

франтоватыя горлинки, сѣрыя цесарки... Я остановился. Красивый, красно-рыже-золотистый фазанъ отошелъ отъ компаніи, собравшейся у корытца съ водой, и подошелъ къ самой изгороди. У него были свѣтлые глаза, и глядѣлъ онъ какъ-то особенно — разумно и кротко. Онъ очень любилъ человѣческое общество, и кто бы ни останавливался, онъ сейчасъ же подходилъ и что-то вѣжливо говорилъ на своемъ фазаньемъ языкѣ. Съ минуту мы разглядывали другъ друга. Найдя немного крошекъ въ карманѣ, я бросилъ ихъ фазану. Не торопясь, онъ сталъ клевать, но на крошки сейчасъ же поспѣшили другія птицы. Фазанъ вѣжливо отошелъ въ сторону и попрежнему смотрѣлъ на меня разумно и кротко.

Полюбовавшись на молчальника, я пошелъ дальше. По стѣнамъ домовъ вились небоящіяся зноя голубыя гроздья бугенвиліи, краснѣли на клумбахъ герани, по каменной оградѣ ползли маленькія розы и желто-огненныя настурціи. На самомъ концѣ дорожки, на угловой стѣнѣ была вмурована узкая мраморная ная плита съ надписью: Тропинка Весны. Перейдя шоссе, я зашагалъ къ переходу подъ желѣзной дорогой, которая шла рядомъ, немного ниже; а за желѣзной дорогой, подъ обрывистымъ берегомъ колыхалось покрытое легкой рябью море.

Изъ города тянулись купальщики и купальщицы съ полотенцами на плечахъ, въ легкихъ надувавшихся отъ вѣтра костюмахъ. Бѣжавшій впереди трамвайчикъ сіялъ, какъ снѣжная глыба, а его мѣдныя начищенныя полоски сверкали, какъ острыя молніи.

Въ проходѣ подъ желѣзной дорогой было много

БИБЛИОТЕКА

разной бяки, и скверно пахло. Его, этотъ проходъ, соединяли почему-то съ именами Ромео и Джульетты. А кто-то даже стихи на стѣнкѣ нацарапалъ:

— Нѣтъ запаха печальнѣе на свѣтѣ
Чѣмъ запахъ у Ромео и Джульетты...

У самой воды купальщики грѣлись на солнцѣ, спали, дремали, ѣли, возились... Тихо находившее море шевелило крупную обточеную гальку, и отъ этого шевеленія въ воздухѣ стоялъ непрерывный шумъ. Я облюбовалъ для своего купанья маленькій песчаный пляжикъ, находившійся за третьимъ волнорѣзомъ. Низенькій, узкій, изъ краснаго камня, этотъ волнорѣзъ издали походилъ на коровій языкъ, высунувшійся въ море.

Итальянцы любятъ солнце, для нихъ оно первое и самое дешевое лѣкарство противъ всѣхъ болѣзней. И ревматики грѣли на солнцѣ скрюченныя тѣла, здоровые поджаривались, а старикъ съ длинными сѣдыми усами, сидя на стульчикѣ, смотрѣлъ на свои багровыя, со страшно раздутыми венами ноги.

Шагахъ въ десяти отъ моего пляжика, лежала молодая итальяночка — стройная, крѣпкая, загорѣлая; она подняла голову, откинула волосы падавшіе на лобъ, посмотрѣла, какъ я устраивался на своемъ мѣстечкѣ, и снова задремала. Недалеко отъ берега двѣ полныя красивыя дамы, схватившись за руки, съ крикомъ присѣдали, окунаясь въ воду, а ихъ потомство бѣгало по мокрому песку и громко ревѣло отъ страха, а можетъ быть и отъ счастья. Оставшись въ трусикахъ, я растянулся и подставилъ солнцу спину. Морской просторъ, голубое небо, отсутствіе стѣсни-

тельныхъ одеждъ, то томившій тѣло зной, то приходившая ему на смѣну свѣжая прохлада вызывали блаженное чувство совершенной полноты жизни. Невѣроятнымъ казались зимніе парижскіе дожди, сырость, гриппъ... Я уже сталъ засыпать, погружаясь во что-то синее, покойное и безконечное, какъ вдругъ чьи-то громкіе голоса вернули меня къ дѣйствительности. Я глянулъ — по берегу, у самой воды, толкаясь и галдя, шла компанія молодыхъ людей.

На переднемъ былъ фракъ, бѣлая рубашка и ботинки съ непомѣрно длинными, какъ лыжи, носками; онъ размахивалъ руками въ черныхъ, безъ пальцевъ, перчаткахъ и дружески привѣтствовалъ лежавшихъ купальщиковъ продавленнымъ котелкомъ. Другой по самыя уши нахлобучилъ высокій глянцевитый цилиндръ, съ бѣлой почему-то каймой у тульи, и все время путался ногами въ широчайшихъ, какъ юбка, штанахъ. А одинъ былъ въ желтыхъ носкахъ, купальномъ костюмѣ и кутался не то въ ситцевую занавѣску, не то въ женскую кацавейку. И всѣ остальные одѣты въ томъ же родѣ. Компанія была очень веселая. Порой, какъ по командѣ, они останавливались и, повернувшись лицомъ къ морю, пѣли, прижавъ одну руку къ сердцу, а другой потрясая головными уборами. А когда начинали говорить, то говорили не иначе, какъ по трое сразу.

Увидѣвъ лежавшую на пескѣ италіаночку, они остановились, окружили ее и загалдѣли, какъ цыгане на ярмаркѣ. Сердце у меня замерло. Вѣроятно, они ей наговорятъ чего-нибудь неприличнаго, и что же мнѣ дѣлать, если она обратится ко мнѣ за по-

мощью?.. Но италіаночка продолжала лежать, какъ ни въ чемъ не бывало, и только чуть отвернулась въ сторону.

— Какая красавица!..

— Какая фигура!..

— Какіе глаза!..

Словомъ, котелокъ, цилиндръ, занавѣска и всѣ остальные засыпали её комплиментами — искренне, восторженно, благовоспитанно. А затѣмъ, пропѣвъ прелестную пѣсенку въ честь моей русалочки, компанія пошла дальше.

Надо было уже лѣзть въ воду. Теплая, вблизи прозрачная, вдали синяя вода нѣжно охватила горячее тѣло. Песчаное дно постепенно понижалось, и окунувшись я не спѣша поплылъ за волнорѣзъ и плылъ, сколько хватило силъ, а потомъ легъ на спину. Берега отошли. Среди садовъ и рощъ блестѣли оконныя стекла, въ маленькомъ порту пароходикъ напустилъ тучу чернаго дыма, какъ огромныя ступеньки поднимались вверхъ виноградники и цвѣточныя террасы. Справа, на возвышеніи бѣлѣла старая церковь —Madonna della guardia, защитница рыбаковъ. Высокіе темные кипарисы окружали ее мрачнымъ кольцомъ. И всюду горы и, чѣмъ дальше, тѣмъ выше, а вершины самыхъ дальнихъ, сѣрыя, грозныя, походили на гигантскую пилу съ поломанными зубцами... Большое, болтавшееся на голубой ряби бревно вдругъ ожило, подпрыгнуло и, блеснувъ на солнцѣ гладкой кожей цвѣта корицы, снова плюхнулось въ воду, мало-мало не раздавивъ меня. Я погнался за дельфиномъ, но онъ, нырнувъ такъ, что на поверхно-

сти остался только верхній плавникъ, быстрѣе зайца удралъ въ открытое море... Жаль было вылѣзать изъ теплой лазури и надѣвать такія неудобныя городскія одежды.

Глава IV

Магъ и волшебникъ

Дома уже сидѣли за чаемъ, когда я вернулся съ купанья. Столъ былъ заставленъ разными вареньями и печеньями. Капитанъ разговаривалъ съ гостьей — маленькой, худенькой дамой, на видъ хорошо сохранившейся, въ беретѣ на полусѣдой головѣ. Были и еще гости.

— Куда это вы сегодня спѣшили? — спросила хозяина дома дама въ беретѣ, — я васъ въ городѣ видѣла, да вы меня не замѣтили.

— Приходилъ ко мнѣ италіанецъ-рабочій, говоритъ, что у его знакомаго глазъ страшно болитъ, просилъ зайти посмотрѣть. Я и пошелъ; оказалось, что у больного атрофія слезной железы — глазъ совсѣмъ сухой, нѣтъ смазки. А оттого что нѣтъ смазки, больной не можетъ имъ ни глядѣть, ни мигать: отъ малѣйшаго движенія вѣкъ такая боль, какъ будто глазъ каленымъ желѣзомъ прижигаютъ. Ему ужъ много прописывали разныхъ мягчительныхъ, да все плохо помогало. Онъ и рѣшилъ ко мнѣ обратиться. Сталъ я думать, что дѣлать? Надо натуральную слезу чѣмъ-то другимъ замѣнить, а чѣмъ? Думалъ-думалъ — и надумалъ. Попросилъ я блюдечко молока, помочилъ

кусочекъ ватки и приложилъ ее къ глазу. Сразу стало легче, боль пропала. И теперь больной, хоть не долго, а можетъ обоими глазами смотрѣть.

— Вы магъ и волшебникъ, — сказала дама въ беретѣ, — когда я захвораю, я только васъ и буду слушать. Вашъ сосѣдъ, русскій, что живетъ надъ вами, говоритъ, что ступить не могъ, а теперь ходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Ишіасъ у него, кажется, былъ, какъ вы его вылѣчили?

— Тутъ я, пожалуй, непричемъ. Въ Ниццѣ мнѣ одинъ знакомый фармацевтъ предложилъ испробовать новымъ способомъ обработанный скипидаръ и далъ пузыречекъ. Я и подумалъ, можетъ пригодиться, хотя бы какъ отвлекающее. Когда нашъ сосѣдъ обратился ко мнѣ, я и рѣшилъ на немъ попробовать. Взялъ я капельку этой жидкости на кончикъ пальца и повелъ тихонечко по ходу нерва. Веду, а больной говоритъ— вы съ меня всю боль снимаете. — И когда я прошелъ по всему нерву, ему стало совсѣмъ хорошо.

— Чѣмъ же это вы объясняете?—спросилъ одинъ изъ гостей.

— Не знаю — въ наукѣ есть много необъяснимаго. У насъ къ китайской медицинѣ относятся съ пренебреженіемъ, а, между тѣмъ, китайскіе врачи многое умѣютъ хорошо лѣчить. Я самъ у китайскаго дацана кое-чему научился. Нѣкоторыя болѣзни онъ лѣчилъ прижиганіемъ по ходу нервныхъ стволовъ и сплетеній, и очень удачно. Да вотъ наша Аріадна первый примѣръ. Вѣдь переродился человѣкъ послѣ двухъ прижиганій въ носу. Помнишь, какая ты была раньше?

— Еще бы!.. Никогда не забыть — робкая, тру-

сливая. При людяхъ не знала какъ сѣсть, куда руки дѣть, стѣснялась всего. Глядѣлъ на меня папа, вздыхалъ и повелъ, наконецъ, къ докторшѣ, которая эти прижиганія дѣлаетъ. Первый разъ она не попала, вѣроятно, куда слѣдуетъ, а послѣ второго — все сразу какъ-то перемѣнилось. Смѣлость появилась, робости и слѣда не осталась.

— Неужели, Аріадна, ты была когда-нибудь другой? — спросила молодая красивая женщина.

— Какая она была, — вмѣшалась старая няня, давно ставшая членомъ семьи, — сѣсть боялась, а сѣвши — встать стѣснялась; спросятъ ее о чемъ-нибудь, она словъ не находитъ. Зато теперь-то наша Аріадна, — чисто министръ, всѣмъ домомъ правитъ.

— ... Я работалъ однажды надъ лягушками, — разсказывалъ кому-то на другомъ концѣ стола капитанъ, — отпрепаровалъ я ихъ и повѣсилъ по угламъ въ лабораторіи, а потомъ сталъ раздражать электрическимъ токомъ нервы ноги у одной лягушки; пущу токъ — она ногой дрыгнетъ, а за ней въ то же время дрыгали и всѣ остальныя. Думалъ-думалъ, что же это такое, да такъ и не додумался и опыты бросилъ. Потомъ надъ этимъ явленіемъ и другіе работали, теперь оно, вѣроятно, уже объяснено.

За время чаепитія солнце зашло за дальній мысъ, оливки увились золотыми полотенцами съ темнымъ шитьемъ, а по морю раскинулась багряная скатерть.

Медленно ступая, поднимались по дорожкѣ послѣ рабочаго дня цвѣтоводы, каменщики, рабочіе, служащіе... Сдвинувъ шляпы на самый затылокъ, вытирая потъ, они присаживались въ тѣни оливокъ подъ

нависшимъ изъ сада розовымъ кустомъ и, отдохнувъ, снова продолжали путь.

Морской просторъ еще больше раздвинулся, наступалъ часъ вечерней тишины. Разговоры притихли, одинъ за однимъ разошлись гости. Хозяйка убрала со стола, а мы съ капитаномъ сошли внизъ и усѣлись на скамейку посреди сада. Нижняя часть города была уже въ голубоватыхъ сумеркахъ. Большая бѣлая вилла, стоявшая среди пальмъ и лавровъ на сосѣднемъ холмѣ, пылала розовымъ пламенемъ. Разгорались и блекли краски заката. Пробѣжали сверху прохладныя струйки и, зашелестѣвъ по верхушкамъ оливъ, умчались дальше. У сосѣда, въ большомъ цементномъ чану сочно квакнула лягушка, возвѣщая приходъ вечера. Черезъ минуту, изъ другого чана, ей отозвалась другая, а тамъ третья, четвертая... Перекликнувшись и удостовѣрившись, что каждый артистъ на своемъ посту, музыканты устроили настоящій концертъ. Запѣвалой оказался житель ближайшаго чана. Пустивъ нѣсколько трелей томнымъ дрожащимъ баритономъ, онъ исполнилъ сольный номеръ; тутъ была и жалоба на одиночество, жажда встрѣчи, зовъ любви. Далекое серебристое сопрано отвѣтило баритону, что оно тоже одиноко, тоже томится. Эти пѣсни любви неожиданно перебилъ чей-то сердитый, вѣроятно очень ревновавшій басъ. Не успѣлъ онъ кончить, какъ вступилъ весь хоръ, и грянулъ что-то громкое и разудалое.

Капитанъ разсмѣялся.

— Ишь, какъ орутъ... Все же куда пріятнѣе, чѣмъ современные джазы.

— Откуда ихъ столько набралось?

— Здѣсь у каждаго владѣльца участка есть чанъ для поливки сада, а чтобы комары не заводились, туда пускаютъ лягушекъ. Вотъ какъ вечеръ приходитъ, онѣ и начинаютъ музицировать. И ни одного плохого голоса, ни одной фальшивой ноты... Вѣдь все время живутъ въ водѣ, а ни бронхита, ни кашля, ни гриппа... — можно позавидовать. И замѣтьте, холоднокровныя бестіи, а жару-то сколько въ голосахъ!.. — засмѣялся капитанъ. — Я однажды въ Китаѣ слышалъ лягушечій концертъ, тамъ на болотахъ какія-то особенныя водятся, какъ колокольчики всю ночь звенѣли, заслушался... Много есть хорошаго и интереснаго на свѣтѣ, дорогой другъ. Гляжу на это море, а вспоминается нашъ Байкалъ и Сибирь. Тутъ тепло и красиво, а тамъ холодно и дико, и, все-таки, нашъ сѣверъ, такое величіе и красота, что забыть его нельзя.

— Какъ вы на Байкалъ попали?

— Я былъ въ гидрографической экспедиціи; производили разныя измѣренія, изучали мѣстность, снимали карты. Около двухъ лѣтъ я прожилъ на Байкалѣ. И Ирина Павловна была тогда вмѣстѣ со мной. Байкалъ — это, какъ море, съ одного берега не видно другого. Много удивительнаго пришлось тамъ встрѣтить. Зимой до пятидесяти градусовъ холода доходятъ; волна поднимается и застываетъ сейчасъ же; образуются цѣлыя ледяныя поля, похожія на сорванныя вѣтромъ полотнища палатокъ. И несмотря на такіе холода, около озера есть источникъ, который никогда не замерзаетъ, зимой и лѣтомъ одна и та же температура. Вытекаетъ онъ изъ-подъ горы, и тамъ, гдѣ впадаетъ въ Байкалъ, ледъ на озерѣ рыхлый и темный,

какъ во время сильной оттепели. А вода въ самомъ озерѣ такая прозрачная, что на глубинѣ тридцати саженей камешки на днѣ видны. Я какъ-то лазилъ тамъ по горамъ, взобрался на вершину и глянулъ внизъ; а внизу въ бухточкѣ пароходъ стоялъ; гляжу и удивляюсь — стоитъ пароходъ на воздухѣ, и тѣнь отъ него на камняхъ подъ нимъ; потомъ догадался, что воды не видно, такая прозрачная.

На одной горѣ намъ показали пещеру. Пещера высоко надъ озеромъ и кончается глубокимъ проваломъ; мѣстные жители, говорятъ, что онъ до самой середины земли доходитъ; я нѣсколько большихъ камней бросилъ, чтобы узнать глубину; слухъ у меня тонкій, но стука о дно такъ и не услышалъ; зажженную солому бросали, но огонь становился все меньше, превращался въ точку и исчезалъ. Должно быть въ самомъ дѣлѣ глубина большая. Потомъ забрались мы однажды съ Ириной Павловной на вершину какой-то горы. Видъ былъ оттуда прекрасный — внизу озеро, вокругъ горныя цѣпи, лѣса, воздухъ — одно упоенье... Стоимъ, любуемся... И вдругъ какой-то звукъ слышимъ — сначала далекій, странный, ни на что не похожій, словно гдѣ-то на полкахъ стеклянная посуда дребезжитъ; и не то это надъ нами, не то подъ нами. А затѣмъ шумъ сталъ надвигаться, погустѣлъ, превратился въ ревъ, словно сотни товарныхъ поѣздовъ мчались, и прямо на насъ. Чувствовалъ, какъ воздухъ трясется. Жуть напала. А потомъ это стало удаляться, все тише и тише, и закончилось, какъ будто хрустальными стаканчиками чокались. Не знаю. что это было, вѣроятно внутри земли что-то случи-

лось. Но природа — какъ мертвая, была, — ни одинъ камешекъ не сдвинулся, ни одна скала не обрушилась, тамъ есть такія скалы — надъ водой висятъ, вотъ-вотъ обвалятся. И только листья на березахъ трепетали, долго-долго и часто, какъ у осины... Да, Байкалъ — страна чудесъ. Про одно такое чудо мнѣ очевидица говорила. Жила она съ мужемъ въ деревнѣ, на берегу озера. Какъ-то лѣтомъ, въ праздничный день собрались бабы, дѣвки, дѣти, словомъ, кто хотѣлъ, въ лѣсъ по грибы. Ходили, бродили, пора домой возвращаться, и словно всѣхъ ихъ лѣшій обошелъ — не найти деревни. Ищутъ, ищутъ, выйдутъ на вѣрную дорогу, анъ вмѣсто деревни — озеро. Дѣвчонки въ ревъ, бабы смутились — ясно, нечистый... И вдругъ кто-то крикнулъ: — ахти тошненько!.. провалилась наша деревня. И оказалось — вѣрно. Со всѣми мужиками, избами, конями, сараями провалилась. Мѣряли, на мѣстѣ деревни — глубину въ тридцать саженей нашли. Кто былъ въ деревнѣ — никто не спасся, должно быть сразу все пошло ко дну. Пропадинскомъ съ тѣхъ поръ это мѣсто зовутъ.

— А много рыбы въ Байкалѣ?

— Тамъ не только рыба, но и тюлени водятся.

— Какъ же они зимой живутъ?

— Этого ужъ не могу сказать. Зимой все озеро покрыто льдомъ, больше сажени толщиной. Должно-быть, находятъ гдѣ-нибудь отдушины. Между прочимъ, тамъ рыбка встрѣчается, небольшая, но такая жирная, что на солнцѣ она, какъ снѣгъ, таетъ. Мы ею сапоги смазывали, только голова да хребетъ оставались. Непочатый край; какая тамъ охота, какая

рыбная ловля!.. Не даромъ его китайцы облюбовали; южная-то часть съ Китаемъ граничитъ, такъ китайцы отъ своего сумбура на русскую сторону переходятъ; строятъ себѣ деревушки и живутъ. Вотъ гдѣ опасность для Россіи! На Байкалѣ въ первый годъ я видѣлъ китайское поселеніе —три двора всего, а черезъ нѣсколько лѣтъ тамъ было около ста семействъ. Въ Иркутскѣ китаецъ сперва диковиной считался, а потомъ на каждомъ шагу сталъ попадаться. Прачки, сапожники, портные, ювелиры — на всѣ руки мастера, и отовсюду вытѣсняютъ русскихъ. Китаецъ только китайца зоветъ. А питаются они такъ, что никто другой не выжилъ бы на ихъ мѣстѣ. Главнымъ образомъ, лукъ жрутъ, и держатся другъ за друга еще крѣпче, чѣмъ евреи. Тамъ, гдѣ они поселяются, другимъ дѣлать нечего. Желтая опасность не пустое слово.

— Японцы тоже вѣдь опасны?

— Японцы — дѣло другое, они не могутъ жить въ нашемъ климатѣ, они не переносятъ морозовъ. А китайцамъ холода нипочемъ. И затѣмъ — эта китайская сплоченность!.. У нихъ страшная внутренняя дисциплина, а кто не подчиняется, того они просто убиваютъ, и не найдете никогда виновнаго. Когда нужно разсорить постороннаго торговца, напримѣръ, китайскіе купцы всѣ сразу понижаютъ цѣну, а кто не понизитъ, тотъ исчезаетъ, неизвѣстно куда, и не узнать никогда, что сталось съ нимъ. Страшная сила... Жалко, если они Байкалъ захватятъ — ужъ очень тамъ хорошо жить. Все дико, грандіозно, даже бури. Иногда съ горъ срывается вѣтеръ, такой силы, что урагану не уступитъ. Туземцы называютъ этотъ вѣ-

теръ «бора». Какъ-то собралась вся наша экспедиція на пароходѣ, чтобы на другой берегъ переѣхать... Пары были уже разведены; вдругъ капитанъ и заявляетъ —сегодня не поѣдемъ. — Почему? — А вотъ видите? — и показываетъ на черное облако надъ горой, — бора собирается, насъ еще перевернетъ. И это облако все ниже да ниже, потомъ на берегъ спустилось, да какъ задуло, засвистало!.. Около машиннаго отдѣленія лежала чугунная дверь, ее еще приладить не успѣли; такъ эту дверь, какъ листокъ бумаги, подняло, понесло и въ воду шваркнуло... Да, и климатъ, и люди тамъ другіе, не такіе, какъ въ Россіи. Вотъ куда стоитъ поѣхать провести лѣто... Трудно намъ было только съ квартирой устроиться. Наняли мы комнату у тамошняго мужика, богатаго хуторянина. Спросили — клопы есть? — Никакъ нѣтъ, насъ не кусаютъ.—Все-таки, прежде, чѣмъ переселиться, мы отдѣлали наше помѣщеніе заново, оклеили обоями, покрасили, вымыли, и все же тучи клоповъ напали на насъ въ первую же ночь. Чего мы ни дѣлали — вымораживали, порошки сыпали, жидкостями всякими мазали. Едва-едва вывели... И нравы свои, сибирскіе. Ѣду я однажды изъ Иркутска на Байкалъ, въ вагонѣ холодно, попросилъ истопника печь затопить. — Да, я — говоритъ — лучины не могу нащепать, только горловичокъ есть; вотъ какъ бы боковичокъ былъ, ну тѣмъ способнѣе. — А что такое «горловичокъ»? — спрашиваю. Онъ мнѣ и показываетъ тоненькую пластинку, страшно отточенную. — Это и есть, однако, горловичокъ. — Почему такъ называется? — Горло имъ рѣзать удобно. Простымъ-то ножомъ мало-ли что, а

этимъ въ самый разъ...—Вотъ такъ истопникъ, думаю, и спрашиваю: — а боковичокъ, что же такое?—А это, когда зимой полушубки носятъ, горловичокъ поломаться можетъ, то боковичокъ употребляютъ, ножъ такой острый и твердый...—И бродяги тамъ хуторянъ рѣжутъ, а хуторяне — бродягъ. Весной я много ходилъ въ окрестностяхъ Байкала, и самъ нашелъ нѣсколько зарѣзанныхъ этими горловичками и боковичками. И до суда-то не доходитъ. Сожрутъ звѣри тѣло, растащутъ кости, а кто это былъ — никого не интересуетъ. — Пропалъ въ тайгѣ — вотъ и все.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Теплая южная ночь ласкала тѣло; донесся пряный запахъ какихъ-то цвѣтовъ. Длинная главная улица внизу освѣтилась блѣднымъ электрическимъ свѣтомъ. Въ маленькой бухточкѣ на краю мола торопливо мигалъ крошечный огонекъ, на невидимомъ морѣ тихо передвигались огоньки рыбачьихъ лодокъ... Сквозь листву украдкой пробирались звѣзды. На бѣлую стѣну дома выползло и застыло цѣлое семейство ящерокъ. Гдѣ-то заиграли на роялѣ, а лягушки попрежнему славословили ночь.

Капитанъ замолчалъ, посмотрѣлъ на небо.

— Идемте въ хату, можетъ и намъ сыграютъ что-нибудь.

Въ небольшой гостиной, возлѣ чернаго раскрытаго піанино стояла Аріадна и разбирала лежавшія на этажеркѣ ноты. На стѣнахъ — нѣсколько небольшихъ картинъ и портретовъ. Капитанъ сѣлъ на диванъ въ углу, а я принялся разглядывать фотографіи, стоявшія на полкѣ надъ диваномъ. Снимки были маленькіе, но прелестные: озеро съ тростниками, песчаные берега,

дюны, деревянный барскій домъ, скалы, рощи, и на всѣхъ почти снимкахъ — очаровательная дѣвочка, то съ капитаномъ, то съ собаками, то на лыжахъ среди снѣговъ.

— Это наше имѣніе въ Финляндіи, — сказалъ капитанъ, — а дѣвочку узнали?

— Конечно, ваша дочь...

Пришла хозяйка и сѣла за столъ передъ окномъ записать дневные расходы.

Продолжая разсматривать фотографіи, я увидѣлъ портретъ человѣка — съ бородой, уже пожилого, въ сюртукѣ, сидѣвшаго съ книгой въ рукахъ. Лицо худое, красивое, со строгимъ взглядомъ прямо смотрѣвшихъ глазъ, —сильная воля, застѣнчивая скромность? Между портретомъ и хозяйкой большое сходство: такой же овалъ лица, такой же прямой и тонкій носъ, такіе же темные, глубоко сидящіе глаза.

— Кто это? — спросилъ я.

— Мой отецъ, — отвѣтила хозяйка и подошла поближе. — Тутъ онъ снятъ незадолго до смерти. У него была язва желудка, онъ очень страдалъ отъ нея. И все-таки, мы никогда не слышали отъ него жалобъ.

— Въ немъ есть что-то и аскетическое.

— Да. Моя мать умерла гораздо раньше его, и несмотря на это, онъ остался ей вѣренъ до конца. При всемъ его богатствѣ у него, кромѣ моей матери, не было ни явной, ни тайной любви. Онъ имѣлъ только одну страсть и одну слабость. Страсть — его галлерея, гдѣ онъ собиралъ картины русскихъ художниковъ и старинныя иконы.

— А слабость какая?

— Горячій чай. Онъ любилъ и пилъ только страшно горячій чай; ему даже нарочно подогрѣвали стаканъ на конфоркѣ, кипятокъ просто пилъ. Можетъ быть это и ускорило его смерть, — задумчиво сказала Ирина Павловна и снова сѣла за свои счета.

Недалеко отъ портрета, висѣла небольшая картина —женская головка съ темными волосами. Отчетливой была только одна голова; все же остальное представлялось собраніемъ великаго множества неясныхъ и неправильныхъ не то пятенъ, не то многоугольниковъ бирюзово-льдистаго цвѣта. Какъ всегда, глядя на картину, хотѣлось найти то, что дало бы возможность понять ее и судить о ней. Но тутъ ничего опредѣленнаго и яснаго не было, и эта неясность вызывала чувство досады и нетерпѣнія. Наконецъ, послѣ долгаго смотрѣнія, глазъ видѣлъ, какъ-будто, горныя вершины, а черезъ мигъ вершины превращались въ пышное платье, а платье — не то какъ-будто въ туманъ, не то въ облака. Все въ этой картинѣ было «какъ будто» и ничего нельзя было разобрать.

— Картина Врубеля,—замѣтила Ирина Павловна, — онъ писалъ ее, когда гостилъ у насъ, на дачѣ подъ Генуей. Это эскизъ къ «Демону».

О многомъ хотѣлось разспросить хозяйку, но въ эту минуту Аріадна сѣла и заиграла.

— Не будемъ мѣшать, — сказалъ капитанъ, — пойдемъ въ столовую, оттуда и слушать лучше.

Мы вышли и сѣли въ сосѣдней комнатѣ.

— Гдѣ только возможно, — продолжалъ онъ, —я говорю о злѣ и опасности большевизма. Часто бесѣдую объ этомъ съ иностранцами. Но вижу мало успѣ-

ха. Къ моимъ словамъ относятся равнодушно, а то и съ недовѣріемъ. И по моему, при такомъ отношеніи большевизмъ разольется по всему міру. А что вы думаете?

Я не зналъ, что отвѣтить. Для себя-то я зналъ, что большевизмъ — предѣльное зло, не только для Россіи, но и для всего міра. А какъ предупредить объ этомъ другихъ, какими словами объ этомъ сказать, чтобы заставить повѣрить, —не имѣлъ никакого представленія. Но оставить вопросъ капитана безъ отвѣта было невозможно. Для него это былъ страшно важный вопросъ; я видѣлъ, онъ ждетъ отъ меня увѣреній и доказательствъ, что это не такъ, что большевизмъ остальному свѣту не грозитъ.

Я поглядѣлъ на него — это былъ не тотъ ясный, веселый и интересный человѣкъ, который разсказывалъ въ саду о своихъ странствованіяхъ, а другой — мрачный, подавленный, съ упрямымъ выраженіемъ лица, ждавшій утѣшенія и заранѣе въ него не вѣрившій.

Подумавъ, я сталъ говорить, что легкая побѣда большевиковъ въ Россіи объясняется тѣмъ-то и тѣмъ-то, но что на западѣ ему окажутъ сопротивленіе; въ случаѣ войны большевистская армія не выдержитъ удара... Словомъ, я плелъ лапти, какъ могъ. Но на каждое мое утѣшительное предположеніе, онъ приводилъ доводы, о вліяніи большевиковъ на массы, о великомъ умѣніи ихъ лгать, обманывать и пускать пыль въ глаза. Словомъ, онъ не соглашался ни съ чѣмъ, и все ждалъ какого-то слова, которое показало бы, что большевизмъ — дымъ, что ему — не жить.

Мы уже не слышали музыки. У обоихъ явилось чувство враждебности другъ къ другу. У меня оттого, что требовали невозможнаго, у капитана — что я не давалъ чаемаго. Я такъ утомился отъ пустого и тяжелаго разговора, что даже пожалѣлъ, что пріѣхалъ сюда. И видя мою усталость и мучительное состояніе, капитанъ все-таки не отпускалъ меня. Мои отвѣты стали неприлично рѣзкими, я долженъ былъ очень сдерживаться. Но чѣмъ больше я волновался, тѣмъ спокойнѣе и даже веселѣе становился капитанъ. Есть такіе люди, имъ необходимо взволновать и вывести изъ себя другого, чтобы чувствовать себя хорошо. Не знаю, какъ это назвать.

Неизвѣстно, къ чему бы привелъ нашъ разговоръ, выручила хозяйка; она кончила свои записки, заглянула на кухню и сказала, что ужинъ поданъ. Съ чувствомъ громаднаго облегченія я кинулъ своего собесѣдника и вышелъ въ садъ, гдѣ былъ накрытъ столъ.

Глава V

Что когда-то жило

— Мы завтра послѣ кофе собираемся съ Аріадной въ Буссану старую, — обратилась ко мнѣ хозяйка, убирая посуду, — если хотите, поѣдемте съ нами. Только надо встать пораньше.

— Съ удовольствіемъ...

— Тогда идите и ложитесь.

И сейчасъ же послѣ ужина я отправился въ свою пустынную казарму. Неизвѣстно, почему хозяева дали

ей такое прозвище. То былъ длинный бѣлый домъ съ поломъ изъ терракотовыхъ плитокъ. Посрединѣ находилась большая передняя, а направо и налѣво отъ нея по двѣ комнаты для гостей. Въ каждой — умывальникъ съ проточной водой, кровать, столъ, полка для книгъ, комодъ, стулья, печурка для холодного времени. Роскоши не было, но все устроено очень удобно. Окна выходятъ на море; они затянуты тоненькими сѣточками отъ мухъ и комаровъ; сразу же за окнами растутъ лимоны и мандарины; ихъ бѣлые, похожіе на звѣздочки цвѣты наполняли комнату тонкимъ и въ то же время крѣпкимъ запахомъ.

Я быстро раздѣлся и сразу заснулъ.

На самой зарѣ что-то крикливое и очень настойчивое стало будить меня; сперва нельзя было понять, что именно — сильно хотѣлось спать, сонъ путался съ дѣйствительностью. Только мало-по-малу я догадался, что мѣшали спать пѣтухи принца. Не знаю, сколько ихъ было — можетъ быть двадцать, а можетъ и двѣсти. Басами, альтами, тенорами они привѣтствовали новый день. На минуту наступило затишье, я уже началъ снова дремать, какъ вдругъ подъ самымъ окномъ — хлопъ-хлопъ, и раскатистая октава протянула:

— Ка-ра-улъ...

Октавѣ отозвались голоса потоньше...

— Клукъ,-клукъ,-клукъ, — собирала цыплятъ насѣдка.

— Куд-куд-куда... — орали куры, снесшія яйцо. Я спряталъ голову подъ подушку, заткнулъ уши — напрасно. Жестокимъ меня назвать нельзя, но если бы можно было въ эту минуту добраться до пѣтуховъ и

куръ, не знаю, сколько бы ихъ осталось въ живыхъ. И ни на чемъ нельзя было сорвать злости. Видя наконецъ, что покоя мнѣ не дадутъ, я вскочилъ съ кровати, натянулъ купальный костюмъ, накинулъ пальто и отправился къ морю. На берегу еще никого не было. Разостлавъ на своемъ пляжикѣ мохнатую простыню, я легъ досыпать. Солнце вышло изъ-за горъ, тихо хлюпала вода, вѣтерокъ бѣгалъ по голому тѣлу, и я незамѣтно задремалъ, а когда проснулся, вся исторія съ пѣтухами показалась только смѣшной.

Вернувшись съ купанья, я засталъ кофе уже на столѣ. Хозяйка дѣлала бутерброды, а у ногъ ея бродилъ толстый рыжій котъ; получивъ кусочекъ ветчины, онъ деликатно его обнюхалъ со всѣхъ сторонъ и, не найдя подачку себѣ по вкусу, снова закружился около хозяйки.

— Ахъ, ты, гастрономъ...

Увернувшись отъ полотенца, котъ спрятался подъ стулъ, подумалъ, взялъ ветчину и осторожно, словно у него болѣли зубы, началъ жевать, поглядывая въ окно круглыми, глупыми янтарными глазами.

Съѣвши, неторопливо облизнулся, полизалъ спину и задравши хвостъ побѣжалъ на дворъ.

— А Матвѣй Сергѣичъ?

— Спитъ; легъ, какъ всегда, въ пять или въ шесть утра, встанетъ къ двѣнадцати. Онъ и на морской службѣ любилъ только ночныя вахты, мѣнялся даже съ товарищами. Ну, намъ пора.

Захвативъ мѣшочекъ съ провизіей, мы втроемъ спускаемся къ большой дорогѣ. Подходитъ трамвай; онъ чистенькій, бѣлый, ярко блеститъ. Народу мно-

го: крестьяне, рабочіе, но больше всего женщинъ съ корзинами непроданныхъ цвѣтовъ. Кажется, ни одного свободнаго мѣста. Но Аріадна такъ привѣтливо улыбается, такой розовый у нея румянецъ и нѣжный цвѣтъ лица, такъ она полна сѣвернаго очарованія, что ей всѣ тоже улыбаются, кто-то встаетъ, а тамъ потѣснились, и мѣсто находится для всѣхъ. Дорога идетъ по берегу моря; оно тихое, густо-голубое. Вдоль шоссе тянутся гряды яркой герани, растутъ высокіе колючіе кактусы.

Ѣдемъ минутъ тридцать и слѣзаемъ у деревни Буссана-Новая. Склоны горы, на которой стоитъ деревня, покрыты виноградниками, садами, оливковыми рощами. Дома основательные, каменные, подъ красной черепицей.

Отъ Буссаны-Новой до Буссаны-Старой — километра три-четыре. Уже жарко. Пыльная, неровная дорога зигзагами поднимается кверху; навстрѣчу попадаются загорѣлыя крестьянки верхомъ на маленькихъ осликахъ. Ослики ушастые, мохнатые, угрюмые, а глаза у нихъ—темные, прелестные. Повстрѣчавшись, они мотаютъ головой и не хотятъ на насъ глядѣть, зато всадницы смотрятъ на насъ съ любопытствомъ и улыбаются.

— Мамъ, — говоритъ Аріадна, — душа проситъ пищи, — и вытаскиваетъ бутербродъ, жмуритъ глаза и нюхаетъ, — божественно пахнетъ... Я съѣмъ одинъ.

— Вѣдь ты только что ѣла...

— Что-же я подѣлаю со своимъ аппетитомъ? Но ты не бойся, я и съ вами поѣмъ.

Садимся на камнѣ подъ деревомъ и, давъ время

Аріаднѣ принять пищу, двигаемся дальше; часъ спустя на высокомъ холмѣ со срѣзанной верхушкой показываются сѣрые тѣсно стоящіе дома.

— Вотъ и Буссана-веккія,—говоритъ Ирина Павловна, — лѣтъ пятьдесять тому назадъ здѣсь произошло землетрясеніе. Дома частью обрушились, частью потрескались, жить стало опасно, и правительство отвело крестьянамъ новый участокъ. И теперь въ Старой Буссанѣ никто не живетъ, только туристы иногда заглядываютъ.

Солнце ярко свѣтило, все вокругъ было весело и радостно, а эта вершина съ сѣрыми, опустѣлыми домами, съ зіяющими черными, дырами, вмѣсто оконъ и дверей, окруженная желтой выцвѣтшей травой, выглядѣла зловѣще и хмуро. По крутой тропинкѣ, глинистой и сухой, осыпавшейся подъ ногами, миновавъ старую развѣсистую фигу, мы поднялись на самую вершину. Щербатыя, каменныя стѣны, потрескавшіяся сверху до низу, провалившіяся крыши, черныя впадины на каждомъ шагу производили жуткое впечатлѣніе — какъ-будто, что когда-то здѣсь жило, не окончательно умерло, а только притаилось по угламъ. Отъ колоннады ближайшаго дома отлетѣла вся облицовка, остались одни кирпичи, внутри ничего жилого — ни обоевъ, ни кусочка дерева, ни штукатурки; на полу — груды щебня. Уцѣлѣла лѣсенка. Поднявшись по ней на верхъ, по другой лѣсенкѣ мы перешли въ сосѣдній домъ, а оттуда въ третій, въ четвертый... Такъ не выходя мы обошли домовъ десять. Вся Буссана представляла одинъ сплошной домъ — къ уже стоявшему пристраивали

другой, изъ такого же матеріала, такихъ же приблизительно размѣровъ, и пробивали къ сосѣдямъ дверь. Не выходя наружу, можно было, вѣроятно, обойти всю деревню. На дворы — никакого намека, а узенькіе проходы между двумя рядами противоположныхъ домовъ можно было назвать скорѣе коридорчиками, чѣмъ улицами. Больше всего Буссана напоминала приплюснутое осиное гнѣздо; между расползавшимися повсюду ячейками-домами, только кое-гдѣ можно было замѣтить небольшія свободныя площадки. По путанымъ узкимъ переходамъ мы пришли къ церкви, стоявшей посерединѣ деревни. Всѣ стѣны ея были въ сквозныхъ извилистыхъ трещинахъ, отъ потолка остались лишь желѣзныя скрѣпы, да надъ алтаремъ повисъ остатокъ свода; а возлѣ стѣнъ, внутри и снаружи, какъ и по всей Буссанѣ, росли высокіе кусты ежевики. Тамъ же, гдѣ земля не была задавлена камнемъ, ежевика разрослась въ такія колючія джунгли, что невозможно было продраться.

Что происходило здѣсь, когда весь этотъ каменный монолитъ затрясся, и заходили стѣны, полы, потолки? Какой мышеловкой долженъ былъ показаться въ эту минуту его обитателямъ этотъ лабиринтъ, такъ живописно прилѣпившійся къ вершинѣ горы? Какая жуть, вѣроятно, напала на людей и на животныхъ, когда то, что привыкли они считать самымъ непоколебимымъ — земля загудѣла и заволновалась, какъ море въ непогоду?

Мы долго бродили по мертвому царству и, выйдя, наконецъ, на ровное мѣстечко на краю деревни, присѣли отдохнуть. Сидѣли и молча глядѣли на развали-

ны — мѣста, гдѣ жилъ человѣкъ и откуда почему-то ушелъ, вызываютъ особое, трудно передаваемое настроеніе. Сознаніе конечности и непрочности всего человѣческаго и земного переходитъ въ неутолимую жажду чего-то стойкаго и непреходящаго. И этого грустнаго чувства не могли развѣять ни цвѣтущія зелены долины, ни величавыя горы вдали. Тронулись въ обратный путь.

— Какъ вашему отцу пришла мысль о галлереѣ?— обратился я къ хозяйкѣ, когда мы уже далеко отошли отъ Буссаны.

— Онъ любилъ картины съ самыхъ раннихъ лѣтъ — и откуда пониманіе бралось? Мальчикомъ, онъ каждую недѣлю получалъ на карманные расходы по 20 копеекъ, но тратилъ ихъ не на сласти, а шелъ на толкучку и рылся тамъ въ старьѣ. Безъ всякихъ указаній, онъ въ это время пріобрѣлъ нѣсколько старыхъ картинъ, которые потомъ висѣли у насъ дома: подумайте — фламандскихъ мастеровъ оказались. Позже онъ сталъ получать уже полтора рубля въ недѣлю, дѣло расширилось. Къ несчастью, когда ему было восемнадцать лѣтъ, умеръ его отецъ, и на рукахъ у него осталось пять человѣкъ. Самъ онъ долженъ былъ работать и не могъ учиться, зато брату далъ прекрасное образованіе. Со своимъ пріятелемъ Кашинымъ отецъ основалъ небольшое льняное дѣло, и изъ этого дѣла выросла потомъ громадная льняная мануфактура на Волгѣ, напротивъ Ипатьевскаго монастыря. Чего они ни устроили у себя — были у нихъ школы, прекрасная больница, учредили пенсіонную кассу, страхованіе на случай инвалидности...

На русскій ленъ былъ большой спросъ за-границей, много торговали съ Англіей, и когда дѣло разрослось, Кашинъ завѣдывалъ фабрикой, а отецъ — главной конторой въ Москвѣ. А начало галлереѣ положили тѣ картины, которыя онъ на толкучкѣ купилъ. Онъ водилъ большое знакомство съ художниками, артистами, музыкантами. Здѣсь уже, въ эмиграціи, я неожиданно получаю большевистскій художественный журналъ; удивилась, развертываю и вижу — большой портретъ отца и его переписка съ нѣкоторыми художниками. Отецъ очень хотѣлъ имѣть портреты всѣхъ большихъ русскихъ писателей и, благодаря ему, въ нашей галлереѣ есть портреты Достоевскаго, Тургенева, Толстого. Онъ самъ велъ переписку и съ писателями и художниками. А мысль собирать иконы подалъ ему Остроуховъ. Они какъ-то вмѣстѣ ѣздили заграницу, осматривали музеи, и отцу особенно понравились примитивы. Остроуховъ ему и сказалъ: — вѣдь въ Россіи свои примитивы есть — иконы...—Вы нашу галлерею видѣли?

— Къ сожалѣнію, въ Москвѣ не бывалъ, но вашу галлерею знаю по снимкамъ... Вы и сами, вѣроятно, уйму русскихъ знаменитостей перевидали?

— Многихъ знала. У матери музыканты, главнымъ образомъ, собирались, а у отца — художники.

Я вспомнилъ недавно прочитанный разсказъ о необыкновенной игрѣ Антона Рубинштейна.

— И онъ бывалъ у насъ, но тогда я была совсѣмъ маленькая и въ музыкѣ ничего не понимала. Чаще приходилъ къ намъ Николай Рубинштейнъ, основатель московской консерваторіи. Хорошо еще помню, какъ

Александръ III посѣтилъ нашу галлерею. Изъ Петербурга отецъ отъ кого-то получилъ телеграмму, что проѣздомъ черезъ Москву государь желаетъ ее осмотрѣть. На этотъ день галлерею для публики закрыли, и самъ отецъ водилъ государя и показывалъ ему картины. А потомъ тамъ же, въ самой большой залѣ пили чай, за однимъ столомъ сидѣли взрослые — государь, государыня, отецъ и другіе, постарше, а за вторымъ — молодежь, между прочимъ и наслѣдникъ, будущій императоръ Николай II. За этимъ столомъ угощала гостей я съ сестрами. А послѣ чая государь подошелъ къ отцу и при всѣхъ, глубоко, въ поясъ поклонился ему и сказалъ: — спасибо вамъ, вы дѣлаете великое русское дѣло.

Шли нѣкоторое время молча, потомъ Ирина Павловна продолжала:

— Удивительный человѣкъ былъ отецъ — скромный, застѣнчивый, а по дѣламъ галлереи надо было вездѣ бывать, писать, посѣщать, просить; а тутъ еще свое мануфактурное дѣло — у него прямо времени на все не хватало. Хорошо, что младшій братъ, когда кончилъ ученіе, принялъ на себя эти хлопоты. Затѣмъ много помогъ и Грабарь — теперешній завѣдующій галлереей. Онъ былъ большой любитель и знатокъ русской старины; въ поискахъ стариннаго, онъ исколесилъ весь сѣверъ Россіи. Это Грабарь по настоящему выявилъ красоту старыхъ русскихъ церквей, соборовъ, часовенъ. Ѣдетъ куда-нибудь на дровняхъ, а самъ кого только можно разспрашиваетъ — нѣтъ ли у нихъ чего древняго. Пріѣдетъ, зарисуетъ, или сниметъ фотографію, и сейчасъ же дальше за другими древно-

стями. Много у него было зарисовокъ, фотографій, но еще больше ненапечатанныхъ негативовъ, не знаю сколько ихъ могло накопиться за пятнадцать или двадцать лѣтъ — тысячи, вѣроятно. Это было самое большое собраніе снимковъ русской художественной старины. И въ 1917 году московскіе студенты, революціонно настроенные, ворвались къ нему и перебили его негативы...

За разговоромъ и не замѣтили, какъ очутились у трамвайной остановки. Ждать пришлось недолго, и мы покатили обратно. День былъ душный, говорить не хотѣлось, изъ головы не выходили разбитые негативы.

— А вы вѣдь тоже на Байкалѣ были?—нарушилъ я молчаніе, чтобы отвлечь мысли.

— Около двухъ лѣтъ я прожила тамъ съ Матвѣемъ Сергѣевичемъ. Одной весной нашъ знакомый сибирякъ предложилъ намъ проѣхаться на его пароходѣ по Байкалу. Собралась большая компанія. Останавливались, гдѣ хотѣли, сходили на берегъ — кто охотился, кто рыбу ловилъ. Дичи тамъ вездѣ, и непуганной, уйма; а въ лѣсу такое пѣніе, такой гомонъ, что человѣческій голосъ заглушали. Однажды остановились мы въ небольшой бухточкѣ и видимъ, съ горы спускается кто-то — большой, коренастый, въ дохѣ, и толстый, словно купецъ замоскворѣцкій; приглядѣлись — медвѣдь. Сошелъ онъ къ водѣ, напился, на насъ посмотрѣлъ, недовольно что-то пробурчалъ, и въ чащу... Европа послѣ такого простора кажется такой прилизанной, тѣсной. А вечеромъ всѣ сходились вмѣстѣ, варили уху, ужинали, столько поэзіи бы-

ло! Климатъ же такой, что не разъ мы въ сорокаградусный морозъ спали подъ открытымъ небомъ — и ничего.

— Даже ушей не отмораживали?

— Даже ушей... Повѣрить, дѣйствительно, трудно. Ѣхали мы какъ-то зимой черезъ Байкалъ. Стужа лютая, а отъ стужи ледъ иногда лопается, и образуются полыньи. Если полынья узкая, ямщикъ разгонитъ лошадей, крикнетъ — держитесь, господа! — и тройка скокомъ черезъ полынью... Страшно, а хорошо; только одинъ разъ пристяжка задними ногами въ полынью попала, все-таки удалось ее вытащить. Бываетъ и такъ, что полынья очень широкая и такая длинная, что ни объѣхать, ни перескочить. Тогда останавливаются и ждутъ, пока она не замерзнетъ. И намъ какъ-то встрѣтилась такая полынья. Рѣшили заночевать. Достали замороженныхъ пельменей, разогрѣли ихъ на спиртовкѣ въ снѣжной водѣ, поужинали, завернулись поплотнѣе въ дохи и заснули. Ночью я вдругъ проснулась, и сама не знаю отчего, но чувствую, что что-то есть. Насторожилась, прислушиваюсь — какой-то гулъ, а не понять — откуда идетъ: то-ли сверху, то-ли изъ-подъ низу, порой совсѣмъ близко загудитъ, а то вдали... И какъ загудитъ — сани трясутся, и все озеро словно шевелится... Жутко стало... Ямщикъ тоже проснулся, спрашиваю — что это такое? — Не бойтесь, однако, барыня, это ледъ отъ мороза колется; ежели подъ нами не треснетъ, живы будемъ, спите!.. — Успокоилъ... Жили мы въ селѣ на Байкалѣ, у тамошняго богатаго мужика. Отвелъ онъ намъ наверху у себя громадную комнату,

мы ее на четыре части раздѣлили — спальня, столовая, гостиная и уголокъ для гостей. И очень хорошую кухарку нашли, чудесно готовила, бывшая каторжанка, отравительница.

— Не боялись ея стряпни?

— Нисколько... Когда-то кого-то она тамъ отравила, ну ее судили, сослали на Сахалинъ, а когда срокъ кончился, — на поселеніе въ Восточную Сибирь перевели. Очень молчаливая была, но къ намъ привязалась за то, что Матвѣй Сергѣевичъ отнесся къ ней съ довѣріемъ. Мы ей давали на расходы въ мѣсяцъ опредѣленную сумму — пусть дѣлаетъ, что хочетъ, и какъ хочетъ... И какую рыбу мы ѣли, какіе пироги она готовила!.. А для услугъ по дому—дровъ наколоть, печи протопить—хозяинъ далъ намъ одного изъ своихъ работниковъ—то же убійца и то же молчаливый, угрюмый... Край особенный... Ѣдемъ, бывало, на саняхъ, лошади вдругъ начинаютъ храпѣть, жмутся... Глядишь, пятнышко на снѣгу виднѣется, подъѣзжаемъ — не то убитый, не то замерзшій. Весной, когда снѣгъ начинаетъ таять, много тѣлъ такихъ находили. Ихъ такъ и называли — подснѣжниками. Народъ тамъ отчаянный. Село гдѣ мы жили, громадное — версты на четыре вдоль дороги вытянулось. И какъ только ночь — крики, пѣсни, стрѣльба — тысячи три жителей было, и одинъ только урядникъ. Потомъ еще одна картина осталась въ памяти; шли мы какъ-то съ мужемъ по дорогѣ и вдругъ странный звукъ слышимъ — не то колокольчики, не то молоточками по желѣзу бьютъ. Пошли мы дальше и

видимъ: идетъ длинная вереница людей, а по бокамъ солдаты; впереди — закованные въ кандалы; шагнетъ человѣкъ, кандалы и звенятъ; странное впечатлѣніе, и очень сильное; а за кандальниками — бабы, ребятишки, повозки со скарбомъ. Потомъ мы узнали, что въ селѣ этапъ былъ для ссыльныхъ, они тутъ ночевали и отдыхали: снаружи высокій заборъ, а внутри острогъ. Меня Матвѣй Сергѣичъ водилъ туда посмотрѣть. Головы у осужденныхъ на-половину обритыя, на спинѣ бубновый тузъ, нѣкоторыя лица дѣйствительно звѣрскія, другія — самыя добродушныя. И тутъ же семьи, которыя отцовъ провожали—бабы, ребятишки... Бабы въ платочкахъ, ребятишки — въ чемъ Богъ послалъ... Но мы ужъ, кажется, пріѣхали, надо выходить. Аріадна, гдѣ ты?

Мы слѣзли, пошли; съ берега доносился непрерывный шорохъ, словно водяной метлою наводилъ чистоту и порядокъ въ своемъ царствѣ.

По другой сторонѣ тянулись сады. Выше всѣхъ поднимались евкалипты съ полуголыми стволами и длинными сѣрыми лентами отставшей коры. На самомъ припекѣ, не боясь зноя, стояли темно-зеленыя пиніи, старыя оливки, остроконечные кипарисы. Съ каменныхъ стѣнъ свисали розовыми и багряными коврами цвѣтущія герани. Но отъ южной разноцвѣтной природы мысль уходила къ дикимъ скаламъ и лѣсамъ сѣвера, къ его суровой нетронутой красотѣ.

Еще съ тропинки мы замѣтили капитана, поджидавшаго насъ въ тѣни, подъ кустомъ олеандра.

— Ну, какъ сходили?

— Очень хорошо. А на обратномъ пути я разска-

зывала, какъ мы съ тобой на Байкалѣ жили. Самой пріятно было вспомнить, только забыла многое. А вы, — обратилась она ко мнѣ, — попросите его разсказать, какъ онъ съ экспедиціей по Ледовитому океану плавалъ.

— Что-жъ, съ удовольствіемъ, если слушать захотите.

И послѣ поздняго завтрака, мы вышли съ Матвѣемъ Сергѣевичемъ въ садъ, усѣлись на наши кресла, и я приготовился слушать.

Глава VI

Океаническое

— Я участвовалъ въ экспедиціи для изслѣдованія Обской губы и Енисейской, — началъ капитанъ, — мы отправились туда изъ Архангельска на пароходѣ «Лейтенантъ Овцынъ», громада эта была не болѣе и не менѣе, какъ въ 125 тоннъ. На буксирѣ мы вели баржу «Лейтенантъ Скуратовъ», нагруженную разнымъ добромъ, необходимымъ для экспедиціи, и кромѣ того, углемъ для нашего парохода. Въ Карскомъ морѣ налетѣла на насъ буря. Такой бури въ этихъ краяхъ я никогда потомъ не видалъ. Какъ валяло насъ, передать нельзя. Машину раскачало, боялись, что сорвется. А хуже всего, уголь сталъ выходить, а пароходъ безъ угля, какъ пробка, куда потянетъ волна, туда и онъ. Надо было взять угля съ баржи, а для этого—установить съ ней сообщеніе, да вопросъ, какъ это сдѣлать въ такую погоду? Пока думали, угля

осталось на нѣсколько часовъ; наконецъ, рѣшили пустить на баржу ракету. Знаете, есть такъ называемыя морскія ракеты; такую ракету зажигаютъ и пускаютъ, а на концѣ у нея веревка, которую она тащитъ за собой; а веревка въ свою очередь привязана къ канату. На другомъ суднѣ веревку сматываютъ, ловятъ канатъ —и сообщеніе готово. Но какъ попасть въ такую бурю съ парохода на баржу? У насъ оставалось всего двѣ ракеты, а волны такія, что баржа то вся видна, то совсѣмъ скроется, и неизвѣстно, гдѣ вынырнетъ. Всталъ вопросъ, кому стрѣлять? Всѣ отказывались, боясь отвѣтственности —дѣло шло не только о насъ, но и о тѣхъ, кто былъ на баржѣ. Тогда поручили мнѣ — хорошо стрѣляетъ, мѣткій глазъ. Я не отказался, думаю — надо попробовать. Подошелъ къ станку, стоять трудно. Гляжу, а на морѣ — что-то жуткое... И вдругъ, неожиданно, отъ сознанія ли опасности, или можетъ быть изъ-за этой самой отвѣтственности, что-то большое въ душѣ поднялось, какая-то духовная опора внутри появилась. Чувствую, что все, что ни сдѣлаю по крайнему своему разумѣнію, то и будетъ хорошо. И я совершенно успокоился, опредѣлилъ направленіе вѣтра, разстояніе до баржи, скорость ракеты и насколько ее можетъ отнести. Прицѣлился, выстрѣлилъ. Пошла и пошла она, и когда баржа на гребень выскочила, въ этотъ мигъ ракета въ нижнюю часть мачты попала. Протянули канатъ, пустили по нему корзины и взяли угля сколько надо. А тамъ и буря успокоилась.

Послѣ небольшого молчанія капитанъ продолжалъ:

— На островѣ Вайгачѣ, куда мы зашли по дорогѣ, есть гора, а на горѣ — капище самоѣдское, ихній Олимпъ. Они туда на богомолье ѣздятъ. И я тамъ былъ, оттуда самоѣдскихъ боговъ привезъ, — видѣли, въ углу столовой стоятъ? Къ Вайгачу много дерева прибиваетъ—подмытый лѣсъ изъ Сибири, обломки кораблей, словомъ—матеріалу достаточно. Найдутъ весло самоѣды, обтешутъ ручку, или лопасть, носъ вырѣжутъ, глаза намѣтятъ — вотъ и богъ. А для экономіи, на томъ же чурбашкѣ, пониже перваго — второй носъ вытешутъ, вотъ и второй богъ. Тамъ же и черепа оленей, медвѣдей, шкуры съ намалеванными фигурами: кружокъ съ двумя точками—голова, длинная черта — туловище, двѣ палочки покороче — ноги. А то на жерди виситъ оленій желудокъ, и не понять—то ли это богъ ихній, то ли жертва богу. Плыли мы вдоль сибирскихъ береговъ и, когда встрѣчали самоѣдское становище, сходили на землю произвести измѣренія, а заодно и поглядѣть, какъ самоѣды живутъ. И лѣтомъ, и зимой живутъ они въ чумахъ изъ оленьихъ кожъ. Однажды я зашелъ въ такой чумъ; стоять въ немъ можно только посерединѣ, а чѣмъ ближе къ краямъ, тѣмъ ниже. Зашелъ и вижу, — хозяйка у очага возится, ножомъ мясо рѣжетъ, а около нея въ мѣхахъ грудной младенецъ лежитъ. Спрашиваю:—гдѣ хозяинъ? — а младенецъ въ эту минуту вслухъ и оскандалился. Хозяйка моя: — о, хараръ, — и къ младенцу; выскребла тѣмъ же ножомъ всю неприличность, закутала ребенка, а ножъ потыкала въ землю и снова мясо стала рѣзать... Во-

ровства у нихъ нѣтъ. Ѣдучи по тундрѣ, я не одинъ разъ видѣлъ сани, поставленныя стоймя, а на саняхъ тюки какіе-то. Я и спрашиваю возницу — что это такое? —Это, Сергѣичъ, товаръ разный: порохъ, дробь, ножи, ситецъ... — словомъ цѣлое сокровище для этихъ инородцевъ. И на сотни верстъ никого... — Вѣдь могутъ взять... — У насъ, Сергѣичъ, никто не возьметъ, найдемъ, если бы кто укралъ... — И въ тундрѣ дѣйствительно не крадутъ. Въ этой пустынѣ, гдѣ на цѣлый день ѣзды никого не встрѣтишь, люди буквально все знаютъ другъ о другѣ — кто гдѣ находится или куда ѣхалъ, зачѣмъ?.. Стащутъ что — сейчасъ сообразятъ, кто могъ проѣзжать мимо, и въ какое время, найдутъ слѣды и вора поймаютъ. Свой — въ тундрѣ ничего не возьметъ; если возьметъ — то чужой. И чужихъ тамъ не любятъ. Какъ-то пошли мы съ однимъ мичманомъ въ самоѣдское становище, гдѣ насъ не знали еще и раньше не видали. Приходимъ, а мужчины-самоѣды собрались около срединнаго чума, на насъ глядятъ. Самый старый, сѣдой, спрашиваетъ: — А кто изъ васъ знаетъ, что это за люди? — Никто не знаетъ ихъ, — отвѣчаютъ.—Ну, такъ надо бы ихъ убить...—И такъ это просто, безъ злобы, даже ласково, словно — для нашего блага.

— Чѣмъ они питаются, какъ живутъ? — спросилъ я.

— Разводятъ домашнихъ оленей, охотятся на дикихъ. Зарѣжутъ олешку и еще горячую кровь, какъ лакомый напитокъ, пьютъ, и мясо, еще теплое, такъ сырьемъ и жрутъ. Но имъ это надо, витамины у нихъ

только и есть, что въ сырой рыбѣ да въ сыромъ мясѣ. Какъ-то пригласили они насъ въ становище на пиръ. Спутали оленю ноги, перерѣзали горло, подставили посуду и кровь съ наслажденіемъ дули, а намъ самые лучшіе куски поднесли —почки, печень... Сырое мясо — твердое, но оно тяжести никогда не даетъ. Мы тоже рѣшили ихъ угостить и позвали къ себѣ на пароходъ. Нашъ кокъ цѣлыя горы всякой всячины наготовилъ, уймищу консервовъ истратили. Наѣлись самоѣды до отвалу, напились, а потомъ несчастные цѣлую недѣлю животами хворали, какъ отравленные были — не привыкли къ вареному. А съ нами послѣ ихъ сырятины ничего не случилось. Я и самъ люблю струганую мороженую рыбу; если ее приправить умѣючи — прекрасное блюдо; одна бѣда, у всѣхъ самоѣдовъ и остяковъ отъ сырого масса внутри паразитовъ. Во время съемокъ, намъ много пришлось ѣздить по сушѣ; лошадей въ тундрѣ нѣтъ, лѣтомъ и зимой запрягаютъ оленей. Узнали мы во время этихъ поѣздокъ, что значитъ комариная сила, недаромъ ихъ въ Сибири гнусомъ называютъ. Тамошній комаръ не чета здѣшнему, онъ всюду пробирается. Я однажды въ каютѣ наблюдалъ, какъ комаръ черезъ крохотную дырочку лѣзъ; сначала переднія ноги всунулъ, потомъ распластался, голову провелъ и ползкомъ черезъ дырку, такъ и влѣзъ. Комары въ тундрѣ заѣсть могутъ. А въ лѣсахъ олени и медвѣди только тѣмъ и спасаются, что въ воду залѣзаютъ и одинъ носъ на поверхности оставляютъ. Люди же сѣтки должны носить; безъ нихъ комары сразу залѣпляютъ лицо и давить ихъ безполезно, — новые садятся. Кромѣ сѣтки,

надо еще было рукава верхняго платья подъ рукавицы прятать и поверхъ резиной перетягивать, безъ этого внутрь пробирались... Экипажъ въ тундрѣ одинъ единственный для зимы и лѣта — нарты, такія легкія, высокія санки; за день, если олени свѣжіе, можно верстъ 80 проѣхать. Когда нужно дать отдыхъ оленямъ, самоѣдъ ихъ распрягаетъ и пускаетъ на волю; они сейчасъ же убѣгаютъ и съ глазъ скрываются. Я въ первый разъ удивился, спрашиваю возницу — какъ же ты найдешь ихъ? — Найдемъ, бачка, собака поможетъ... Пришелъ часъ отправляться, а оленей нѣтъ, и на горизонтѣ ничего не видно, жду, кто ихъ пригонитъ. А у возницы собака была, изъ породы лаекъ. Нагнулся онъ къ ней и что-то сказалъ; та умно такъ посмотрѣла на него, хвостомъ махнула, прямо сказала: —понимаю,—повела носомъ и побѣжала; забѣжала за холмъ, затявкала тихонько и черезъ полъ-часа пригнала всѣхъ до единого оленей. И какъ дѣйствовалъ песъ!.. Идетъ стадо въ кучкѣ, захочетъ какой-нибудь олешка въ сторону свернуть, песъ не пускаетъ, забѣжитъ и къ остальнымъ прижметъ. Прямо залюбовался на собаку. Эти сѣверныя лайки — удивительны. Столько ума, столько такта, и въ то же время такая мягкость и истинное благородство...

— Знаете, мой другъ, — повернулся ко мнѣ капитанъ, — это совсѣмъ особое чувство — ѣхать день, два, десять, проѣхать сотни верстъ и никого не встрѣтить. А осенью это чувство еще острѣе. Выѣдешь, когда темно, ѣдешь цѣлый день на безлюдіи, въ сумерки жуть начинаетъ брать, какъ будто уже никого на свѣтѣ не осталось, и такъ хочется человѣческаго

жилья, голоса, огонька. Когда пріѣдешь въ становище, къ очагу подсядешь, такъ грязный чумъ дворцомъ кажется... Пришлось мнѣ какъ-то заночевать у самоѣдовъ; ночь длинная, спать не хочется, пошелъ къ сосѣду, у котораго молодежь собралась и забавлялась, какъ могла. Между прочимъ, играли въ такую игру: одинъ выходилъ изъ чума, шелъ, куда хотѣлъ и сколько хотѣлось, и втыкалъ гдѣ-нибудь въ землю колъ. Потомъ возвращался обратно, а остальные по одиночкѣ ходили искать этотъ колъ. И всегда находили. Я тоже попробовалъ, вышелъ наружу, прошелъ шаговъ сто, и обратно — собственной руки не видать. И какъ они могли найти палку въ кромѣшной тьмѣ, до сихъ поръ не могу понять...

Капитанъ передохнулъ и снова продолжалъ.

— Во время одной такой поѣздки собственными глазами видѣлъ границу, гдѣ кончается тундра и начинается лѣсная полоса, тайга. Стояла на границѣ лиственница; меня у этой лиственницы сняли, карточка въ альбомѣ и сейчасъ хранится; была она мнѣ всего по плечо, и такая жалкая, растрепанная, захудалая, — а какъ справились съ ея лѣтами — сто двадцать пять оказалось. Отъ этой лиственницы уже лѣсъ шелъ; деревца сперва рѣдкія, маленькія, карлики настоящіе, а потомъ все выше, гуще... Хорошъ сѣверный лѣсъ, но у него большой недостатокъ — на вырубленномъ мѣстѣ больше не растетъ. Образуются болота, гниль, ржа. И что будетъ съ сѣверомъ Россіи, который такъ вырубили большевики, не знаю. Хорошаго-то во всякомъ случаѣ не будетъ. Англичане тоже руку прило-

жили къ нашимъ лѣсамъ. Явились они на сѣверъ оказать поддержку бѣлымъ и дѣйствительно помогли отодвинуть красныхъ отъ Архангельска. А потомъ въ освобожденной полосѣ поставили лѣсопилки и давай сводить нашъ сѣверный лѣсъ, грузить его на пароходы и увозить въ Англію. Выбирали они самые лучшіе участки, гдѣ деревья въ нѣсколько обхватовъ. А вывезли такихъ бревенъ милліоны, не заплативши за нихъ ни копейки. Да и другіе тоже поспособствовали обезлѣсенію Россіи. Съ одной Бѣловѣжской пущей что сдѣлали? Дикая, некультурная Россія берегла лѣсныя богатства, а вотъ просвѣщенные и культурные люди приходятъ и только пенечки оставляютъ...

Капитанъ глубоко задумался, молчалъ и я. Потомъ онъ провелъ рукой по головѣ и снова заговорилъ.

— Работали мы въ Обской губѣ цѣлое лѣто, а на зимовку поѣхали въ Тобольскъ, откуда всѣ собранныя коллекціи нужно было отправить въ Академію Наукъ. И вотъ плывемъ мы по Оби... Рѣка широкая, могучая; мѣстность безлюдная, ровная, сперва тундра, потомъ тайга. Рѣдко когда становища остяковъ попадались. Лѣтнія жилища у нихъ — нѣсколько кольевъ, связанныхъ у верхушки, внизу раздвинутыхъ, бока покрыты берестой, вотъ и дача, каждая семья отдѣльно. А на зиму остяки уходятъ на югъ, въ тайгу; строятъ тутъ срубъ, пять или шесть вѣнцовъ, внутри яму выкопаютъ, наверхъ насыпятъ земли вмѣсто крыши, — и зимовье готово. Живутъ грязно, скучено, но чтобы остяки или самоѣды чесались такъ,

какъ мы во время революціи, не замѣтилъ. Могилы иногда по берегу встрѣчались. Тамъ земля такая — оттаетъ верхній слой, и на немъ трава растетъ, а внизу — твердый ледъ; хоронятъ умершихъ, поэтому, не закапывая, а просто на землю кладутъ и надъ ними изъ дерева что-то вродѣ сундука сколачиваютъ; тутъ покойному водку оставляютъ, хлѣбъ, стрѣлы, нарты сверху положатъ, чтобы и на томъ свѣтѣ онъ могъ бы выпивать, ѣсть и охотиться. Попируютъ живые на похоронахъ, напьются и уѣдутъ. А потомъ ошкуй приходитъ, бѣлый медвѣдь, все разломаетъ, хлѣбъ и мясо съѣстъ, а за одно и покойника, и уходитъ.

— А любятъ они водку, грѣшнымъ дѣломъ, любятъ, — улыбнулся капитанъ, — самое высокое наслажденіе для нихъ напиться пьянымъ, въ дымъ, что называется. Во время экспедиціи пришлось мнѣ жить въ одномъ селеніи; была тамъ церковь, самая сѣверная, кажется, и домовъ всего пять или шесть. Ночевалъ я въ избѣ у тамошняго промышленника; онъ отправился куда-то по дѣламъ, и я былъ одинъ. Спалъ я около оконца, на лавкѣ. Вдругъ ночью — а дѣло было осенью — оконце подымается и лѣзетъ въ избу пустая бутылка, а въ горлышкѣ — трешница, свитая воронкой торчитъ. И голосъ со двора: — водки, бачка, хочу, водки дай. — Хозяинъ мой, кромѣ мѣховъ, и водкой торговалъ, да вѣдь какой!.. Треть спирта, треть керосину, треть настоя на мухоморахъ, и еще толченаго перцу туда прибавлялъ. И лакали это пойло самоѣдины и не дохли, даже хвалили: — хорошая водка, прямо за душу беретъ... Въ этомъ же селеніи познакомился я съ самоѣдскимъ старшиной, князь

Данилой звали. Подружились мы съ нимъ, я его иногда спиртомъ угощалъ; выпить-выпьетъ, но всегда скажетъ: — слабенькая, вотъ у твоего хозяина водка настоящая.—Былъ онъ большимъ скептикомъ — и въ своихъ богахъ, и въ христіанскомъ Богѣ сомнѣвался— и тайкомъ отъ своихъ сородичей ихнихъ идоловъ мнѣ для продажи приносилъ; и о всякихъ дѣлахъ мы съ нимъ разсуждали. Умный былъ бестія, и не жуликъ. Числился Данила православнымъ, но женъ имѣлъ пять, а можетъ быть и десять. Сижу я какъ-то у себя, готовлюсь къ отъѣзду, вдругъ князь Данила съ какой-то женщиной приходятъ: —вотъ что, Сергѣичъ, знаю, что ты уѣзжаешь, жену тебѣ привезъ; очень люблю тебя, самую хорошую и нарядную выбралъ. Бери ее себѣ. Мнѣ только четверть водки за нее дай. — Не понялъ онъ, конечно, что мнѣ, женатому, еще разъ жениться нельзя. А бабенка такая смазливая, въ хорошихъ мѣхахъ, и видно не прочь была, чтобы ее продали... По пути въ Тобольскъ заѣзжали мы въ Березовъ, куда былъ сосланъ Меньшиковъ; поѣхала въ ссылку за отцомъ и его дочь, бывшая невѣста Петра II. Здѣсь она и умерла отъ черной оспы. Могила ея на берегу рѣки Сосьвы, за городомъ. Крестъ и рѣшетка на могилѣ самые простые, деревянные; вблизи рѣка, вокругъ—тундра, все сурово, безлюдно... Въ церкви въ Березовѣ есть ризы, вышитыя ею и ея сестрой, а также образъ Михаила Архистратига, принадлежавшій ватагѣ казаковъ, что покорили Сибирь. А на городскомъ кладбищѣ видѣли могилу графа Остермана. Такъ неожиданно нашли въ этой глуши осколки русской исторіи. А еще до Березова были мы

въ селеніи Кондинское, и къ нашему удивленію оказался тамъ женскій монастырь, должно быть, самый сѣверный въ мірѣ. И церковь настоящая, каменная, крытая желѣзомъ, съ позолоченными крестами.

Капитанъ замолчалъ, онъ словно видѣлъ то, о чемъ разсказывалъ. Я не шевелился, пока онъ снова не заговорилъ.

— А какія тамъ богатства!.. Въ устьѣ Енисея мы грузили уголь, его самоѣды вырубали прямо съ поверхности, безъ всякихъ шахтъ. А по берегамъ Оби видѣли просто сказочныя залежи антрацита... Я ужъ не говорю о сибирской тайгѣ: сплошной лѣсъ, шириной съ тысячу верстъ и длиной около десяти тысячъ. И старое правительство сберегло этотъ неоцѣненный кладъ. Въ этихъ лѣсахъ мы находили нѣсколько разъ полянки, пропитанныя нефтью такъ, что нельзя было бросить заженной спички. Въ горахъ у Байкала наши геологи видѣли породы, въ которыхъ обыкновенно находятся рубины. Въ сибирскихъ рѣкахъ прекрасная рыба и столько ея, особенно во время нереста, что медвѣди спускаются къ водѣ и ловятъ ее лапами. Всего не перескажешь, что тамъ есть. И иногда я думаю — можетъ быть центромъ человѣческой исторіи, сосредоточіемъ того, что даетъ трудъ и мысль, станетъ когда-нибудь эта великая россійско-сибирская равнина...

Послѣ минутнаго раздумья капитанъ, продолжалъ.

— Приходятъ сроки, мой дорогой другъ, чувствуешь неизбѣжность конца и на жизнь смотришь уже иначе. Мнѣ выпало на долю счастье проѣхать Сибирь вдоль и поперекъ. И на мои путешествія я уже гляжу слов-

но издалека, хочется невольно подвести нѣкоторые итоги, сдѣлать кое-какія заключенія. Россійско-сибирская равнина —самое большое и самое удобное человѣковмѣстилище. Но кому оно будетъ принадлежать? Жаль, если не русскимъ — русскіе вложили въ нее такъ много силъ и крови. Или она будетъ принадлежать народамъ біологически болѣе сильнымъ? Большіе вопросы, мой другъ. Будутъ ли изъ-за этихъ человѣковмѣстилищъ вестись войны, или же человѣчество сольется въ нихъ и станетъ единымъ? Едино стадо и единъ пастырь...

Глава VII

Осеннее

Прелестное время — осень. Прелестна осень и въ Италіи. Дни короче, ночи длиннѣе и свѣжѣе. Если не спится, накидываю что-нибудь и выхожу. Въ саду тихо. Все спитъ. Только въ окнѣ у Матвѣя Сергѣича огонекъ — ему еще рано; подъ окномъ, на стѣнкѣ болтаются его полотенце и кальсоны со штрипками — капитанъ все провѣтриваетъ. Горы въ туманѣ, на травѣ крупная роса, струи разныхъ запаховъ тихо плаваютъ въ воздухѣ и обдаютъ душистымъ и теплымъ; а по тонкимъ сучьямъ деревьевъ лазаютъ сѣрыя, съ бѣлымъ брюшкомъ крысы и собираютъ оливки. Эти крысы — вегетаріанцы. Онѣ собираютъ запасы на зиму.

А днемъ развлеченіе — поѣхать въ городъ побродить по базару; онъ весь заваленъ осенними дара-

ми. Въ деревянныхъ будочкахъ съ навѣсами отъ солнца, грудами лежатъ пушистые персики; они такіе мягкіе и нѣжные, что чуть только возьмешь ихъ пальцами, кожица сейчасъ же слѣзаетъ. Въ корзинахъ — темный и свѣтлый виноградъ. Свѣтлый — сладкій и освѣжающій, а темный пахнетъ старой малагой. Надъ раздавленными фигами съ розовой серединой вьются мухи, пчелы. У стѣны, рядомъ съ фруктовой лавкой, горой навалены арбузы; а дыни, боящіяся давки, по одиночкѣ разложены на брезентѣ. И какой отъ нихъ запахъ!.. Подъ высокимъ платаномъ, на узенькихъ прилавкахъ загорѣлыя крестьянки съ горъ продаютъ грибы — бѣлые, рыжики и еще какіе-то; на грибныхъ корешкахъ видны еще земля и мохъ, а на шляпкахъ — прилипшая хвоя. И тутъ же сливы, яблоки, груши, орѣхи, сочные хаки.

А въ рыбномъ ряду — серебристыя сардинки, расползающіеся во всѣ стороны склизкіе осьминоги, разноцвѣтныя рыбы, омары...

Говоръ, смѣхъ, зазываніе, улыбки, толкотня, извиненія. Тамъ гдѣ сыры — важность и строгость. Пармезаны, величиной съ колесо, стоятъ прямо на землѣ, а на доскахъ — горгонзола, del bel paese, бѣлые, кремовые, желтые и всякіе другіе сыры.

— Мнѣ горгонзолы хочется, — говорю я Аріаднѣ.

— Ну, такъ пойдемте!..

Мы у горгонзолы — бѣловатая, съ зелеными прожилками.

— Самая лучшая, — увѣряетъ продавщица, полная, въ черномъ халатѣ, съ глазами, какъ вишни, — вы только понюхайте...

И она на ножѣ протягиваетъ кусочекъ...

— А въ трамвай-то насъ пустятъ съ такимъ запахомъ? — спрашиваю у Аріадны.

— Что говоритъ синьоръ?

Аріадна переводитъ.

— Пустятъ, пустятъ, вамъ только завидовать будутъ...

На базарѣ мы съ Аріадной шалѣемъ; смотримъ носки, пуговицы, шляпы — вещи, которыя по существу никакого интереса для насъ не представляютъ. Аріадна покупаетъ себѣ пару перчатокъ, я — бритвы. Ей перчатки совсѣмъ не нужны, какъ и мнѣ — бритвы. Но ничего не подѣлаешь — что-то купить нужно. А главное, на душѣ весело и легко, то ли отъ этого земного благополучія, то ли отъ синяго неба, то ли отъ этой милой, ласковой толпы. Къ полудню базаръ пустѣетъ, ларьки закрываются, а запахи остаются.

А иногда подъ вечеръ съ горъ скатываются тяжелыя, темныя тучи, срывается вѣтеръ, море начинаетъ гудѣть, бьетъ о берегъ; молніи вспыхиваютъ сразу по нѣскольку, громъ перекатывается по горамъ, и нельзя узнать — гдѣ ударъ, а гдѣ эхо.

Долго бушуетъ гроза, но всему на свѣтѣ приходитъ конецъ. И утро послѣ бури всегда свѣжее, свѣтлое, улыбающееся.

Въ одно такое утро Аріадна предложила:

— Поѣдемте въ городъ, тамъ сегодня ярмарка. Денегъ много не берите, и я не возьму, а то опять въ азартъ войдемъ.

И послѣ завтрака, втроемъ—Аріадна, няня и я —

отправляемся на ярмарку. Слѣзли мы съ трамвая на piazza Colombo. Народу на ней толпилась уймища. Около газетнаго кіоска, на подмосткахъ, стоялъ молодой италіанчикъ, безъ шляпы, съ пышными черными кудрями, съ огненными глазами и на всю площадь доказывалъ, что часы, что у него въ рукѣ, самые настоящіе золотые, ходятъ — великолѣпно, механизмъ — чудный, сила сопротивленія — огромная, словомъ все въ нихъ превосходно, и только изъ уваженія къ почтеннѣйшей публикѣ онъ уступаетъ ихъ за сорокъ лиръ. — Quaranta lire, синьоры и синьорины... Подумайте, не теряйте случая обрадовать себя и своихъ близкихъ... За золотые часы...

И собравъ у виска всѣ пальцы правой руки вмѣстѣ, онъ сейчасъ же распустилъ ихъ на всю возможность.

— Сорокъ лиръ... Avanti, avanti... Осталось уже немного...

Публика, тертый калачъ, впередъ выходить не торопилась, и за сорокъ лиръ золотые часы покупать не собиралась, а переглядывалась и ухмылялась...

— Синьоры, — и кулакомъ по столику, — вы не вѣрите мнѣ?..—сто лиръ, если декажутъ, что часы не золотые... Ха-ха-ха... эти часы не золотые?.. О, бѣдняги!..

И онъ ловко всучилъ часы какому-то мирно стоявшему дядѣ въ широкой соломенной шляпѣ, изъ-подъ которой виднѣлась только красная морщинистая шея, и клокъ бурыхъ волосъ.

— Пусть онъ посмотритъ и скажетъ — золото это или нѣтъ?

Публичная библиотека им. Салтыкова

Но быть экспертомъ дядя не захотѣлъ и, отдавъ часы, сбѣжалъ въ неизвѣстномъ направленіи.

Немного подальше, на разостланномъ по мостовой брезентѣ лежала груда всякой мелочи, нужной для шитья и вязанья. А около брезента, на низенькой скамеечкѣ сидѣлъ молодой италіанецъ въ шапочкѣ кубанкѣ и ловко свертывалъ папиросу одной лѣвой рукой, такъ какъ правой у него не было.

При видѣ Аріадны у него защелкало въ горлѣ; онъ бросилъ папиросу, вскочилъ и заходилъ вокругъ насъ.

— Синьорина, синьорина, вамъ нужны нитки? Какія? Бѣлыя, черныя? У меня есть и позументы, тесемки, ленты; для васъ — все по своей цѣнѣ... Синьорина, вѣдь, русская, а я очень люблю русскихъ, — не унимался италіанецъ.

Синьорина не устояла и, забывъ обѣщаніе ничего не покупать, стала рыться въ кучѣ.

Продавцы чулокъ не зазывали и не кричали. Они являлись исключеніемъ изъ общаго правила. Къ нимъ народъ самъ валилъ; покупательницы рылись, шарили, разбрасывали чулки во всѣ стороны, перехватывали у сосѣдокъ, совѣщались со знакомыми. Торговцы, безсильные, сложивъ руки за спину, съ потухшимъ окуркомъ во рту и карандашемъ за ухомъ, молча глядѣли на базаръ житейской суеты, и на просьбу, подыскать къ чулку пару, только поднимали кверху брови и глаза.

А сколько было кіосковъ съ безопасными и опасными бритвами, мыломъ, помазками!.. Можно было обрить всю Европу, Китай, Японію, Африку, львовъ,

слоновъ, тигровъ и сейчасъ же наточить бритвы на какихъ-то новыхъ машинкахъ.

На рыбной ярмаркѣ, рыбаки показали диковинную рыбу: съ горбатой спиной, мышинаго цвѣта, со ртомъ на животѣ и шершавой, какъ терка, кожей. Длиной она была съ аршинъ и лежала на боку, въ корзинѣ, подъ мокрой тряпкой. Когда рыбакъ убралъ тряпку, рыбина шевельнулась, повела боками, по человѣчески горестно вздохнула, и глянула на насъ прелестными прозрачно-изумрудными глазами. Въ этихъ глазахъ была и мысль, и тяжелое страданіе.

Послѣ обхода ярмарки, у меня въ рукахъ очутились: пара подтяжекъ, два носовыхъ платка и машинка для выжиманья сока изъ лимоновъ и апельсиновъ; а у Аріадны — алюминевая кастрюля, приборчикъ для штопки и усовершенствованная терка. Няня же удовлетворилась двумя метрами кружевъ.

Боковой уличкой мы вышли въ центръ городка. Спутницы мои устали.

— Мы домой, — заявили онѣ.

— А я, пожалуй, пойду на Corso, я его еще не видѣлъ.

Няня взяла у меня мои покупки, и мы разстались. По главной улицѣ гуляло много народу. На каждомъ шагу попадались круглыя, коротко остриженныя головы нѣмцевъ съ красными лицами. Отъ солнечныхъ ожоговъ, у ихъ монументальныхъ супругъ, на голыхъ плечахъ и спинахъ кожа порой отставала, какъ старые обои отъ стѣнъ. Молоденькія италіяночки, которыя, какъ извѣстно, не могутъ ходить въ одиночку, а непремѣнно цѣлой компаніей, встрѣчаясь съ

другой компаніей, останавливались на тротуарѣ и принимались щебетать, какъ воробьи весной. Но это никого не раздражало, и спѣшившіе прохожіе съ улыбкой обходили живую запруду.

Разглядывая живописныя итальянскія витрины, я незамѣтно очутился на Corso Imperatrice.

Corso — узенькая площадка, съ пальмовыми аллеями для гулянья, цвѣтниками, павильономъ для оркестра. Привела это мѣсто въ порядокъ, засадила и заботилась о немъ жившая когда-то здѣсь жена Александра II, поэтому его и назвали Corso Imperatrice. Со стороны моря тянется балюстрада изъ зеленаго лабрадора, а внизу по самому берегу идетъ желѣзная дорога. На склонѣ ближайшей горы стоятъ дорогіе отели. Осенью и зимой, въ свободное отъ ѣды время, публика идетъ гулять на Corso.

Уставши отъ ходьбы на ярмаркѣ, я присѣлъ на скамейку въ концѣ аллеи.

Шарканье ногъ по асфальту, шорохъ платьевъ, разговоры, смѣхъ сливались въ однообразный усыпляющій шумъ. Приглядываясь къ гуляющимъ, къ ихъ холенымъ лицамъ, къ моднымъ костюмамъ, я чувствовалъ себя чужимъ и чуждымъ этой благополучной толпѣ. Она не знала вопроса о визахъ, о завтрашнемъ днѣ, о томъ, что дѣлать человѣку, когда у него не будетъ силъ работать. Не знала и не могла, конечно, знать, какъ изъ-за недостающаго четвертака люди сидятъ годами въ тюрьмахъ. Не знала, или не хотѣла знать, что такое голодъ, холодъ, отчаяніе, жгучая скорбь, незабываемая обида...

Я не испытывалъ зависти, но было страшно — не

придетъ ли за это равнодушіе или незнаніе часъ расплаты... Съ этими мыслями я всталъ, пересѣкъ площадь, поднялся на гору и по широкой незнакомой дорогѣ направился домой. По обѣимъ сторонамъ стояли богатыя виллы; нѣкоторыя были такъ красивы, что я невольно останавливался. Вотъ одна — вся изъ розоваго мрамора. Сочная зелень магнолій, бросаетъ на нее кружевную тѣнь.

Другая, изъ блестящаго бѣлаго мрамора, съ полукруглыми поверху окнами, почти безъ украшеній, привлекаетъ взглядъ удивительной соразмѣренностью частей.

Немного подальше — небольшой дворецъ изъ темнаго полированнаго гранита, съ высокими окнами; онъ — задумчиво серьезенъ; въ немъ, вѣроятно, очень удобно жить, работать и отдыхать, за интересной бесѣдой съ друзьями, на стеклянной террасѣ. Высокія горы защищаютъ все это райское мѣстечко отъ холодныхъ вѣтровъ, и счастливые обитатели дворцовъ во всякое время могутъ созерцать лазурь и густую южную зелень. Боги, сошедшіе съ Олимпа, не нашли бы лучшаго жилища.

— Какъ называется эта дорога? — спросилъ я встрѣчнаго итальянца.

— Corso Inglesi, синьоръ.

Домой я попалъ къ чаю. Всѣ уже сидѣли за столомъ; не было только капитана — у маленькаго сарайчика онъ что-то приколачивалъ молоткомъ.

— Вы знаете, — сказала Ирина Павловна,—Матвѣй Сѣргѣевичъ собирается ѣхать въ Лозанну. Вѣдь

недавно вернулся, мѣсяцъ въ отлучкѣ былъ и снова... Ну, пусть ѣдетъ. Когда онъ пріѣзжаетъ, онъ всегда веселый, остроумный, всѣмъ интересуется, а пройдетъ недѣля-двѣ, — начинаетъ скучать, хандрить, капризничать. Ему всегда надо быть въ движеніи. Я ужъ и не удерживаю... Иди, мы ждемъ тебя, — крикнула она ему.

— Пейте безъ меня; приду, когда кончу.

Къ столу капитанъ пришелъ, когда мы уже отпили. Глаза у него блестѣли; онъ просто помолодѣлъ.

— Сапоги я уже подбилъ гвоздями, приготовилъ дорожный мѣшокъ и черезъ два-три дня поѣду...

— А какъ вы любите пріѣзжать на вокзалъ, — спросилъ я, — пораньше или къ самому отходу поѣзда?

— Папа не торопится, — отозвалась Аріадна, — онъ пріѣзжаетъ на вокзалъ, когда поѣздъ уже отходитъ; бѣжитъ за нимъ, бросаетъ на площадку свой мѣшокъ и самъ уже на ходу вскакиваетъ.

— А вы, мой другъ, — обратился капитанъ ко мнѣ, — оставайтесь у насъ, живите, сколько захочется. Я буду только очень радъ.

Черезъ два дня капитанъ уѣхалъ. Изъ Лозанны прислалъ открытку, что онъ проѣдетъ оттуда въ Женеву, а изъ Женевы еще куда-то...

Такъ я и уѣхалъ въ Парижъ, не дождавшись его. Всю долгую дождливую зиму вспоминался маленькій италіанскій городокъ, старыя оливки, бѣлый домъ, голубое море, гостепріимные хозяева. Хотя меня и приглашали снова пріѣхать и погостить, я не думалъ, что когда-нибудь опять попаду въ Италію.

Глава VIII

Послѣдняя вахта

Прошло два или три года. Однажды осенью я слегъ въ постель — воспаленіе легкихъ. Въ это самое время, капитанъ и Ирина Павловна пріѣхали въ Парижъ — у капитана на лѣвомъ глазу образовалась катаракта, ее нужно было оперировать.

Онъ — отъ своей операціи, я — отъ воспаленія, оправились приблизительно въ одно время. Мой докторъ настоятельно совѣтовалъ, чтобы я поѣхалъ на югъ.

И мы втроемъ отправились въ Италію.

Повязка съ глазъ еще не была снята, и капитанъ ничего не видѣлъ; а я былъ слабъ, тощъ, и состояніе моихъ легкихъ меня не радовало.

Везти такую пару, было очень хлопотно, но терпѣніе Ирины Павловны не имѣло границъ. Вначалѣ капитанъ все время ворчалъ — и на больницу, и на больничный уходъ, и на подушку съ рваной наволочкой; упрекалъ Ирину Павловну, что она что-то не такъ сдѣлала, каждую минуту спрашивалъ, не забыла ли она чего-нибудь въ гостиницѣ, гдѣ большой желтый чемоданъ, и куда она дѣвала сумку съ умывальными принадлежностями?.. А мнѣ хотѣлось, чтобы заботились, утѣшали и ухаживали только за мной, и капитанъ, который капризничалъ и требовалъ того же, казался мнѣ ужаснымъ эгоистомъ. Остальные пассажиры, находившіеся въ томъ же отдѣленіи, съ любопытствомъ поглядывали на нашу дѣйствительно не-

обычную компанію. И бѣдная Ирина Павловна успокаивала мужа, утѣшала меня, говоря, что я замѣчательно поправился съ того дня, какъ поднялся съ кровати.

Наконецъ, капитанъ пересталъ ворчать, помолчалъ и заговорилъ съ сосѣдомъ; сосѣдъ оказался не то дворецкимъ, не то лакеемъ, ѣхавшимъ на новое мѣсто.

— И много вамъ приходится работать?

— Знаете, monsieur, лакейская работа не тяжелая, но весь день я долженъ быть на ногахъ. А у меня расширеніе венъ, къ вечеру ноги — какъ въ огнѣ.

— А вы, какъ только будетъ свободная минута, садитесь и ноги на стулъ, а то и повыше, чтобы кровь оттекала.

Женщина, сидѣвшая съ краю и мрачно смотрѣвшая въ окно, поглядѣла на капитана и нерѣшительно сказала:

— У меня тоже болятъ ноги; расширенія венъ нѣтъ, а все-таки, когда холодно и сыро, такъ ноютъ, что ни работать, ни спать.

Капитанъ сталъ ее разспрашивать. Оказалось, что у нея ревматизмъ. Онъ посовѣтовалъ ей носить теплыя сабо и двѣ пары шерстяныхъ чулокъ.

Черезъ четверть часа разговоръ былъ уже общій. Какимъ-то ключикомъ капитанъ открылъ замкнутыя въ недовѣріи другъ къ другу человѣческія души, и духъ настоящаго братства и равенства залеталъ въ нашемъ купэ. У каждаго нашлось что-нибудь интересное, каждаго выслушивали съ участливымъ вниманіемъ. Скука ушла, время проходило незамѣтно.

— На слѣдующей станціи мнѣ надо выходить, — сказалъ лакей, — жалко покидать хорошую компанію. Вы, monsieur, рѣдкій человѣкъ. Должно быть очень ученый. Позвольте васъ поблагодарить и пожать вамъ руку.

Когда мы прибыли на пограничную станцію и перешли на италіанскую сторону, ученый человѣкъ опять заскрипѣлъ и закапризничалъ: всѣ ли вещи взяты изъ вагона, куда дѣлся носильщикъ, гдѣ Ирина Павловна, и почему она оставила его...

На таможнѣ насъ не задержали — всѣ чиновники, носильщики и даже карабинеры оказались друзьями и пріятелями капитана, спрашивали, что съ нимъ такое, выражали сердечное участіе, на наши чемоданы едва посмотрѣли и помогли все перенести на италіанскій поѣздъ.

И я снова очутился въ саду со старыми благородными оливами, но наслаждался ими недолго: черезъ недѣлю думалъ уже бѣжать обратно въ Парижъ. Причиной такого поспѣшнаго отступленія былъ никто иной, какъ самъ капитанъ.

Его раздражала его временная слѣпота, повязка на глазахъ... За столомъ, особенно вечеромъ за ужиномъ онъ тянулъ одну и ту же пѣсню — что онъ всѣмъ въ тягость, что ему остается только ціанистый калій, что весь міръ идетъ къ гибели. Я видѣлъ, какъ тяжело было отъ его словъ и Иринѣ Павловнѣ, и Аріаднѣ. Раздражалъ онъ и меня.

Зрѣніе должно было къ нему вернуться, у него былъ собственный клочокъ, гдѣ онъ могъ жить спокойно, даже будучи слѣпымъ. Кромѣ того, было еще

обстоятельство, которое усиливало мое раздраженіе. Капитанъ ложился спать очень поздно, часа въ 4 ночи, и, когда послѣ ужина всѣ расходились по своимъ комнатамъ, я долженъ былъ оставаться съ нимъ до полуночи. Мнѣ хотѣлось спать, я чувствовалъ себя слабымъ, мнѣ нуженъ былъ отдыхъ, капитанъ зналъ это и, все-таки, не отпускалъ меня. И мы съ нимъ сидѣли, о чемъ-то говорили, я неудержимо зѣвалъ и злился. Чтобы сократить время, иногда читалъ ему вслухъ и читая засыпалъ на полусловѣ. А то, прервавъ чтеніе, онъ задавалъ какой-нибудь вопросъ, поднимался у насъ разговоръ, и всегда объ одномъ и томъ же — о большевизмѣ.

Онъ снова и снова требовалъ отъ меня какихъ-то неоспоримыхъ доказательствъ, что міру коммунизмъ не угрожаетъ.

Больной, слабый, уставшій, каждый вечеръ я долженъ былъ изощряться въ доказательствахъ благополучной будущности міра. Но во всякомъ моемъ доводѣ капитанъ находилъ что-нибудь такое, что давало предлогъ для самыхъ страшныхъ предсказаній. Въ эти минуты онъ былъ такъ упрямъ, такимъ казался мнѣ закостенѣлымъ эгоистомъ, думавшимъ только о своемъ собственномъ покоѣ, что мнѣ надо было очень сдерживаться, чтобы не выйти изъ себя.

И все же порой неудержимо хотѣлось затопать на него ногами, закричать, что онъ мучаетъ всѣхъ — и пусть на міръ валятся какія угодно катастрофы, а мнѣ надо лечь, выспаться, отдохнуть. И эти бесѣды стали, наконецъ, такими невыносимыми, что я задумалъ бѣжать. Наканунѣ предполагаемаго отъѣзда, капи-

танъ, какъ всегда, задержалъ меня для разговоровъ. Я сразу же заявилъ, что буду только читать вслухъ. Мой мучитель согласился. Минутъ черезъ пятнадцать, послѣ начала чтенія, свѣтъ въ глазахъ почему-то сталъ меркнуть, стулъ закачался, появилась тошнота, непобѣдимая слабость, на всемъ тѣлѣ выступилъ потъ; произносить слова не хватало силъ — я замолчалъ.

— Голубчикъ, что такое съ вами? — какъ будто издалека донесся голосъ капитана.

— Нехорошо.

Столько въ его голосѣ было настоящей тревоги, столько онъ выказалъ мнѣ въ этотъ вечеръ душевнаго участія и заботы, въ такое пришелъ безпокойство изъ-за моего лихорадочнаго состоянія, что старое сейчасъ же было позабыто и вычеркнуто. Ощупью онъ поднялся къ себѣ, принесъ какіе-то порошки и подробно объяснилъ, какъ ихъ нужно принимать.

Я, конечно, не уѣхалъ. Днемъ въ хорошую погоду мы вдвоемъ попрежнему сидѣли въ креслахъ на солнцѣ, забывъ о всякихъ угрожающихъ міру катастрофахъ. И въ одинъ изъ такихъ дней, утромъ, онъ вдругъ сказалъ:

— Я, кажется, начинаю видѣть.

Спустя мѣсяцъ или полтора я уѣхалъ въ Парижъ. На прощанье мы крѣпко обнялись съ капитаномъ. Увидѣлись мы съ нимъ лишь черезъ два или три года, въ мой слѣдующій пріѣздъ въ Италію. За это время съ нимъ произошла тяжелая перемѣна, о которой я уже кое-что зналъ изъ писемъ.

Часто бываетъ въ жизни такъ, что боится чело-

вѣкъ одного, но то, чего онъ боится, съ нимъ не случается, а, вмѣсто этого, приходитъ другое, и худшее.

Такъ вышло и съ капитаномъ. Онъ очень боялся потерять зрѣніе, но зрѣніе вернулось къ нему, зато обрушилась другая бѣда.

Вскорѣ послѣ операціи у него слегка начали трястись руки, ноги, голова. Сперва это казалось неважнымъ и неопаснымъ, думали, что трясеніе съ теченіемъ времени пройдетъ само собой. Но время шло, а тряска только усиливалась. Трудно стало уже подносить ко рту ложку, трудно было вставать, еще труднѣе — сѣсть. Хранить равновѣсіе тѣла — то, что для обыкновеннаго человѣка является такимъ же естественнымъ и незамѣтнымъ, какъ дыханіе, для капитана стало сперва очень труднымъ, а потомъ и невозможнымъ.

Жалко и страшно было на него глядѣть. Подниматься и спускаться по лѣстницѣ онъ могъ только крѣпко держась за перила; когда кончались перила, онъ долженъ былъ держаться за стѣнку, чтобы дойти до своего мѣста въ столовой. Садясь, онъ крѣпко упирался обѣими руками о край стола, долго нацѣливался и не садился, а плюхался на кресло. Ложка по дорогѣ отъ тарелки ко рту выдѣлывала маленькіе быстрые зигзаги и, если не проливалась, то часто проходила мимо рта; взять со стола ножъ, вилку, солонку — требовало долгихъ и мучительныхъ усилій. Сходя въ столовую, несмотря на перила, капитанъ иногда падалъ и сильно ушибался. Но умъ, сознаніе и память оставались у него свѣтлыми и совершенно

незатронутыми. У докторовъ эта болѣзнь называется потерей равновѣсія или болѣзнью Паркинсона.

По прежнему мы сходили съ капитаномъ въ садъ и сидѣли на солнцѣ подъ старыми оливами. Была еще ранняя весна, цвѣли хрупкіе ирисы, распускались огромныя розы, то темныя, какъ запекшаяся кровь, то нѣжно желтыя, какъ чуть обоженный фарфоръ, съ розовой каемочкой по краямъ лепестковъ. На пригоркѣ помѣстилась цѣлая подушка изъ фіалокъ. Долетавшій съ моря вѣтерокъ нѣжилъ тѣло и шевелилъ высокія верхушки дикаго овса. Если мы и говорили, то о чемъ нибудь обыкновенномъ, но больше молчали.

О путешествіяхъ я его больше не разспрашивалъ; я видѣлъ, что все его вниманіе обращено теперь на другое. Откинувъ голову на спинку кресла, сильно похудѣвшій, морщинистый, съ закрытыми глазами, онъ подолгу сидѣлъ безъ движенія и только пальцы часто и мелко дрожали.

Я чувствовалъ — онъ мучительно думалъ о чемъ-то большомъ и важномъ; онъ искалъ отвѣта на вопросы, что невольно подымаются передъ послѣднимъ порогомъ, черезъ который каждому надо переступить. Хотѣлось сказать ему что-то утѣшительное, и не говорилось, все вышло бы слабо и безцвѣтно; и я не тревожилъ его пустыми словами.

Былъ прекрасный день. Ночью прошелъ небольшой дождь, и омытые листья лавра остро сверкали на солнцѣ. Земля ликовала. Въ принцевомъ саду перелетныя птички осыпали верхушки евкалиптовъ и давали оглушительный концертъ. Упоительно пахли распустившіеся цвѣты лимонныхъ и мандариновыхъ

деревьевъ. Я свелъ капитана внизъ на скамейку и, перекинувшись хвалебными словами въ честь погоды, мы оба замолчали. Изъ-за ближайшаго мыса показался огромный, съ красными бортами пароходъ. Изъ широкихъ трубъ валилъ коричневый дымокъ и ширясь незамѣтно сливался съ прозрачнымъ воздухомъ. Хотя пароходъ шелъ вдали отъ берега, все же сразу было видно, что это океанскій, а не морской пароходъ. Навстрѣчу ему шелъ другой — бѣлый, изящный, но много меньшій по размѣрамъ, и онъ казался лилипутикомъ по сравненію съ первымъ.

Пароходы сблизились, прошли одинъ мимо другого и разошлись.

— Вотъ, о чемъ я еще думаю и чего боюсь,—заговорилъ капитанъ, не отрывая глазъ отъ окенскаго гиганта, словно онъ разбудилъ въ немъ какую-то дремавшую мысль, — не распадется ли наша страна на маленькіе кусочки — на Украину, Крымъ, Бѣлоруссію и Богъ знаетъ еще на что? Отъ Владивостока до Петербурга, отъ Архангельска до Тифлиса — на шестой части суши мы были у себя дома. Мы сосѣдствовали почти съ безконечностью. Это дало намъ, русскимъ, безбрежную океаническую психологію. Стать же только бѣлоруссомъ, великороссомъ, украинцемъ— это значитъ сократить себя, умалить свою личность. Европейскія души — души малыхъ горизонтовъ, такъ сказать, озерныя и рѣчныя психологіи, а у насъ — именно океаническая. Какъ океанъ принимаетъ всѣ воды — дождь, ручьи, рѣки, такъ и мы принимали въ себя всѣ народы, и всѣ народы были намъ свои. Развѣ для Туркестана и Кавказа было у насъ обидное

слово «колонія»? И всякій народъ, вливавшійся въ Россію, заражался этимъ океаническимъ настроеніемъ: имъ открывались безграничныя пространства, безмѣрныя возможности. Возьмите, напримѣръ, иностранцевъ, поселявшихся у насъ; черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ неизбѣжно захлестывала наша душевная глубь и ширь. А Россія расколовшаяся? Кто родился въ Минскѣ, тотъ долженъ брать паспортъ въ Москву; житель Кіева, не можетъ безъ визы проѣхать въ Ташкентъ, — все время стукаться головой о потолокъ, каждую минуту чувствовать стѣнки своего курятника. Курамъ это ничего, но наши русскія легкія свободно дышутъ только въ широкихъ пространствахъ, въ малыхъ мы задыхаемся. Наша океаническая душа принесла въ міръ такія мысли, образы, такую широту, которыя невмѣстимы въ душахъ малыхъ горизонтовъ, въ душахъ рѣчной или озерной психологіи. И лишиться этой шири — значитъ жестоко ущербить самихъ себя. Нашъ океанизмъ — это любовное отношеніе ко всякому человѣку, наша ширь — это мирное разрѣшеніе всѣхъ расовыхъ и національныхъ противорѣчій. А люди озерной и рѣчной психологіи ничего этого не понимаютъ; они намъ только завидуютъ, на насъ злобствуютъ, у насъ хотѣли-бы все отнять, свести насъ на степень чего-то низшаго. Поэтому, мы должны всесильно бороться со всякими самостійными курятниками и всемѣрно отстаивать недѣлимость нашей страны. Борьба предстоитъ жестокая. Кто побѣдитъ — неизвѣстно. Возьметъ верхъ рѣчная и озерная душа, низко и подло втопчетъ она въ грязь душу океническую и всѣ ея достиженія. Но можетъ

случиться и иначе — порой кажется, что во всемъ русскомъ народѣ бурлитъ эта океаническая стихія, и не была ли наша династія безсознательнымъ проводникомъ этого океанизма, его матеріальнымъ воплощеніемъ?..

... Думаю, движеніе къ безконечному и есть самое настоящее въ русскомъ человѣкѣ, причина всѣхъ его дѣйствій, начинаній, замысловъ... Можетъ быть всю нашу исторію надо бы пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія. Хлѣбъ необходимъ человѣку, всякій имѣетъ право на дары природы, но такъ же необходимо и то, что даетъ духу ширь, мощь, взлетъ кверху. Нуженъ земледѣлецъ, рабочій, но нуженъ и Францискъ Ассизскій, и Серафимъ Саровскій. Въ этомъ Богъ и Его пророки...

И капитанъ снова погрузился въ размышленіе.

Потомъ, поднявъ голову, въ упоръ спросилъ меня:

— Вы вѣрующій?

По голосу, какимъ онъ спросилъ, я почувствовалъ, что для него это очень большой вопросъ.

Я задумался. Сказать — нѣтъ, было бы неправдой; сказать — да, то же самое. А надо было сказать правду, но никакой правды у меня не было.

И я раскидывался мыслью во всѣ стороны, стараясь уловить то, что было для меня истиной, и не находилъ. Но впомнился одинъ моментъ изъ моей собственной жизни, о которомъ я и повѣдалъ капитану. Я стоялъ возлѣ матери, молившейся надъ гробомъ умершаго сына. Въ ея глазахъ, въ ея лицѣ было не отчаяніе, не горе, а нѣчто такое, отъ чего у меня внутри точно треснула сухая кора, и черезъ эту трещину сверху, именно сверху, полилась живая, горячая, непо-

колебимая вѣра, такая, какая была у этой женщины, вѣра, для которой самое невозможное становится возможнымъ. То было состояніе необыкновеннаго счастья, совершенной полноты, которую можетъ только вмѣстить человѣкъ. Все земное, оставаясь такимъ же, преобразилось и просвѣтлѣло. Мое прежнее сомнѣвающееся «я» казалось мелкимъ и скучнымъ. Благодать, сошествіе духа, бывшія до этого мига непонятными словами, стали переживаемой реальностью. Похолодѣвъ отъ восторга, я не шевелился, боясь спугнуть то, что можно назвать только однимъ именемъ — блаженствомъ вѣры... Но минута пришла, и ушла. Снова вернулись сомнѣнія. Можетъ быть, этотъ мигъ никогда не вернется, но память о немъ неизгладима. И я не знаю — вѣрующій я или нѣтъ?

Капитанъ внимательно выслушалъ и долго молчалъ.

— Мой дорогой другъ, — тихо сказалъ онъ, —я тоже не знаю — кто я. Знаю одно — я стою на послѣдней вахтѣ. Она скоро кончится. Что ждетъ впереди — не могу представить. Странѣ нашей желаю избавленія, а близкихъ своихъ прошу объ одномъ: когда уйду, пусть надо мной прочтутъ «Отче нашъ».

Съ годъ мы еще переписывались съ капитаномъ. Писалъ онъ рѣдко и мало — нѣсколько строчекъ. Болѣзнь его словно остановилась — ни лучше, ни хуже. А затѣмъ, въ одно неожиданное утро я получилъ извѣстіе о его смерти.

И только въ этотъ мигъ я по-настоящему узналъ,

какъ близокъ и дорогъ былъ мнѣ этотъ человѣкъ, и какую пустоту оставитъ его уходъ въ моей жизнѣ.

Смерть — сама тайна, раскрыла тайну о живомъ. Передъ ея величіемъ отступили мелочи и недостатки, что порой дѣлали капитана несноснымъ. Зато выступило изъ мрака и окружило усопшаго свѣтлымъ сіяніемъ все то, что было въ немъ большого и настоящаго: чисто русская одаренность — за что ни брался, все дѣлалъ хорошо, — знаніе своей страны, безпредѣльная любовь къ ней, къ природѣ, ко всему живому, душевная чуткость, глубинная мудрость...

Во весь ростъ поднялся онъ — другъ людей, умѣвшій каждому изъ приходившихъ къ нему дать что-то отъ даровъ своей огромной океанической души.

Кончина его была легкой. Въ морскомъ мундирѣ, покрытый Андреевскимъ флагомъ отправился капитанъ въ самое дальнее человѣческое плаваніе. И будетъ онъ стоять до скончанія вѣковъ на вахтѣ того корабля, что уноситъ человѣка въ вѣчность.

MORGENROT.

— Возьмите взводъ и отправьтесь въ сторожевое охраненіе. Особое вниманіе обратите на лѣвый флангъ, — тамъ никого нѣтъ. Обойдутъ насъ, — бѣда...

— Слушаю, господинъ капитанъ...

Выходимъ изъ окоповъ, отправляемся. Во взводѣ пятьдесятъ три человѣка, я — прапорщикъ — пятьдесятъ четвертый. Ночь темная. Мы молча идемъ по обочинамъ шоссе. Винтовки несутъ въ рукахъ. Все тихо. Солдаты сами стараются, чтобы не лязгнулъ штыкъ о штыкъ.

Нѣмцы гдѣ-то впереди. Уже двѣ недѣли, какъ мы не выходимъ изъ арьергардныхъ боевъ. Только сегодня небольшая передышка. Рѣшили, поэтому, отдохнуть, вырыть окопы и ждать утра. Меня-жъ и первый взводъ отправили сторожить покой измученныхъ людей. Выборъ палъ на меня потому, что эту мѣстность я знаю прекрасно, — здѣсь прошли мои гимназическіе годы, и густые лѣса надъ Нѣманомъ съ ихъ просѣками и дорожками исхожены мною вдоль и поперекъ.

У поворота на тропу останавливаемся, — здѣсь надо поставить часового и подчаска. Смутно сѣрѣютъ камни и буреломъ, наваленные на шоссе, чтобы нѣмецкіе броневики не могли застать насъ врасплохъ.

Потомъ сворачиваемъ налѣво. Подъ ногами то и дѣло попадаются толстыя корневища елей, всѣ идутъ осторожно, чтобы не споткнуться и не нашумѣть. Я — впереди. Тамъ, гдѣ кончается эта тропа, есть поляна; отъ поляны протоптанныя крестьянами дорожки звѣздой расходятся въ разныя стороны. Если нѣмцы рѣшили обойти насъ, то имъ этой поляны не миновать.

Въ душѣ сначала большое напряженіе: глаза, не отрываясь, глядятъ въ темноту, слухъ ловитъ самый незначительный звукъ, нѣтъ мѣста никакимъ мыслямъ, только одно — не попасть въ ловушку. Но человѣкъ привыкаетъ ко всему, и долгая ходьба успокаиваетъ взбудораженныя чувства; прокрадываются мысли иного порядка, не имѣющія связи съ настоящимъ. Вѣдь въ этихъ лѣсахъ я когда-то охотился, сколько тутъ лѣсной птицы!.. А изъ глубокаго, быстраго Нѣмана немало было выужено большихъ келбовъ — вкусная мѣстная рыба.

Потомъ приходитъ соображеніе начальственнаго порядка: кого взять съ собой въ развѣдку къ этой полянѣ? Перебираю въ памяти людей, — найдется немало отважныхъ и храбрыхъ, что сами пойдутъ охотно... Но, нѣтъ, ихъ надо поберечь. Есть во взводѣ вольноопредѣляющійся Губкинъ. И рѣшаю: возьму Губкина, его надо подтянуть.

Когда по моимъ расчетамъ половина пути была

уже пройдена, я останавливаю взводъ, чтобы подтянулись отставшіе. Въ темнотѣ громкій шопотъ:

— ... не ступай на ногу, сиволапый...

— Шшш... — шипитъ взводный унтеръ-офицеръ, — я те покажу, какъ базлать...

— Отдѣленные, къ командиру... —передается изъ устъ въ уста команда и, замирая, уходитъ въ темную даль; изъ тьмы постепенно начинаютъ приближаться мягкіе, заглушенные мхомъ, шаги.

— Отдѣленный перваго отдѣленія, честь имѣю...

— Отдѣленный второго отдѣленія...

Я наскоро объясняю отдѣленнымъ, въ чемъ будетъ заключаться нашъ маневръ, и они снова уходятъ. Теперь остается самое важное: надо узнать, есть ли кто на полянѣ. Черезъ триста-четыреста шаговъ стоитъ огромный дубъ, а подъ дубомъ громадные, правильно уложенные, камни, жертвенникъ друидовъ. Надо подойти къ этому дубу, но совершенно тихо, потому что, если на полянѣ нѣмцы, то ихъ часовой тамъ, у этихъ камней.

— Вызовите Губкина, — говорю я взводному унтеръ-офицеру.

— Вольноопредѣляющійся Губкинъ, — шепчетъ унтеръ-офицеръ, — къ командиру.

— Честь имѣю...

— Вотъ что, Губкинъ: мы съ вами пойдемъ немного впередъ. Надо итти крайне осторожно. Отъ этого зависитъ и ваша жизнь, и жизнь другихъ. Ногу ставьте не сразу, а постепенно, потихоньку, чтобы не сломать сучка, чтобы ничто не ворохнулось. Поняли?

— Слушаюсь... — лязгаетъ зубами Губкинъ.

Мы отдѣляемся, уходимъ. Жутко. Губкинъ дышитъ мнѣ въ самое ухо — горячее, непріятное дыханіе. Вдругъ по лѣсу раскатывается дьявольскій хохотъ, жалобный крикъ, пискъ...

— Филинъ... — все снова тихо.

Шагъ за шагомъ, останавливаясь, прислушиваясь, идемъ впередъ.

Не могу объяснить, почему вдругъ явилась увѣренность, что гдѣ-то тутъ есть человѣкъ — не Губкинъ, не я, — а третій, посторонній. Шелохнулся ли онъ, и звукъ, не уловленный ухомъ, все же передался сознанію, или вздохнулъ, — не знаю. Но для меня не было сомнѣнія, что кто-то есть. И стороны стволовъ, обращенныя къ полянѣ, стали, какъ будто, бѣлесыми... Идемъ еще тише. Крутой поворотъ, за поворотомъ долженъ быть дубъ.

— Боюсь... — шепчетъ Губкинъ.

Лежа, въ бинокль, разсматриваю поляну. На полянѣ горятъ костры — немного — три или четыре, между огнями проходятъ темныя фигуры. Лошади. Кавалерія. Шумно вздохнулъ конь вблизи, доносится звяканье удилъ — нѣмецкій часовой тамъ, гдѣ и надо было ожидать, у жертвенника друидовъ. Надо что-то дѣлать.

Я оторвался отъ бинокля и взглянулъ на небо. Надъ тропой сіяла большая синяя звѣзда, виднѣлся отрѣзокъ Млечнаго Пути. Темнота была полна тихихъ ночныхъ шороховъ и шелестовъ. Легкіе и прохладные лѣсные токи смѣнялись тяжелыми, сырыми волнами съ Нѣмана. И изъ этой тьмы, жившей своей таинственной жизнью, донесся пріятный голосъ:

— Morgenrot, Morgenrot...
Leuchtest du zum frühen Tod...

Надо дѣйствовать. Я поворачиваюсь, на землѣ же, на 180 градусовъ и встаю. Губкинъ пыхтитъ сзади. Еще разъ взглядываю на верхъ — найти направленіе, и, можетъ быть, попросить у неба прощенія. Большая синяя звѣзда исчезла, не видно и Млечнаго Пути. Все это — уже тамъ, за спиной, и оттуда же, съ пахучими волнами лѣсного воздуха несется:

— Morgenrot, Morgenrot...

За невнимательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, особенно въ виду непріятеля, часовой подвергается суровымъ взысканіямъ, вплоть до смертной казни... такъ гласитъ военный уставъ.

И невидимые въ ночной тьмѣ люди совѣщаются, шепчутся, расходятся. Половина взвода, подъ командой старшаго унтеръ-офицера, идетъ по тропѣ впередъ. Другая половина, подъ моей командой, сворачиваетъ на узенькую дорожку и гуськомъ пробирается межъ деревьевъ.

Надъ нѣмцами я имѣю страшное превосходство: полное знаніе мѣстности и тропинокъ. Дорожка, по которой идетъ моя половина взвода, поднимается немного кверху и кончается нагроможденными въ дикомъ безпорядкѣ скалами. Между скалъ — темныя, высокія сосны.

Располагаю людей. Патронташи отстегнуты, винтовки наготовѣ.

Изъ за толстаго ствола сосны еще разъ гляжу на поляну въ бинокль. Тамъ костры, человѣческіе силуэты, конскіе крупы. Приходитъ присланный для свя-

зи отъ первой половины взвода, — тамъ все сдѣлано, какъ приказано.

Пора начинать. Пора... Но какъ тяжело. Внутри — все противъ уничтоженія себѣ подобнаго... Во имя чего?..

О, Русская Земля — тихая, мирная, одѣтая дремучими лѣсами и безконечными нивами, съ твоими бѣдными сельскими церковками и тихими погостами — такая смиренная и такая ищущая Бога — за Тебя... А въ томъ мірѣ поклонюсь я погибшимъ по моей винѣ.

Отдѣленные уже стоятъ за спиной, дожидаются. Бинокль съ легкимъ стукомъ уходитъ въ футляръ.

Негромко, четко и твердо:

— Прямо по непріятелю, взво-о-одъ... — Скользятъ затворы. Еще мигъ —томительный, страшный...

— Пли!

Смятенье, бѣготня... Лошади поднимаются на дыбы. Залпъ за залпомъ. Костры тухнутъ... Дробный топотъ. И съ другой стороны — залпъ за залпомъ. Эскадронъ окруженъ, ему не выйти. Гляжу на верхушки деревьевъ, — сѣрѣетъ. Приближается день.

Morgenrot, Morgenrot...
Leuchtest du...

БАРАНЬЯ ГОЛОВА

То, что Кюэно называетъ «метафизическимъ безпокойствомъ», я допускаю, но самъ я ничего подобнаго не испытывалъ и «сверхъестественная» — «другая реальность» для меня закрыта. Такимъ я родился. Мнѣ и сновъ никакихъ не снится.

Наслѣдственность у меня прекрасная: дѣды живали по сто и больше, хозяйничали на своей землѣ, не пили, не курили. Отецъ умеръ отъ воспаленія легкихъ, когда ему пошелъ девятый десятокъ, а мать скончалась на восьмомъ — отъ зараженія крови: наступила на ржавый гвоздь. Отъ своего рода я унаслѣдовалъ здоровье и силу: въ послѣднемъ классѣ, подзадоренный товарищами, сломалъ новую битюжную подкову, и часто, для развлеченія, перебросишь черезъ ворота двухпудовую гирю, — не кряхнешь.

Теперь, конечно, не то: война, революція, бѣженство сдѣлали свое, ну, и зашибалъ, былъ грѣхъ, я — инвалидъ.

По окончаніи корпуса я колебался: стать ли мнѣ инженеромъ, или пойти по военной дорогѣ? Посто-

янное стремленіе видѣть новыя мѣста, входить въ общеніе съ новыми людьми и любовь къ природѣ толкнули меня въ топографы.

Я былъ назначенъ въ Туркестанъ для производства съемочныхъ работъ на самыхъ глухихъ и дичайшихъ горныхъ окраинахъ. Проработалъ я тамъ четыре года: случалось залѣзать къ сосѣдямъ во владѣніе и дѣлать интересныя съемки, ловилъ и англійскихъ «съемщиковъ». Въ глухой долинѣ Памира встрѣтилъ я странный народъ, а жили они у самыхъ ледниковъ: встрѣчаясь по утру, мужчины и женщины въ знакъ привѣтствія скалили зубы, а подъ вечеръ пыряли пальцами другъ друга въ животъ. Я думалъ, что они людоѣды: утренній оскалъ я объяснялъ — «эхъ, кабы съѣсть тебя!» — а вечерній палецъ — «не понравился ли ты, человѣкъ Божій, не пора ли тебя на жаркое готовить?» Но я ошибся, народъ былъ мирный, питался козьимъ молокомъ, сыромъ и жареными ужами. А поклонялись они не солнцу, не мѣсяцу, а безструнной нашей русской балалайкѣ; какъ очутилась балалайка на Памирѣ, почему поклонялись ей, никто мнѣ не могъ объяснить, а сами они ни на какомъ языкѣ не говорили. Прожилъ я съ ними лѣто и такъ привыкъ скалить зубы и пырять пальцемъ, что и до сихъ поръ не могу отстать отъ этой странной привычки и другой разъ совсѣмъ не къ мѣсту это сдѣлаю — и самому неловко, и обижаются.

Работа моя, наконецъ, кончилась, и я съ отчетомъ вернулся въ Ташкентъ по начальству. Тутъ меня ожидало письмо: отецъ съ матерью собирались ѣхать

въ Эссентуки и просили меня похозяйничать во время ихъ отсутствія.

Трехмѣсячный отпускъ я получилъ безъ всякихъ промедленій и въ срокъ поспѣлъ домой. Старики очень мнѣ обрадовались и одно ихъ удивляло — это моя новая «балалаечная вѣра»: по утру скалилъ зубы, а какъ вечеръ, кто ни попадетъ, не пропущу, пырну пальцемъ. Пожили они со мной недѣлю и поѣхали. И я остался хозяиномъ.

*

Мой помощникъ — приказчикъ Семенъ. Когда-то служилъ онъ въ одномъ полку съ отцомъ, а вышелъ отецъ въ отставку, и Семенъ бросилъ службу, и съ тѣхъ поръ — управляющій нашимъ небольшимъ хозяйствомъ. Положительный и богомольный, и въ хозяйствѣ толкъ понималъ — и работа на землѣ была для него выше всего.

— Крестьянство только и есть настоящій трудъ, только тотъ и угоденъ Богу, кто на землѣ работаетъ,— говаривалъ онъ, поглаживая длинную рыжеватую бороду.

А я смотрѣлъ на него — на его упрямые, но покорные глаза и думалъ:

— Нѣтъ, жизнь на Памирахъ я не промѣняю на вашу мирную, но трудную землю.

Лѣто вышло жаркое. Рожь начали убирать спѣшно, чтобы не осыпалась. И мы съ Семеномъ цѣлыми днями пропадали въ полѣ.

Какъ-то подъ вечеръ, когда я сидѣлъ одинъ и, скучая, самъ себя пырялъ пальцемъ, пришелъ Семенъ

предупредить, что приказалъ двухъ коней осѣдлать: Сѣраго и Рыжаго.

— Время невѣрное, — сказалъ онъ, — гляди какъ паритъ, пожалуй еще гроза грянетъ, хлѣбъ-то поскорѣе убирать надо. Поѣдемте посмотримъ, сколько ржи нажали: вы по одной сторонѣ копны будете считать, я по другой. Сколько копенъ — столько возовъ по два раза. Сообразимъ, сколько лошадей и рабочихъ утромъ послать. Хлѣбъ-то къ себѣ аккуратность требуетъ.

И мы отправились. Солнце заходило надъ лѣсомъ; стояла полная, не свѣтящая луна. Я ѣхалъ впереди и внимательно пересчитывалъ копны со своей — съ правой стороны; Семенъ за мной считалъ со своей — съ лѣвой.

Солнце быстро сѣло. И луна была такая яркая и свѣтлая — видно, какъ днемъ. Оставалось посмотрѣть, сколько скосили на полѣ за березовой рощей, — и домой.

Когда еще выѣхали со двора, я замѣтилъ, что Семенъ чего-то безпокоился: ерзаетъ въ сѣдлѣ, охаетъ, приговариваетъ. А когда подъѣхали къ березовой рощѣ, онъ вдругъ вскрикнулъ; бросивъ поводья, горошкомъ скатился съ сѣдла и быстро побѣжалъ по полю на огонекъ къ пастуху.

Первое, что мнѣ пришло въ голову: Семенъ сошелъ съ ума! Я остановилъ своего Рыжаго и побѣжалъ. Догналъ его около костра.

— Что съ тобой?

— А вы ничего не замѣтили?

— Гдѣ?

— Да съ лошадьми...

— Что съ лошадьми?..

— Съ Сѣрымъ! — на Семенѣ лица не было, — у Сѣраго баранья голова стала.

— Баранья голова?..

— Какъ выѣхали, все примѣчаю: вонъ тамъ копна, тамъ копна — глянулъ на Сѣраго, а у него голова-то баранья! Навожденіе? Перекрестился. Нѣтъ не проходитъ. И такой страхъ напалъ, я не выдержалъ.

— Это показалось. Не можетъ быть. Луна, при лунѣ все не такъ.

Въ лунномъ свѣтѣ на дорогѣ лошади были очень хорошо видны: онѣ постояли, помялись и, повернувшись, потихоньку пошли домой.

Я предложилъ сейчасъ же итти и провѣрить. И мы втроемъ отправились по скошенному полю наперерѣзъ. Пастухъ свистнулъ собаку — сильную свирѣпую овчарку. Подойдя къ канавѣ, что отдѣляла поле отъ дороги, мы остановились.

Кони шли не спѣша: впереди Рыжій, на которомъ я ѣхалъ, за нимъ Сѣрый.

Я глянулъ на Рыжаго: Рыжій какъ Рыжій—конь-конемъ; ярко поблескивало болтавшееся стремя. Въ трехъ шагахъ отъ него плелся Сѣрый. Мы всѣ такъ и уставились.

— Гляньте ка! — схватилъ меня за руку Семенъ.

На крутой шеѣ Сѣраго я отчетливо увидѣлъ — вмѣсто конской большой головы — баранья! Я закрылъ глаза, не кажется ли? И опять взглянулъ — нѣтъ, самая настоящая: баранья. Сѣрый, поравняв-

шись съ нами, повернулъ свою баранью голову — тускло краснѣли глаза и тлѣлось въ нихъ такое зловѣщее, что овчарка завыла и спряталась за пастуха.

Молча мы вернулись къ костру, посидѣли съ пастухомъ и пошли домой.

Поутру во дворѣ я столкнулся съ конюхомъ.

— А я подумалъ, — сказалъ онъ, — не стало ли чего съ вами въ дорогѣ. Лошади вернулись, а ни васъ, ни Семена.

— Съ нами-то все благополучно, а лошади какъ?

— Да что можетъ имъ статься? Разсѣдлалъ, напоилъ, задалъ корму, все какъ полагается.

Я на конюшню — тамъ Сѣрый; Сѣрый стоялъ въ своемъ стойлѣ, обмахиваясь отъ мухъ, фыркалъ, и не бараньей, а своей конской мордой торкался къ сосѣдямъ.

Баранья голова больше не показывалась, но я никакъ не могъ выкинуть ее изъ головы. И очень обрадовался, когда вернулись старики и освободили меня отъ хозяйства. А еще больше, когда пришло мнѣ новое назначеніе — на съемку въ Полѣсье.

Съ легкимъ сердцемъ я покинулъ родныя мѣста.

*

Полѣсье — это такая глушь, — куда Памиръ! Убогія деревушки тонутъ въ густѣйшихъ, непроходимыхъ лѣсахъ. Лѣса смѣняются болотами. Надъ головой сѣрыя тучи комаровъ, а подъ ногами на каждомъ шагу — гадюки, жабы, лягушки, и какія!..

Работать было трудно: всегда надо сѣтку для лица и толстыя перчатки — тонкія комаръ прокусывалъ.

А кругомъ вой: это комары мудруютъ!.. Какъ-то шагахъ въ двадцати пробѣжалъ великолѣпный лось, весь окровавленный, — въ комариной тучѣ. А то видѣли на полянѣ: медвѣдь — зажавъ носъ передними лапами, несчастный звѣрь только вылъ.

Поджидая благопріятной погоды, жилъ я въ деревушкѣ — восемь дворовъ. Въ большой избѣ моего хозяина, кромѣ людей, еще цѣлое тараканье царство — рыжіе и черные: зачерпнешь изъ кадки воды — тараканъ, разворачиваешь хлѣбъ, обернутый въ полотенце, — бѣгутъ. А когда гасили керосиновую лампочку — единственную во всей деревнѣ, — вся изба ходуномъ ходитъ.

И странно мнѣ было: строевой лѣсъ подъ бокомъ, а избенка чуть ли не изъ жердей.

— Слабосильные мы, — говорилъ мой хозяинъ, — все-то насъ лихорадка треплетъ, гдѣ ужъ намъ съ матерымъ деревомъ возиться. Да и построить не каждый сумѣетъ: мы народъ темный...

И у меня было такое чувство, точно я на краю свѣта.

Погода поправилась. Подъ вечеръ я рѣшилъ пойти посмотрѣть вышку, чтобы завтра же съ утра приняться за работу.

— Не ходи, — сказалъ хозяинъ, — ночь западаетъ. По ночамъ здѣсь люди не ходятъ.

— Я недалеко.

— Какъ знаешь. А то-бы подождать до утра: благословенное дѣло — утречко.

На всякій случай я захватилъ заряженный, большого калибра, револьверъ и лишнюю пачку патроновъ

взялъ: вдругъ волки, или медвѣдь. Солнце садилось, небо было безоблачное. Дорога шла прямо, потомъ подъ прямымъ угломъ поворачивала въ сторону; послѣ поворота шаговъ восемьсотъ — и тутъ, слѣва отъ дороги, на полянкѣ моя вышка для измѣреній.

Пришелъ я засвѣтло, но пока осмотрѣлъ и провѣрилъ, проступили звѣзды. Возвращаться той-же дорогой не хотѣлось, я рѣшилъ срѣзать уголъ: прямо черезъ лѣсъ выйти на тропу, минуя поворотъ.

Мѣстность знакомая, — я ее же снималъ, — и я увѣренно вошелъ въ лѣсъ. До тропы пятнадцать-двадцать минутъ и на полянѣ не такъ ужъ было темно, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ я попалъ въ кромѣшную тьму. Стукался головой о стволы, натыкался на пни, то-и-дѣло меня хваталъ за ноги сухой хворостъ, два-три раза чавкала вода. Это заставляло мѣнять направленіе, и я заблудился. И долго плуталъ. Пробравшись черезъ густой кустарникъ, я вышелъ, наконецъ, на опушку.

Вдали блестѣлъ огонекъ — я и пошелъ.

Ярко свѣтили звѣзды, а надъ землей висѣла темная, теплая іюльская ночь, такая темная, что ногъ не видать.

Подлѣ костра сидѣли два пастуха; огромныя дубины въ рукахъ. Усмиривъ разъярившихся собакъ, пригласили меня къ огню.

— Заблудился? — спросилъ старшій: высокій, худой, длинная, сѣдая борода, — это здѣсь часто бываетъ.

Другой — пастушонокъ, кутаясь въ тулупъ, грѣлся у самаго огня: сѣрый, трясло его.

— Лихорадка?

— По нашимъ мѣстамъ не переводится!—старикъ, говоря, разгребалъ вѣточкой угли — а картошка-то готова. Не поснѣдаешь ли съ нами?

Я отказался, меня неодолимо потянуло домой: и эти звѣзды, и эта приникающая къ землѣ тьма — хотѣлось домой, все равно, въ тараканій, только куда-нибудь, я чувствовалъ , меня начинаетъ трясти.

— Какъ тутъ пройти къ Дечнѣ? — спросилъ я старика.

— Итти недалеко, да заблудишься.

— А какъ все-таки?

— Повернись спиной къ костру и ступай все прямо. Выйдешь на дорожку и, какъ на нее ступилъ, право бери; черезъ версту тебѣ и Дечня.

И я пошелъ. Скрылся костеръ, а дороги все не было. Странный запахъ долетѣлъ: цвѣлый, чуть кисловатый — и чѣмъ дальше, тѣмъ гуще и противнѣе. Ноги дрожали, холодный потъ выступилъ на лбу. Если бы не гадюки, такъ легъ бы и лежалъ! Пришлось повернуть обратно. Набѣжавшимъ вѣтеркомъ отнесло запахъ. Блеснулъ огонекъ.

— Не нашелъ тропы-то? — спросилъ старикъ.

— И запахъ еще какой!..

— Это отъ Чортовой дыры. Болото такое, — очень вредное. Не только птицы, гадюкъ и жабъ тамъ не водится.

Я посмотрѣлъ на часы: полночь. Никуда не пойдешь. Хорошо еще костеръ — и я задремалъ... и очнулся на хрустъ.

Въ освѣщенномъ кругѣ показалось двое: черезъ

плечо холщевая сумка, въ высокихъ сапогахъ. Поклонившись сѣли они у огня; не помѣщики, не крестьяне, а цыгане или венгерцы — бронзовыя лица, черные глаза, черные волнистые волосы. Пастухи ничего не сказали, ничего не спросили. Сидѣли молча. И тотъ изъ пришельцевъ, что подальше отъ меня, пошарилъ въ сумкѣ.

— Закусить надо,—сказалъ онъ: голосъ хриплый, срывающійся.

Онъ шарилъ долго и, наконецъ, съ трудомъ освобождая отъ тянувшихся тряпокъ, вытащилъ — я ясно видѣлъ: женская полная, бѣлая рука, обрубленная у самаго плеча; видѣлъ всю: и синіе ногти и самый разрѣзъ — розовое, обезкровленное, свѣжее...

Пастухи уткнулись въ землю.

А тотъ шваркнулъ руку въ огонь — и рука упала, разбросавъ угли, пальцами ко мнѣ — и въ ослабѣвшемъ пламени пальцы зашевелились, словно играя на скрипкѣ.

И вдругъ я увидѣлъ: не цыганъ, не венгерецъ — баранья голова смотрѣла на меня: тускло краснѣли глаза и тлѣлось въ нихъ такое зловѣщее, что сорвался я и побѣжалъ.

Я бѣжалъ безъ дороги, ничего не понимая: баранья голова съ бѣлой рукой изъ огня стояли въ глазахъ. И какъ я попалъ въ деревню, какъ очутился на сѣновалѣ, — не помню.

*

Утромъ ночное мнѣ показалось сномъ. Я спустился съ сѣновала и вышелъ. Хозяинъ кололъ дрова и кряхтя поднималъ топоръ съ застрявшимъ полѣномъ.

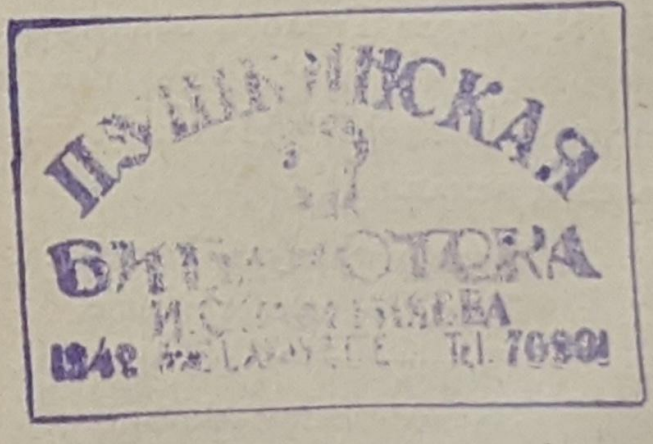
Я разсказалъ, что произошло со мной ночью и просилъ вмѣстѣ пойти посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ встрѣтилъ пастуховъ.

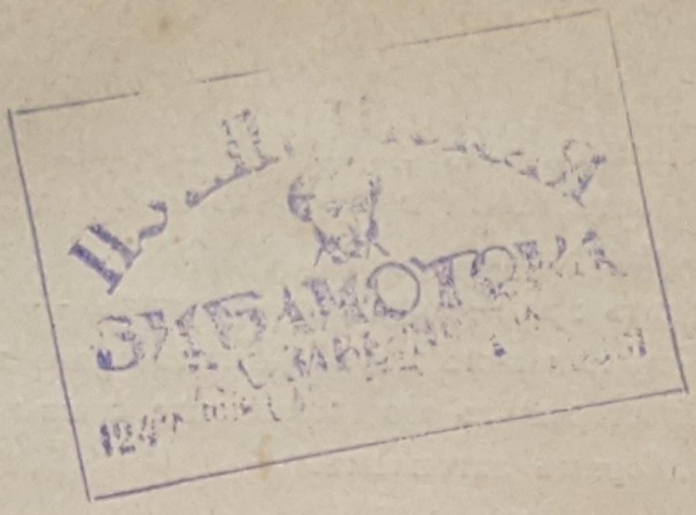
— Ходить зря, — сказалъ хозяинъ, — у насъ и пастуховъ-то никакихъ нѣтъ. Днемъ скотъ на выгонѣ пасется, стережетъ его мальчонка, а на-ночь все стадо по дворамъ загоняемъ.

Я все-таки уговорилъ. И мы пошли: мы прошли всѣ окрестные поля и луга, а слѣдовъ костра нигдѣ не видать. На сжатомъ полѣ выжженное мѣсто:

— Это еще до тебя жнецы ночевали, кашу варили, — объяснилъ хозяинъ, — а пастуховъ у насъ никакихъ нѣтъ и не бывало.

Такъ ни съ чѣмъ и вернулись — и въ третій разъ я увидѣлъ баранью голову здѣсь, въ Парижѣ, на Монпарнассѣ.





ВЪ РАЗСѢЯНІИ СУЩІЕ

Гавловъ остановился у ларька букиниста. На поднятой крышкѣ висѣлъ чей-то портретъ. Лицо показалось ему знакомымъ. Кто?.. Ахъ, да. Наполеонъ: четкій профиль, прядь волосъ на лбу, рука подъ бортомъ жилета... Собственно, какое ему дѣло до Наполеона? И вдругъ Гавловъ заинтересовался, отчего дрожитъ этотъ большой листъ плотной шероховатой бумаги. Отъ вѣтра? Но вѣтра нѣтъ. Значитъ, дрожитъ сама земля.

Котъ взглянулъ на небеса,
Тамъ — землетрясеніе,
Потому что грекъ чихнулъ
Въ это воскресеніе...

— донеслось до него изъ далекаго прошлаго, гимназическаго.

А около, по тротуару двигалась толпа; какъ вода, обтекала она высокую фигуру съ сѣрымъ худымъ лицомъ. Иногда его толкали, онъ этого не замѣчалъ. Скосивъ глазъ, онъ увидѣлъ, что верхняя пуговица

на его пальто оборвана, и, вмѣсто пуговицы, виситъ длинная, черная нитка.

— Пуговицу-то я потерялъ, а сколько разъ говорила жена: дай пришью!.. — И онъ не зналъ, подумалъ онъ это, или сказалъ вслухъ.

Потомъ Гавловъ забылъ о пуговицѣ; съ любопытствомъ онъ засмотрѣлся на толстую книгу въ переплетѣ изъ кожи, цвѣта старинныхъ кружевъ.

— Какая книга! На корешкѣ онъ прочиталъ: Sacra Biblia, а внизу стоялъ годъ выпуска, вытисненный римскими цифрами. Онъ долго разбиралъ ихъ, наконецъ, разобралъ: 1675.

— Да, вѣрно, книга напечатана въ 1675 году.

Гавловъ порылся въ памяти: 1675 годъ — это Людовикъ XIV, Король-солнце, время пышнаго этикета, Версаль, Лувръ... Этотъ король жилъ въ Луврѣ, что напротивъ. И, забывъ о Библіи, Гавловъ принялся разсматривать приземистую массу дворца на другомъ берегу. Король-солнце жилъ когда-то тамъ, въ блескѣ, въ роскоши... А теперь его нѣтъ, и тѣло его выброшено изъ могилы, а Библія осталась... Вещи имѣютъ больше бытія, чѣмъ сдѣлавшій ихъ человѣкъ... И внимательно, словно онъ былъ тутъ первый разъ, Гавловъ оглядѣлся вокругъ. Виднѣлась Сена, мутная, зеленоватая, сдавленная каменными набережными; высокія деревья были голыя. Вдали, словно чуждая этому порядку вещей, поднималась Нотръ-Дамъ; за ея сторожкими башнями высилась тонкая стрѣлка.

— Какъ будто слѣпа, а все видитъ и слышитъ, — подумалъ Гавловъ.

Съ рѣки потянуло холодомъ. Гавловъ съежился. Невдалекѣ стоявшій ажанъ сошелъ съ поста. Онъ уже давно слѣдилъ за этой фигурой, въ пальто кофейнаго цвѣта. Тихо прошелъ мимо Гавлова и въ одинъ моментъ осмотрѣлъ его съ головы до ногъ: старое пальто, дешевыя брюки, худое лицо, на лѣвой рукѣ не хватало трехъ пальцевъ.

— Emigré russe, sans travail — опредѣлилъ опытный наблюдатель человѣчества и больше ужъ не появлялся.

Подошелъ букинистъ.

— Monsieur?

— Je ne suis pas encore fixé...

И Гавловъ медленно пошелъ по набережной, равнодушно поглядывая на ларьки: медали, пистолеты, мѣдные подсвѣчники, книги. Потомъ пошли ноты, много нотъ. Но ноты были самое больное мѣсто въ его душѣ. Не глядя на нихъ, Гавловъ прошелъ на мостъ. Съ каменной горбатой поверхности стекалъ потокъ автомобилей, грузовиковъ, телѣгъ, пѣшеходовъ.

Руки закоченѣли совсѣмъ, особенно зябла лѣвая. Красныя, безобразныя культи сильно покалывало холодными иголками. Гавловъ сунулъ правую руку въ карманъ; лѣвая осталась, какъ была: ампутированныя мѣста боялись прикосновенія къ грубой матеріи кармана.

Вечеръ сѣрѣлъ, сумерки густѣли. Бѣлыя удилища рыболововъ теряли четкость линій. Рука нащупала въ уголкѣ кармана что-то твердое.

— Что?.. Ахъ, два су... Они давно валяются въ

карманѣ, потому что въ Парижѣ на два су ничего нельзя купить, даже хлѣба...

Гавловъ былъ когда-то музыкантъ, скрипачъ, онъ былъ композиторъ. Когда онъ держалъ въ рукахъ хрупкій инструментъ, или торопливо набрасывалъ кружки, точки и черточки по нотной бумагѣ, когда онъ слышалъ внутри себя созвучья, которыхъ еще никто не слыхалъ, онъ былъ тогда у себя, онъ творилъ. А самымъ большимъ, самымъ любимымъ его твореніемъ былъ Opus № 8.

Долго онъ носилъ его въ себѣ и не могъ выявить. Жестокія сомнѣнія заволокли его вѣру въ себя, въ свой даръ. Отчаявшись, онъ бросилъ все и уѣхалъ въ поискахъ чего-то неизвѣданнаго. Онъ видѣлъ дремучіе лѣса, душистыя степи, голубыя моря, великія пространства. И вотъ, въ нѣкоторый моментъ, что-то шевельнулось въ немъ и зазвенѣлъ въ душѣ его Opus № 8. Сначала скорые радостные звуки — словно кто-то быстро ѣдетъ... Потомъ могучее, свѣжее, ритмическое—какъ будто, плещутъ морскія волны, какъ будто, дуетъ вѣтеръ... Задумчивость, печаль, овѣянная надеждой,—это былъ тотъ мигъ, когда онъ увидѣлъ низкія берега пустыни, съ высокими, грустными пальмами... Торопливые звуки, какъ говоръ южной толпы. Религіозное удивленіе, устремленіе къ вѣчности, торжественные аккорды, величественные, какъ египетскіе храмы и пирамиды. Все неясное и безформенное приняло отчетливыя очертанія. Все нашло свое выраженіе; вѣра, сомнѣніе, радость, тоска и горе человѣческое — все оказалось нужнымъ, все стало на свое мѣсто. И вотъ заключеніе — соедине-

ніе всѣхъ вещей и всѣхъ настроеній. Печаль растворяется въ живой радости. Порывомъ вдохновенія духъ уносится къ Недосягаемому.

Такъ кончался Opus № 8.

Долго сидѣлъ надъ нимъ Гавловъ.

Тогда же онъ нашелъ нѣчто еще большее: онъ нашелъ ту близкую душу, которую такъ долго искалъ. Она постигла таинственныя высоты его творчества и въ порывѣ восторга отдала ему всю себя. Для него же, взамѣнъ, она стала звѣзднымъ небомъ, солнцемъ дней его. Тысячами огней озарился ихъ путь...

Такъ оно было. А потомъ, потомъ... И Гавловъ чуть застоналъ... Война, три пальца, революція... Какъ-то случайно, они съ женой очутились въ эмиграціи. Много пришлось пережить скитаній, униженій, нищеты. Наконецъ, Парижъ — сѣрый, дождливый день, сѣрое, тоскливое настроеніе. Оба уповали, что здѣсь будетъ воскрешеніе и избавленіе. А, вмѣсто этого, большой заводскій дворъ, желѣзныя балки и метла въ рукахъ... Жена со страхомъ и съ жалостью смотрѣла на мужа, сердце ея рвалось на части. Потомъ наступилъ кризисъ, и Гавловъ сталъ заводу больше не нуженъ, потому что былъ калѣка, постоянно кашлялъ, съ работой справлялся кое какъ. И когда заказовъ стало меньше, его, вмѣстѣ съ арабами, позвали въ контору и разсчитали. Арабы, получивъ деньги, начали кричать, обращались зачѣмъ-то къ кассиру, но тотъ ихъ не понималъ. Гавловъ, не считая, сунулъ деньги въ карманъ и тихо вышелъ изъ конторы. На улицѣ онъ остановился и посмотрѣлъ

на заводъ. Кирпичъ, стекло, желѣзо... Чего же ждать отъ такого звѣря?

Сегодня съ самаго утра онъ вышелъ въ городъ, сказавъ женѣ, что пойдетъ искать работы. Но искать Гавловъ не умѣлъ, къ тому же онъ зналъ, что всюду уже идутъ сокращенія. Онъ просто бродилъ по Парижу, пока не пришелъ сюда. Цѣлый день онъ ничего не ѣлъ. У жены тоже оставалось всего франковъ пять, вышиваньемъ много не заработаешь.

Стемнѣло. Начали вспыхивать фонари. Гавловъ устало зѣвнулъ. По всему тѣлу пробѣжала волна озноба. Надо итти домой. А итти домой было страшно. За комнату не плачено. Жена, конечно, сразу узнаетъ, что онъ не ѣлъ. И сама она тоже, конечно, не ѣла. А когда они ѣдятъ вмѣстѣ, она нарочно много говоритъ, встаетъ, что-то дѣлаетъ, — это для того, чтобы ему осталось побольше. Теперь она сидитъ надъ шитьемъ и думаетъ о немъ, о его вещахъ, о выпавшей на его долю жизни.

Гавловъ запахнулъ пальто и тихо пошелъ по набережной. Потомъ свернулъ налѣво и поплелся по длинной, узкой улицѣ съ безконечными ресторанчиками и лавочками.

И вдругъ въ душѣ Гавлова запѣла скрипка. Все, что онъ сегодня пережилъ и перечувствовалъ, въ одинъ мигъ сплавилось на внутреннемъ огнѣ вдохновенія, стало единымъ и преобразилось въ звуки. Онъ шелъ погруженный въ музыку своей души, ничего не видя, ничего не замѣчая. Не было голода, не было отчаянія; гдѣ-то вблизи шумѣло многозвучное море, и звѣздное небо растилалось надъ головой. И звуки

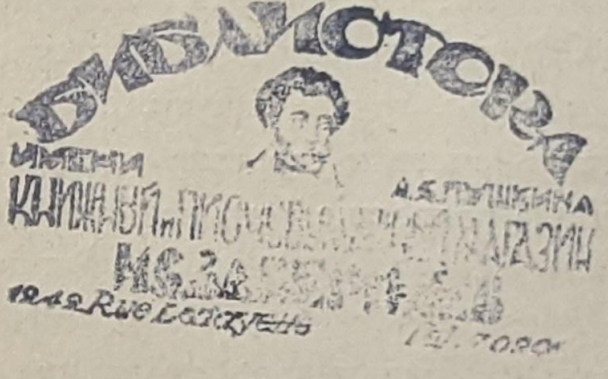
прославляли море, небо и эту прекрасную, въ своихъ истокахъ, человѣческую жизнь.

Рѣзкій гудокъ автомобиля хлыстомъ ударилъ по сознанію, донесся противный запахъ бензина. И то что было въ душѣ, — сразу исчезло. На одну секунду Гавловъ остановился и, уже совсѣмъ тихо, пошелъ дальше. Одинъ уголъ рта оттянулся, вышла некрасивая гримаса. Маленькій школьникъ въ черномъ халатикѣ боязливо покосился на Гавлова и побѣжалъ прочь, стуча деревянными сабо. Быстро стала наростать неясная тревога. Душа безпокойно заметалась. Гавловъ началъ дышать часто, коротко, съ кашлемъ; холодный потъ выступилъ на тѣлѣ. Замѣтивъ скамейку на бульварѣ, онъ устало сѣлъ. Но сердце попрежнему билось неровно, больно, безпокойно. Сорвавшись съ мѣста, Гавловъ быстро зашагалъ дальше. Вотъ и домъ — сѣрый, многооконный, безрадостный... Консьержка выразительно посмотрѣла на него, но онъ уже бѣжалъ по скупо освѣщенной лѣстницѣ, горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть скорѣе жену, обнять ее, сказать, что главное въ ихъ жизни не эти лишенія, не это принужденіе дѣлать не свое дѣло, а другое, другое... И Гавловъ быстро поднимался на свой шестой этажъ, гдѣ въ комнатѣ, съ окномъ въ крышѣ, должна была ждать его жена.

На послѣдней площадкѣ онъ остановился и перевелъ дыханіе и, отдохнувъ, пошелъ дальше. Ступеньки были деревянныя, сбитыя, скользкія.

Вотъ дверь. Онъ прислушался; внутри тихо, словно за ней никого не было. Онъ осторожно постучалъ. Молчаніе. Только изъ за сосѣдней стѣны

донеслись чьи-то голоса. Онъ стукнулъ, громко прислушался. Отвѣта не было, никто не шевелился. Безпокойство, тревога, смертельная тоска разомъ взметнулись въ его душѣ. Неожиданно почувствовалъ тонкій, противный запахъ... Газъ... Сердце остановилось, виски стали мокрыми. Она такъ нѣжно провожала его. Теперь онъ все понялъ. Ноги задрожали, тѣло опустилось на площадку... Крикъ застрялъ въ горлѣ, Гавловъ беззвучно зарыдалъ.



РОЗОВАЯ ЧЕПУХА

Я ѣду лѣсами, лугами, полями.

Поля зеленыя, луга покрыты цвѣтами, лѣса въ молодой листвѣ. Повсюду шумъ и гамъ весенней жизни.

Въ небѣ поютъ жаворонки, невидимкой кукуетъ кукушка. Стоятъ осыпанные то бѣлымъ, то розовымъ цвѣтомъ яблони, груши, вишни, По болоту, не торопясь, шагаетъ аистъ и серьезно осматриваетъ каждую кочку. Наше появленіе его не тревожитъ; однимъ глазомъ онъ смотритъ на насъ, а другимъ продолжаетъ слѣдить за неосторожной лягушкой.

О весна! Праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ... Сердце переполнено розовой чепухой, душа рвется куда-то вдаль, въ головѣ свѣжія мысли, надежды, порывы.

Моего кучера тоже заворожили весеннія чары. Сначала онъ слѣдилъ за аистомъ, потомъ засмотрѣлся на цвѣтущія вишни; и все время чему-то улыбается. Мой Курковскій плутъ, немного лѣнивый, слишкомъ бережетъ свою лошадь, но разстаться мнѣ съ нимъ трудно: онъ любитъ природу и чувствуетъ красоту; за это ему прощается многое.

Вдали показывается деревня.

— Вотъ и Гвоздь шляхетскій, — говоритъ обернувшись ко мнѣ Курковскіій.

Гвоздь шляхетскій — деревня довольно большая. Когда-то одинъ изъ польскихъ королей всѣхъ ея жителей за военныя отличья возвелъ въ шляхетское достоинство. Мужчины здѣсь высокаго роста, съ пышными усами. Черты ихъ лица тонки и благородны. Они всѣ тутъ болѣе или менѣе зажиточные и стараются поддержать свое шляхетское достоинство. Ихъ женщины — самыя красивыя во всемъ уѣздѣ.

И вотъ мы въѣзжаемъ въ деревню. Сперва насъ встрѣчаетъ оглушительный лай, а молодое шляхетское поколѣніе, при видѣ иноплеменныхъ, бѣжитъ отъ плетней и заборовъ со всѣхъ ногъ домой. Опасно. Чужіе. Кто знаетъ, что они могутъ сдѣлать: съ собой взять, съѣсть, зарѣзать... Дома-то, при матери, безопаснѣе. И сколько драмъ: одинъ упалъ, другой запутался въ собственныхъ штанишкахъ, третій застрялъ въ дырѣ подъ плетнемъ.

Ѣдемъ по деревнѣ. Каждый песъ считаетъ своимъ долгомъ облаять насъ только на своемъ участкѣ; затѣмъ передаетъ свою обязанность сосѣду, а самъ, отъ скуки зѣвнувъ до визга, возвращается подремать подъ навѣсъ.

Слышится знакомая пѣсенка.

Въ ней поется о бѣдной краковянкѣ-сиротѣ. Шла она къ себѣ домой, а навстрѣчу ей королевичъ ѣхалъ. Увидѣлъ ее королевичъ и влюбился. Да какъ еще!.. На десяти коняхъ пріѣзжалъ предложеніе дѣлать, цѣ-

лую уйму платьевъ, серебра привезъ ей въ подарокъ. Вотъ какъ королевичи любили въ старину.

Изъ боковой улички, съ коромысломъ на шеѣ, показывается сама пѣвица.

Это — та самая панна, о которой слышалъ весь свѣтъ. У нея громадные сѣрые глаза, жемчужные зубы, загорѣлыя ручки и ножки. Встрѣча хорошая — полныя ведра обѣщаютъ намъ сегодня удачу во всемъ. Я толкаю Курковскаго въ спину, онъ натягиваетъ возжи, телѣга останавливается. Улыбаясь панна подходитъ къ намъ ближе, снимаетъ коромысло и ставитъ ведра на землю. Длинныя прозрачныя струи падаютъ на дорогу. На мигъ отражаются въ нихъ небо, облака, цвѣтущія вишни, нашъ конь и сама панна. Ставя ведра, панна улыбается мнѣ, Курковскому, солнцу, деревьямъ, веснѣ. Она сама весна и прекрасна, какъ весеннее утро. Я откровенно любуюсь ею. Любуюсь весной ея жизни, ея красотой, ея сѣрыми глазами.

Курковскій тоже глядитъ на нее и тоже улыбается.

Сначала идетъ рядъ привѣтствій. Потомъ вступаемъ въ разговоръ. Спрашиваю, гдѣ живетъ Томашъ Врубель, по отцу Лукашъ, къ которому у меня есть дѣло. Оказывается, что Томашъ Врубель жилъ совсѣмъ близко отсюда, вотъ у этой старой вербы. Но уже два года, какъ онъ продалъ свой участокъ и купилъ кусокъ земли на томъ концѣ деревни, у самой дороги; тамъ онъ себѣ кузницу устроилъ. И найти его очень просто: отъ большого креста, что стоитъ на распутьѣ, повернуть влѣво; его дворъ самый послѣд-

ній... Я благодарю панну и думаю, о чемъ бы еще ее спросить.

Лошадь повертываетъ голову и смотритъ: поѣдемъ мы дальше, или остановимся. И я припоминаю: вѣдь выѣхали мы очень рано, и не мѣшало бы выпить молока. Спрашиваю панну — кто у нихъ сейчасъ дома. Кажется, мать и младшій братъ, а зачѣмъ мнѣ это? Я спокойно отвѣчаю, что хочу повидать мать, у которой такая красавица дочь. Сначала панна дѣлаетъ строгое лицо, но не выдерживаетъ и громко смѣется. Ей пріятны мои слова. И затѣмъ добавляю, что мы люди дорожные, встали чуть свѣтъ и хотимъ ѣсть. Курковскій прислушивается къ нашей бесѣдѣ и, видимо, доволенъ такимъ оборотомъ дѣла.

Панна съ коромысломъ идетъ впереди и показываетъ дорогу. Въѣзжаемъ во дворъ. Конь ставится подъ высокимъ тополемъ. Заботливый Курковскій даетъ ему торбу съ овсомъ. Панна, быстро и сильно перебирая ногами, съ ведрами идетъ въ домъ предупредить о нашемъ прибытіи. Давъ время справиться и принарядиться хозяевамъ, мы входимъ въ хату. Войдя, прежде всего, мы дѣлаемъ крестное знаменіе и произносимъ хвалу Богу. Хозяйка, мать красавицы, отвѣчаетъ по обычаю, затѣмъ приглашаетъ насъ сѣсть. Сама же, съ дочерью и сыномъ остается стоять.

По обстановкѣ видно, что тутъ живетъ крѣпкая, зажиточная семья. Вдоль стѣнъ скамейки; на окнахъ — бѣлыя занавѣски, горшки съ геранью. Въ переднемъ углу масса иконъ; на главномъ мѣстѣ Ченстоховская Божья Матерь. На подоконникѣ около буке-

та полевыхъ цвѣтовъ, — небольшое серебряное распятіе и молитвенникъ съ золотымъ обрѣзомъ. Въ углу, у печки — большой мѣшокъ ржи; очевидно для посѣва.

Начинается разговоръ.

Я спрашиваю хозяйку, гдѣ ея мужъ, сколько у нихъ земли, много ли засѣяли они хлѣба, какъ дѣла съ картофелемъ, и куда ѣздятъ въ костелъ по воскресеньямъ. И получаю обстоятельные, подробные отвѣты.

Съ этой, необходимой при визитѣ, темой покончено, и разговоръ переходитъ на темы болѣе интимныя.

Я говорю, что хозяйка должна быть счастливой. Она спрашиваетъ — почему? Они всѣ такъ много работаютъ и все же никакъ не могутъ сдѣлаться такими богатыми, какъ ихъ войтъ, напримѣръ.

Я соглашаюсь съ ней; но вѣдь имѣть такую красавицу дочь и такого сына, — тоже чего-нибудь, да стоитъ. И потомъ войтъ, конечно, можетъ имѣть много разнаго добра, но ужъ навѣрное у него нѣтъ такой красивой и хорошей жены. И въ костелѣ, вѣроятно, другой такой не сыщется.

Улыбается на это хозяйка, сильная красивая мазурка, улыбается дочь, улыбается сынъ-подростокъ.

Улыбается и Курковскій. Послѣ такого вступленія можно разсчитывать на радушный пріемъ. Каждому пріятно, когда о немъ думаютъ или говорятъ хорошо. За хорошее и платятъ хорошимъ.

И я не ошибаюсь. Хозяйка спрашиваетъ меня, что приготовить намъ къ завтраку; на это дипломатъ Курковскій говоритъ о моей склонности къ сметанѣ, кар-

тофелю и молоку. Заходила вся изба. А моя панна, улыбаясь, все старается дѣлать, не выходя изъ хаты. Она достаетъ посуду, моетъ, вытираетъ, а въ сѣни и на погребъ посылаетъ брата. И вотъ мы съ Курковскимъ — среди всякаго изобилія сметаны, масла, творогу и другихъ деревенскихъ прелестей. Черезъ окно я вижу въ саду цвѣтущія вишни, а противъ себя сѣроглазую панну. Экая-жъ она красавица!.. Она, какъ молодое вишневое дерево, все осыпанное цвѣтомъ. Ей пріятно, что я любуюсь ею, и въ награду она мечетъ улыбки, показывая жемчужные зубы.

Въ открытую дверь входитъ пѣтухъ; у него гордая осанка и пышный хвостъ. Увидя чужого, онъ останавливается и громко спрашиваетъ у меня, кто я такой, и что мнѣ нужно. Въ своемъ опереніи, пѣтухъ похожъ на жандарма; по образу мыслей —онъ, очевидно, консерваторъ; новыя лица ему не внушаютъ довѣрія.

Панна машетъ на него рукой, и пѣтухъ, съ достоинствомъ, выходитъ во дворъ. Черезъ секунду мы слышимъ сильное хлопаніе крыльями и пѣтушиное пѣніе. Празднуется побѣда. Побѣдителя поздравляютъ со всѣхъ дворовъ.

Но надо уже ѣхать. Курковскій уходитъ напоить лошадь.

Мать и дочь стоятъ и глядятъ на меня. Обѣ молчатъ. Обѣ задумчивы. Бронзовые пальчики панны быстро теребятъ передникъ. Что волнуетъ ее: ожиданіе ли счастья, или просто ее пьянитъ и манитъ куда-то весенній воздухъ.

Кто знаетъ, кто сумѣетъ разсказать грезы юности?

Приходитъ Курковскій и докладываетъ, что лошадь

напоена. Ѣдемъ!.. Я подзываю мальчугана и даю ему серебряную монетку на конфеты. Хозяйка протестуетъ, но ей пріятно такое вниманіе.

Поднимаюсь и прощаюсь со всѣми.

Прощай панна, прощайте сѣрые глаза, прощайте жемчужные зубы...

Она выходитъ за ворота и глядитъ намъ вслѣдъ. Я оборачиваюсь и махаю платкомъ.

И опять деревья роняютъ на меня бѣлые и розовые лепестки.

И опять я ѣду полями, лугами, лѣсами...

ВЕСЕННІЙ ВЗДОРЪ

... Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, на крутомъ берегу быстрой извилистой рѣчки стоялъ замокъ. Въ этомъ замкѣ жены дожидались своихъ мужей, воевавшихъ то съ сосѣдями, то съ невѣрными въ Святой Землѣ. Въ ожиданіи, онѣ вышивали покровы Пресвятой Дѣвѣ Маріи, слушали пѣсни захожихъ менестрелей, бесѣдовали со своими духовниками, ища въ религіи поддержки и утѣшенія. Иногда истомясь, онѣ выходили на высокую башню посмотрѣть, не возвращается ли ихъ супругъ и повелитель.

А вокругъ шумѣли лѣса — страшные, дремучіе лѣса. Дороги были непроходимы, и въ чащахъ скрывалось много злого народу. Убивали и грабили всѣхъ, кого ни попало: и купцовъ, и рыцарей, и всякихъ другихъ людей.

Но то было давно, давно....

Теперь отъ всего замка осталось нѣсколько стѣнъ и башенъ со сводчатыми окнами и узкими бойницами. Рвы осыпались и сравнялись съ полемъ. Большой современный дворецъ стоитъ вмѣсто замка. А вмѣсто

мрачныхъ лѣсовъ — свѣтлыя поля и небольшіе перелѣски, гдѣ водятся только козы, да зайцы.

Мой путь лежитъ туда, въ помѣстье владѣльцевъ бывшаго замка. Они богатые люди; имъ еще до сихъ поръ принадлежитъ вся эта околица. Они бережно относятся къ отцовскому наслѣдію и такъ работаютъ надъ землей, что та, благодарная, все время держитъ старыхъ хозяевъ и не желаетъ новыхъ.

Я ѣду, смотрю. Большія здоровыя лошади, по-двѣ и по-четыре въ упряжкѣ, пашутъ и перепахиваютъ безконечныя поля. Здѣсь удобряютъ, тамъ боронятъ, а еще дальше — сѣютъ. Совершается большой, важный трудъ, дающій всему міру хлѣбъ насущный, а жизни человѣческой — оправданіе.

Я привѣтствую трудящихся. Они отвѣчаютъ, на мгновеніе прерывая работу, а потомъ снова погружаются въ нее, позабывъ обо всемъ, кромѣ своего дѣла.

Курковскій глядитъ глазами хозяина: онъ подмѣчаетъ глубину вспашки, качество земли и много другихъ подробностей, близкихъ и понятныхъ его земледѣльческому сердцу. Смотритъ на лошадей въ плугахъ и сообщаетъ, сколько бы могъ вспахать въ день такой запряжкой.

Показывается невдалекѣ графское имѣніе.

Подъѣзжаемъ — нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ замка стѣнъ, двѣ полуразрушенныхъ башни; въѣзжаемъ въ большой вымощенный дворъ. Передъ нами дворецъ, онъ вполнѣ современный и ничѣмъ не отличается отъ другихъ зданій подобнаго рода.

Мы ѣдемъ къ тому его крылу, гдѣ находится контора, и живетъ управляющій. У высокаго каменнаго

подъѣзда лошадь останавливается. Я схожу съ телѣги и поднимаюсь по широкимъ гранитнымъ ступенькамъ. Навстрѣчу выходитъ мальчикъ и спрашиваетъ, что мнѣ надо. Я объясняю. Управляющій у себя; онъ только что вернулся съ поля. Прямо черезъ переднюю, вторая дверь налѣво.

Въ свѣтлой комнатѣ съ отдернутыми зелеными занавѣсками сидитъ кряжистый бородатый мужчина. Передъ нимъ, на большомъ дубовомъ столѣ мѣшки и мѣшочки съ пробами зерна. Мужчина задумчиво пересыпаетъ въ рукахъ полновѣсную пшеницу. Тутъ же, около мѣшковъ, вороха бумагъ, планы, чертежи... На вѣшалкѣ, у двери тяжелыя дорожныя пальто и непромокаемые плащи. На полу у кресла лежитъ бѣлый съ желтыми пятнами пойнтеръ. Насторживъ уши, онъ глядитъ на собственный носъ, куда хочетъ усѣсться муха. За бородачемъ, на задней стѣнѣ, виситъ ружье и патронташъ. Мое появленіе нарушаетъ молчаливый дуэтъ. Я представляюсь управляющему, и мы начинаемъ говорить о дѣлахъ. Что-то мягкое касается моихъ колѣнъ; это песъ обнюхиваетъ меня. Узнавъ, что я люблю собакъ, и что на душѣ у меня нѣтъ злыхъ намѣреній, онъ снова укладывается. Я спрашиваю его имя у хозяина, подзываю и глажу по головѣ. Песъ машетъ хвостомъ; онъ цѣнитъ мое вниманіе.

Въ открытое окно виденъ бѣло-розовый океанъ: это цвѣтутъ въ саду деревья. Тяжеловѣсные шмели, въ бархатныхъ шубахъ, и неутомимыя пчелы жужжатъ и гудятъ между вѣтками, сплошь осыпанными цвѣтомъ. Въ воздухѣ мелькаютъ быстрыя ласточки,

другія же, сидя на крышѣ, щебечутъ отъ полноты сердца.

Разговоръ конченъ, надо приступать къ работѣ. Въ сопровожденіи мальчика, котораго мнѣ даютъ въ помощь, я иду къ парку, чтобы оттуда пройти въ садъ.

Курковскій встрѣчаетъ меня во дворѣ. Онъ уже отпрягъ лошадь и, окруженный работницами со скотнаго двора, разсказываетъ имъ что-то смѣшное.

Паркъ большой, густой. Это просто часть огороженнаго лѣса. Шумятъ смолистыя сосны, темнѣютъ печальныя ели; тутъ же и милыя липы, крѣпкіе дубы и красивый кленъ. Пахнетъ сыростью и ландышами. Такъ хорошо и легко дышется.

Черезъ дорожку пробѣгаетъ темный дроздъ; у него броскія, стремительныя движенія и черные, живые глаза. Онъ начинаетъ долбить рыхлую землю желтымъ клювомъ; потомъ останавливается, и быстро взлетаетъ на сосѣднее дерево. Тамъ поднимается невообразимый гвалтъ. Вѣроятно дроздъ разсказываетъ про насъ своимъ знакомымъ. Тѣ цѣлой стайкой слетаютъ на землю, безъ церемоніи оглядываютъ насъ и снова взлетаютъ.

Вообще, дрозды похожи на старыхъ холостяковъ; они занимаются сплетнями и пустяками въ то время, когда вся остальная птица хлопочетъ надъ устройствомъ своихъ гнѣздъ и семейныхъ дѣлъ.

Черезъ паркъ мы входимъ въ садъ.

Богъ мой, какой онъ бѣлый, какой онъ розовый... Нѣжный ароматъ плаваетъ въ воздухѣ. Тонкимъ облакомъ стоитъ цвѣточная пыль. Летаютъ тяжело нагруженныя пчелы. Внизу блеститъ рѣчка. Другой

берегъ низкій и, насколько хватаетъ глазъ, идутъ безконечные луга. Трудно найти лучшее мѣсто для жизни.

Слышится женскій голосъ. Кто-то поетъ польскую народную пѣсенку. Удивительны польскіе мотивы: въ нихъ такъ много граціи, огня, веселости. А грусти — только чуточку; но отъ этой чуточки такъ щемитъ сердце... Голосъ свѣжій, искренній; въ немъ глубокія нотки. Такъ поетъ только чистая юность. Кто это?

По аллеѣ навстрѣчу намъ идетъ дѣвушка; ей восемнадцать-девятнадцать лѣтъ; на ней бѣлое платье, бѣлыя туфельки; въ рукахъ бѣлые цвѣты. Она свѣжа, какъ роса. А какая она гибкая, и какая она солнечная!.. И волосы на головѣ отсвѣчиваютъ отъ темнаго до свѣтло-золотистаго... А глаза!..

— Молодая графиня, — шепчетъ мнѣ мальчикъ. Увидя насъ, графиня перестаетъ пѣть, скользитъ по насъ взглядомъ и проходитъ мимо. Рядомъ съ ней — здоровая рыжая англичанка съ веснушками на носу.

Равняясь, я почтительно кланяюсь молодой графинѣ. Она чуть алѣетъ и немного наклоняетъ тяжелую отъ волосъ голову.

Въ молчаніи расходимся.

Мы съ мальчуганомъ принимаемся за работу. Я дѣлаю замѣтки, напѣваю, разговариваю со своимъ помощникомъ. Изрѣдка вспомнится молодая графиня, узенькая маленькая ножка въ бѣленькой туфелькѣ.

Мальчуганъ разсказываетъ про владѣльцевъ. Одна дочь, больная мать, вѣчно занятый и постоянно разъѣзжающій отецъ. Чтобы удержать богатство, надо, пожалуй, не меньше труда, чѣмъ создать его —

истина, которую я часто слышалъ, но которой не могъ проникнуться за неимѣніемъ собственнаго богатства.

Время идетъ быстро, и уже пора кончать работу. Я дѣлаю послѣднія замѣтки, просматриваю наброски и все складываю. Черезъ паркъ и черезъ дворъ мы возвращаемся въ контору. Я даю краткій отчетъ управляющему; во рту у него потухшая трубка; онъ внимательно слушаетъ и качаетъ иногда головой; потомъ онъ и песъ провожаютъ меня до отведенной мнѣ комнаты.

Я умываюсь холодной водой, вытираюсь мягкимъ мохнатымъ полотенцемъ и гляжу въ окно. Хочется ѣсть, и почему-то скучно; словно изъ жизни ушло что-то хорошее.

Приходитъ прислуга и докладываетъ, что меня приглашаютъ къ столу. Я прошу передать хозяевамъ мою благодарность и мой отказъ: недостатокъ въ вечернемъ туалетѣ заставляетъ меня отклонить эту честь. Появляется управляющій и сообщаетъ, что приглашаетъ сама графиня; она понимаетъ, что человѣкъ въ дорогѣ, и проситъ не стѣсняться. Что-жъ тутъ дѣлать?

Привожу себя, насколько возможно, въ порядокъ и иду.

Обѣдъ подходитъ къ концу. За столомъ насъ пятеро. Временами, украдкой, я бросаю взглядъ на графиню мать. Лицо у нея блѣдное, матовое, чуть припудренное. Она страдаетъ мигренями и по цѣлымъ днямъ иногда лежитъ, не вставая. Но теперь ей легче. Лобъ у нея ясный, открытый, съ большими выпуклостями. Ротъ великоватый, но твердый, красивый; когда она говоритъ, я вижу зубы — рѣдко разставленные,

цвѣта слоновой кости. Отъ каждаго поворота головы, тѣни мѣняютъ мѣсто и дѣлаютъ лицо совершенно новымъ. Она больше, чѣмъ красива. Она неотразима. А почему неотразима — я не могу понять. Кажется, ничего нѣтъ особеннаго, а, между тѣмъ, въ ней все особенное. Подъ тонкими, ровными бровями — мягкіе мерцающіе глаза. Звѣзды — глаза. Когда графиня задумывается, звѣзды какъ будто тухнутъ. Я гляжу и думаю, что это за звѣзды — лѣтней, спокойной ночи или грустной, наступающей осени? Но все прекрасно въ мірѣ — и знойное лѣто, и прохладная тоскующая осень. Да, благословенъ Тотъ, Кто создалъ міръ и красоту его.

Оказывается, графиня знала мою мать. Онѣ вмѣстѣ учились. Это разсѣиваетъ первое чувство натянутости и неловкости. Она разспрашиваетъ меня о матери, объ отцѣ. Я говорю съ ней на нашемъ родномъ языкѣ. Англичанка смотритъ на насъ непонимающими глазами.

Послѣ дессерта графиня-мать извиняется и уходитъ къ себѣ: она чувствуетъ себя утомленной и боится приступа болей. Я провожаю графиню глазами; неужели въ этомъ домѣ, какъ и вездѣ, живутъ печаль и страданіе?

Исполняя просьбу матери, графиня-дочь предлагаетъ мнѣ осмотрѣть болѣе интересную часть дворца и садъ. Она вѣжлива и холодна. Мы отправляемся въ кругосвѣтное путешествіе. Множество покоевъ; большихъ, малыхъ, среднихъ; масса хлама, накопившагося отъ разныхъ вѣковъ: стулья, на которыхъ нельзя сидѣть, картины, въ которыхъ я ничего не понимаю, ка-

кія-то одежды, ткани, все это съ налетомъ вѣковой пыли; неизбѣжныя китайскія вазы, все назначеніе которыхъ — занимать мѣсто и разбиться отъ неловкаго движенія, чего нѣкоторыя, кажется, ждутъ по нѣсколько столѣтій, какъ говорятъ знатоки. Меня больше интересуетъ садъ, самъ дворецъ, виды изъ него. Построенъ онъ на самой высокой части рѣчного берега; одной стороной выходитъ на большой, обсаженный липами дворъ, а другой въ неудержимо цвѣтущій садъ. Со стороны сада — терраса, обнесенная легкой кованой рѣшеткой. Передъ террасой — цвѣтникъ. Самый садъ длинный, но не широкій: онъ обрывается къ рѣчкѣ крутымъ спускомъ, сплошь заросшимъ густой зеленью. Въ большой залѣ, освѣщенной съ двухъ сторонъ, — рояль. Черезъ темную лакированную крышку его перекинута шелковая, вышитая дорожка. На ней — въ синей искристой вазѣ — бѣлый букетъ. Я наклоняюсь и вдыхаю тонкій ароматъ. Много нотъ.

Я бы хотѣлъ быть вѣткой дикаго винограда и посмотрѣть, какъ въ лѣтнюю ночь, когда въ открытое окно свѣтитъ луна, а въ воздухѣ летаютъ ночныя бабочки, сидитъ за роялемъ молодая графиня и играетъ звенящаго тихой прелестью Шопена и глубокаго, полнаго страсти и мысли Бетховена.

Мы выходимъ на балконъ, откуда раскрывается самый лучшій видъ.

Завязывается разговоръ. Говоримъ о веснѣ съ бѣлыми цвѣтами, о народныхъ пѣсняхъ, о музыкѣ. Разсказываю сказку—не то вычитанную, не то только что придуманную.

Каждую весну эльфы и феи изъ всѣхъ людей выбираютъ одного и чаруютъ его всѣми весенними чарами. Ему становится доступнымъ языкъ цвѣтовъ, онъ можетъ слышать, какъ растетъ трава, понимаетъ о чемъ гудятъ пчелы со шмелями, и что щебечутъ птицы. Онъ можетъ превращаться во что угодно, а ночью, когда всѣ спятъ, играетъ со своими маленькими друзьями гдѣ-нибудь на полянѣ, среди цвѣтовъ. Но это бываетъ только разъ въ жизни и то не со всякимъ. Очарованіе длится столько, сколько длится сама весна, и отлетаетъ вмѣстѣ съ лепестками цвѣтовъ. А главное то, что забыть эту весну человѣку уже невозможно.

Графиня задумывается.

— Это сказка, — говоритъ она.

— Нѣтъ, — отвѣчаю я, — это не сказка, это просто весенній вздоръ.

И вотъ я снова сижу на телѣжкѣ и ѣду.

Солнце недавно зашло. Съ востока идетъ мягкая ночь и гаситъ пылающій западъ. На синемъ прохладномъ небѣ вспыхиваютъ изумрудныя звѣзды. Въ прудахъ и болотахъ лягушки звонко прославляютъ весну. Колеса гремятъ по твердому шоссе. Иногда, изъ подъ копытъ, мелькаетъ искра. Курковскій потихоньку дремлетъ, спрятавъ руки въ карманы. Я сижу, закутавшись въ бурку; вижу аллею, вижу бѣлое платье, слышу пѣсню. А сердце внутри дрожитъ и переливается, какъ звѣзда радостная. И знаю я, что не забуду этого дня. Никогда, никогда...

Прошло много лѣтъ... Было свѣтлое, было и темное. Отъ полей и луговъ время перебросило меня въ

городъ. Въ громадный, душный городъ. Онъ стучитъ, пылитъ, оглушаетъ. Изрѣдка я поднимаю голову къ небу и читаю его знаки — тамъ по звѣздамъ время правитъ свой путь.

Звѣзды мчатся въ бездну. Проходятъ года — и нѣтъ имъ возврата. И на все садится тяжелый прахъ забвенія. Но одну весну не могла забыть душа: весну съ большимъ цвѣтущимъ садомъ, съ бѣлой фигурой на аллеѣ и нѣжнымъ букетомъ на роялѣ...

Тихо возвращаюсь къ себѣ. Не зажигая свѣта, прохожу въ рабочую комнату и сажусь у окна. Все тонетъ въ сиреневыхъ сумеркахъ. Блѣдныя звѣзды зажигаются одна за другой. Въ природѣ — весна, оживленіе, цвѣты, а внутри — смятая, словно остановившаяся въ своихъ переживаніяхъ, душа.

Какой-то нѣжный, чуть уловимый ароматъ... Знакомый, незабываемый.

Что такое?

Я иду къ столу и тамъ нахожу букетъ изъ нѣжныхъ, бѣлыхъ цвѣтовъ. А подъ букетомъ записочка:

— И забыть ту весну человѣку уже невозможно.

МАТЬ

Пьеса въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Гурина, Елена Михайловна—вдова, служитъ въ Управленіи желѣзныхъ дорогъ.

Викторія — ея воспитанница.

Ева — сосѣдка, подруга Викторіи.

Гуринъ, Николай Львовичъ — сынъ Елены Михайловны, офицеръ.

Заринъ, Алексѣй Петровичъ — только что окончившій врачъ.

Пріѣзжій офицеръ.

Первый санитаръ.

Второй санитаръ.

Дворникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Варшавѣ въ сентябрѣ 1914 года. Просторная свѣтлая комната съ двумя окнами и балкономъ посрединѣ. Около окна слѣва большой рабочій столъ; на немъ въ строгомъ порядкѣ расположены письменныя принадлежности, книги, бумаги. Налѣво дверь въ спальню, направо въ перед-

нюю. У стѣны направо небольшая кушетка, за ней— ближе къ зрителямъ — піанино, этажерка съ нотами. Противъ піанино, на противоположной стѣнѣ — портретъ Николая; подъ портретомъ, на малѣькомъ столикѣ букетъ цвѣтовъ. По стѣнамъ гравюры, картины. Нѣсколько легкихъ стульевъ и креселъ. На всей обстановкѣ лежитъ отпечатокъ строгаго вкуса. Чистота, масса свѣта и воздуха замѣняютъ роскошь. Отъ серебристыхъ обоевъ и легкихъ тюлевыхъ занавѣсокъ на всѣхъ предметахъ лежитъ свѣтлый, радостный отблескъ.

Сцена I.

Въ первую минуту въ комнатѣ никого нѣтъ. Слышна канонада. Иногда разрывы такъ близки, что стекла дрожатъ.

Изъ двери направо выходитъ Викторія, молодая дѣвушка, почти подростокъ, обычно — веселая, но въ настоящій моментъ сильно встревоженная. Въ рукахъ у нея щетка и метелка изъ перьевъ. Голова обвязана бѣлымъ платкомъ, на ногахъ мягкія туфли.

Викторія (входя прислушивается). Боже мой! Боже мой! Еще ближе... (бѣжитъ къ балконной двери, распахиваетъ ее и окна настежь; стрѣльба становится глуше и какъ будто дальше. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ комнату врываются гудки автомобилей, стукъ экипажей, отдаленные звонки трамваевъ. Викторія выходитъ на балконъ и, склонясь черезъ перила, громко, зоветъ).

Ева! Ева! (прислушиваясь еще разъ) Ева! Ева!..

Ева (снизу) Кто тамъ? Это ты Викторія?

Викторія. Да, я.

Ева. Случилось что-нибудь?

Викторія. Нѣтъ, ничего особеннаго. Только отъ этой стрѣльбы всѣ стекла дрожатъ, боюсь, что вылетятъ. Если у тебя есть время, зайди, а то одной жутко.

Ева. Сейчасъ, только мамѣ скажу. Я черезъ кухню приду.

Викторія. Хорошо, тамъ не заперто. (Возвращается въ комнату и смахиваетъ пыль съ піанино и этажерки для нотъ. Черезъ минуту отворяется дверь направо, и входитъ Ева, стройная смуглая брюнетка. насмѣшливая и живая. Обнимаются).

Викторія. Я такъ рада тебѣ, Ева. Одной непріятно, и мысли какія-то странныя лѣзутъ въ голову.

Ева. А у васъ все благополучно?

Викторія. Пока, слава Богу. Стрѣльба эта напугала.

Ева. А надо раскрывать настежь окна и двери, тогда дребезжитъ меньше.

Викторія. Да я такъ и сдѣлала. А у васъ сильно слышно, какъ и у насъ?

Ева. Нѣтъ у насъ нетакъ, мы ниже и, кромѣ того, окна выходятъ на другую сторону.

Викторія. А ты была сегодня въ городѣ?

Ева. Да, была.

Викторія. Что-нибудь видѣла?

Ева. Нѣтъ, ничего особеннаго. Только масса проходитъ войскъ, артиллеріи, обозовъ. И все на фронтъ... Черезъ нѣкоторыя улицы пройти нельзя,— такъ онѣ запружены, и ихъ нужно обходить; особен-

но тѣ, которыя близъ вокзаловъ. А вашъ Николай гдѣ?

Викторія. Да гдѣ-то тутъ, подъ Варшавой. Прислалъ письмо недавно.

Ева. Безпокоится о немъ Елена Михайловна?

Викторія. Еще бы. Только виду показать не хочетъ, а на самомъ дѣлѣ очень разстроена.

Ева. Бои упорные идутъ; Варшаву рѣшили отстоять во что бы то ни стало.

Викторія. Слышала, такъ говорятъ.

Ева. А ты какъ сама? Тоже боишься?

Викторія. Не спрашивай лучше; голова кружится.

Ева. Понятно. Я сама мѣста не нахожу нигдѣ.

Викторія Я только что комнаты прибрала. Все изъ рукъ валится. Начнешь что-нибудь дѣлать — остановишься и забудешь; очнешься и припоминаешь, что же дѣлать надо?.. — едва, едва вспомнишь.

Ева. У меня тоже все какъ-то нескладно идетъ; стала такой разсѣянной — положу что-нибудь, а потомъ ищу, ищу пока найду. А какъ Елена Михайловна?

Викторія. Мама — Леля, да развѣ она покажетъ, что у нея внутри дѣлается? Когда Коля на войну уѣзжалъ, она обняла его, поцѣловала и только сказала: — не рискуй напрасно. — И все, А послѣ его отъѣзда цѣлый часъ молча сидѣла и въ окно глядѣла. Мнѣ даже страшно стало:

Ева. А почему ты ее такъ странно называешь? То тетя, то мама Леля?

Викторія. Да вѣдь она меня подросткомъ взяла къ

себѣ. А раньше я ее тетей звала. Ну, а теперь она для меня, что мать родная.

Ева. Да, любитъ она Колю... А гдѣ она сейчасъ?

Викторія. На службѣ, но скоро должна прійти.

Ева. Ну, пойду, пока прощай, Викторія, надо докончить работу. Привѣтъ Еленѣ Михайловнѣ. (Цѣлуетъ Викторію и идетъ къ двери).

Викторія (провожая ее). До свиданья, спасибо, что зашла, Ева. Поклонъ вашимъ. (Ева уходитъ, Викторія продолжаетъ уборку. Звонокъ).

Викторія. Вотъ и тетя Леля, (идетъ въ переднюю, черезъ минуту возвращается съ Еленой Михайловной.

Елена Михайловна средняго роста, худощавая, съ красивой сѣдой головой. Большіе, темные, усталые глаза, но въ движеніяхъ много энергіи и граціи. Одѣта очень строго. Въ рукахъ портфель и букетъ левкоевъ и розъ).

Елена Мих. (входя) Викторія, ты еще не одѣта?

Викторія. Ахъ, мама Леля, вѣдь, какъ только вы ушли, поднялась такая канонада, что всѣ стекла дрожали. Я думала, повылетятъ; не знала, что дѣлать— за вами ли бѣжать, тутъ ли оставаться. А вы ничего не слышали?

Елена Мих. Нѣтъ, въ самомъ городѣ не такъ слышно, но безпокойство все-таки было; теперь говорятъ даже — не придется ли оставить Варшаву?

Викторія. Не дай Богъ. Недаромъ у меня сердце не на мѣстѣ, такъ и думала, не пришлось бы все бросать.

Елена Мих. (спокойно слушая, кладетъ портфель и цвѣты на піанино, снимаетъ шляпу, пальто). Прежде

всего, будь спокойна и не волнуйся. Все какъ-то устраивается, и все проходитъ... хотя бы... (садясь за столъ). Ничего не было сегодня?

Викторія. (Принявъ пальто и шляпу). Какъ же, мама Леля, — есть письмо отъ Коли (достаетъ изъ кармана письмо и передаетъ его Еленѣ Мих.). Вотъ оно. Недавно пришло. (Уходитъ въ переднюю).

Елена Мих. (разрываетъ конвертъ, читаетъ, неожиданно вздрагиваетъ, затѣмъ наклоняетъ голову, чтобы скрыть большое душевное волненіе).

Викторія (войдя, съ безпокойствомъ). Мамочка, ничего нѣтъ плохого?

Елена Мих. Ничего, дитя мое; вотъ письмо, прочти.

Викторія (одной рукой обнимая Елену Мих., другой держитъ письмо и читаетъ). Но, мама Леля, Коля здоровъ, и онъ даже недалеко отъ насъ.

Елена Мих. А что дѣлается вокругъ?! Какое-то сплошное огненное кольцо. И каждую минуту тамъ гибнутъ люди!..

Викторія (окончивъ чтеніе). Мама Леля, я увѣрена, что это кончится скоро, и Коля вернется къ намъ цѣлый и невредимый. Каждое утро я просыпаюсь и думаю, нѣтъ ли уже мира; я такъ хочу конца этой войнѣ, такъ хочу. А чего сильно хочешь, такъ оно и бываетъ.

Елена Мих. (гладя ее по головѣ). Милая ты моя головушка.

Викторія. А теперь вы должны пообѣдать.

Елена Мих. Ну, хорошо, приготовь все. Я пойду только освѣжусь послѣ управленія.

Викторія. Хорошо; хорошо; вы идите, умывайтесь, а я уже тутъ все приготовлю. А гдѣ вамъ накрыть? Маленькій столикъ занятъ, а въ кухнѣ я стирку развела (указывая на письменный столъ), развѣ здѣсь на концѣ?

Елена Мих. Все равно, накрой здѣсь; если что-нибудь будетъ мѣшать, отставь въ сторону.

Викторія. Прекрасно. (Убираетъ на столѣ).

Елена Мих. А потомъ послѣ обѣда, дай мнѣ другую вазу для цвѣтовъ, я поставлю новые.

Викторія. Я сейчасъ принесу.

Елена Мих. Нѣтъ, потомъ; только не забудь воды налить, такъ на три четверти, приблизительно.

Викорія. Знаю, знаю. Не забуду (уходитъ въ дверь направо).

Елена Мих. (остается одна. Сидитъ, задумчиво смотритъ въ окно. Слышна снова ожесточенная канонада, говорящая о самомъ разгарѣ громаднаго боя. Елена Михайловна встаетъ, подходитъ къ окну; откинувъ занавѣску, смотритъ вверхъ. Затѣмъ идетъ обратно и, подойдя къ портрету сына, останавливается. Что-то шепчетъ; можетъ быть его имя, можетъ быть краткую молитву. Уходитъ въ спальню. Вскорѣ приходитъ Викторія съ подносомъ).

Викторія (ставитъ подносъ на стулъ, готовитъ приборъ для Елены Мих. зоветъ). Мама Леля, готово.

Елена Мих. (входя) Уже? Какая же ты у меня быстрая! А сама ты развѣ не будешь обѣдать со мной?

Викторія. Я уже пообѣдала безъ васъ, не дождалась.

Елена Мих. Правда, насъ задержали сегодня

дольше обыкновеннаго. Стали уже думать, не случилось ли чего-нибудь особеннаго. Ну, а потомъ отпустили по домамъ.

Викторія. (Подавая тарелку). Вотъ супъ, съ морковкой, съ картошечкой... Попробуйте. Онъ, кажется, хорошо удался.

Елена Мих. Если бы ты знала, какъ не хочется ѣсть!

Викторія. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Съѣшьте хоть немного! Ради Бога! Вы такъ мало ѣдите и такъ много работаете.

Елена Мих. (немного ѣстъ, потомъ рѣшительно отставляетъ тарелку). Не могу больше, Викторія, довольно!

Викторія. Что же будетъ съ вами?.. вѣдь вы же такъ ослабѣете.

Елена Мих. Что жъ дѣлать, Викторія? Просто не могу, кусокъ въ горло не идетъ. Чай есть?

Викторія. Есть, конечно.

Елена Мих. Чаю выпью.

Викторія. (Подаетъ стаканъ). Вотъ, пожалуйста.

Елена Мих. Спасибо, Викторія. Ты такая заботливая (пьетъ).

Викторія. (Молча машетъ рукой, собираетъ все лишнее на подносъ и уходитъ).

Елена Мих. (подходитъ къ піанино, беретъ портфель, разбираетъ его содержимое, про себя въ полголоса). Такъ... такъ... есть... есть.., тоже... (останавливается). Гдѣ же? (роясь въ портфелѣ.) Тутъ нѣтъ... (подходитъ къ столу и роясь на немъ) и тутъ нѣтъ... (входитъ Викторія).

Елена Мих. Знаешь, Викторія, никакъ не могу най-

ти вѣдомостей, безъ которыхъ нельзя закончить работы. На столѣ нѣтъ и въ портфелѣ тоже.

Викторія. Что же теперь дѣлать?

Елена Мих. Придется итти въ Управленіе.

Викторія. Пришли и опять уходить?

Елена Мих. Не сейчасъ, а вечеромъ схожу.

Викторія. Ну, вечеромъ будетъ видно.

Елена Мих. Сходить придется. Служащихъ теперь меньше, многіе ушли на войну, работы же стало больше; а кромѣ того, вездѣ путаница, и работать приходится труднѣй. (Звонокъ въ передней. Викторія бѣжитъ отворять).

Голосъ въ передней. Дома Елена Михайловна?

Викторія. Дома, дома, пожалуйте. (Входитъ Заринъ съ Викторіей).

Заринъ. Здравствуйте, Елена Михайловна, (беретъ протянутую руку и цѣлуетъ). Можете теперь меня поздравить, я уже настоящій врачъ.

Елена Мих. (цѣлуя его въ голову). Ну, поздравляю васъ отъ души, дорогой докторъ. Очень рада за васъ.

Заринъ. Я не помѣшалъ вамъ?

Елена Мих. Нисколько. Я кончила только что обѣдать и теперь пью чай. Не хотите ли и вы?

Заринъ. Благодарю васъ. Стаканъ выпью.

Елена Мих. Хорошо, берите стулъ и садитесь, гдѣ вамъ удобнѣе (къ Викторіи). Викторія, принеси, пожалуйста еще чаю, да захвати вазу для цвѣтовъ. (Викторія уходитъ). (Заринъ беретъ стулъ, ставитъ его противъ Елены Михайловны, но не садится, а продолжаетъ ходить по комнатѣ; разсматриваетъ карти-

ны, гравюры, смотритъ въ окно, перелистываетъ ноты, словомъ, ведетъ себя, какъ старый хорошій знакомый, который не можетъ стѣснять).

Заринъ. А вашъ мирный уголокъ, Елена Михайловна, выглядитъ совсѣмъ, какъ прежде. Теперь, куда ни придешь, всюду — эта война. Весь міръ — военный лагерь. А у васъ есть еще что-то, чувствуется свой особый какой-то глубокій духовный міръ.

Елена Мих. Этотъ міръ вы сами носите въ себѣ. Ну, скажите лучше о томъ, что вы думаете теперь дѣлать.

Заринъ. Это раньше надо было думать; а теперь есть много людей, и даже учрежденій, которые думаютъ за васъ. Прямо со скамьи люди назначаются, получаютъ мѣста и деньги.

Елена Мих. Значитъ, вы тоже назначены и скоро отправляетесь?

Заринъ. Уже, Елена Михайловна. Но не радуетъ это особенно; вѣдь по правдѣ говоря, чувствую себя неопытнымъ и неподготовленнымъ, а возможно, что придется имѣть дѣло съ самыми серьезными случаями. Волнуетъ мысль о самостоятельной работѣ.

Елена Мих. Это очень понятно. Но внимаіе и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу помогутъ вамъ, когда не будетъ хватать опыта.

Заринъ. Да я и самъ такъ думаю, только потому и не унываю. А все-таки жалко покидать Варшаву, покидать васъ, Елена Михайловна. Вѣдь сколько времени мы знакомы, лѣтъ пять-шесть, кажется, я Викторію совсѣмъ еще дѣвочкой зналъ. Но ничего не подѣлаешь. Такое ужъ время подошло. (Ирониче-

ски). Надо помогать страждущему человѣчеству, на сколько по силамъ новоиспеченному лѣкарю.

Елена Мих. Въ добрый часъ! (Входитъ Викторія).

Викторія. (Входя). Вотъ и чай.

Заринъ. Благодарю васъ, Викторія.

Викторія. А вазу для цвѣтовъ я сейчасъ принесу. (Уходитъ).

Заринъ. (Садясь). Ну, посижу немного около васъ. Выпью чаю, и надо будетъ итти.

Елена Мих. Куда же? Вы мнѣ не мѣшаете.

Заринъ. Вы понимаете, съ этимъ отъѣздомъ связана масса дѣлъ: надо покупать, шить, упаковывать.

Елена Мих. Это правда. (Задумчиво). Мнѣ такъ знакомы эти дорожные сборы. (Молчаніе).

Заринъ. А гдѣ вашъ Николай?

Елена Мих. Сегодня какъ разъ я получила записку отъ него, былъ мимоходомъ въ Варшавѣ, даже думалъ забѣжать, да времени не хватило, къ сожалѣнію.

Заринъ. (Прислушиваясь къ канонадѣ). Гремитъ, все гремитъ. Каково тамъ?.. должно быть, адъ. Отъ одного грохота обезумѣть можно. Даже здѣсь такъ непріятно чувствуется эта близость войны. Нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ.

Елена Мих. Да, совершенно вѣрно; когда нѣтъ увѣренности — хуже всего.

Заринъ. Значитъ, Николай гдѣ-то тутъ.

Елена Мих. Да, гдѣ-то подъ Варшавой, я даже думала пойти поискать его.

Заринъ. Это совершенно напрасно. Врядъ ли бы вы его нашли. А сами измучились бы.

Елена Мих. Я и оставила эту мысль. (Входитъ Викторія).

Викторія. (Съ вазой для цвѣтовъ). Я поставлю цвѣты.

Елена Мих. Нѣтъ, Викторія, не надо, я сдѣлаю все сама. Ты лучше пойди прогуляться немного. Только помни, черезъ часъ-два мнѣ нужно въ Управленіе. Если дома никого не будетъ, ключъ спроси у дворника.

Викторія. (Ставя вазу на столъ). Хорошо, я сейчасъ переодѣнусь и пойду, возьму кстати и газету.

Елена Мих. Вотъ и прекрасно.

Викторія. (Уходя). (Торжественно). До свиданія, господинъ докторъ.

Заринъ. До свиданія, моя будущая паціентка.

Елена Мих. (Роясь въ бумагахъ). Не смущайтесь, Алексѣй Петровичъ, что я работаю. У насъ теперь недостатокъ служащихъ и приходится брать работу на домъ. Но работа такая, что не мѣшаетъ ни думать, ни разговаривать.

Заринъ. Не безпокойтесь обо мнѣ. Я чувствую себя у васъ, какъ дома. Я былъ вѣдь совсѣмъ юнымъ студентомъ, когда впервые познакомился съ вами. А теперь, смотрите, врачомъ сталъ.

Елена Мих. Быстро идетъ время, особенно въ мои годы.

Заринъ. А время на васъ какъ-то не отражается. Вы, какой были, такой и остались.

Елена Мих. Вотъ что — помогите мнѣ поставить цвѣты въ воду. Возьмите букетъ и обрѣжьте концы.

Заринъ. А гдѣ же онъ?

Елена Мих. Вонъ тамъ, на піанино. (Заринъ встаетъ, приноситъ цвѣты).

Заринъ. Какъ они чудесно пахнутъ!

Елена Мих. Вотъ ножъ, обрѣжьте концы, такъ чтобы цвѣты могли войти въ вазу.

Заринъ. (Взявъ ножъ). Я думаю, вотъ такъ хорошо будетъ.

Елена Мих. Чуть покороче, довольно.

Заринъ. (Отрѣзавъ и подравнивая). Ну, кажется, ничего.

Елена Мих. Давайте ихъ сюда. (Беретъ цвѣты и ставитъ ихъ въ воду). Вотъ очень хорошо.

Заринъ. Гдѣ вы ихъ достали? Теперь они стоютъ недешево.

Елена Мих. (Ставя новые цвѣты на маленькій столикъ, а старые къ себѣ на столъ). Теперь никто не въ обидѣ: ни онъ, ни я. (Къ Зарину). А цвѣты эти ничего мнѣ не стоютъ. Ихъ поднесли мнѣ сослуживицы. Сегодня у меня небольшой юбилей, и они сдѣлали мнѣ этотъ подарокъ. А потомъ, сегодня день рожденія Коли.

Заринъ. Вотъ счастливое совпаденіе. (Послѣ паузы). Елена Михайловна!

Елена Мих. Что, голубчикъ?

Заринъ. Вы не сыграете что-нибудь? Я съ большимъ удовольствіемъ послушалъ бы васъ. Подъ музыку такъ хорошо думается.

Елена Мих. Не могу, Алексѣй Петровичъ. Пальцы не ходятъ. И настроенія какъ-то нѣтъ.

Заринъ. Да, я понимаю, время не подходитъ для музыки. А съ другой стороны, посмотрите — ресто-

раны, кинематографы, кабарэ — биткомъ набиты. Какъ это объяснить?

Елена Мих. Меня ни одно объясненіе не удовлетворяетъ.

Заринъ. Меня тоже, представьте. Среди этой толпы ни одинъ моралистъ успѣха имѣть не будетъ. И вовсе не потому, что она была бы испорчена, а такъ, по какой-то другой причинѣ. (Ходитъ по комнатѣ, останавливается передъ портретомъ Николая). Я часто что-то думаю о немъ въ послѣднее время, Елена Михайловна. И, знаете, что я скажу?

Елена Мих. Интересно, я слушаю.

Заринъ. (Подходитъ и садится, говоритъ задумчиво). Онъ какой-то особенный, интересный. Около него никогда не было скучно. У него есть собственныя мысли. Онъ всегда что-то переживаетъ, что-то носитъ въ себѣ, серьезное, свѣтлое. Въ немъ чувствуется большая внутренняя гармонія. Словомъ — это глубокій сложный человѣкъ.

Елена Мих. Я не думала, что вы можете такъ говорить о немъ.

Заринъ. Мнѣ очень хотѣлось бы увидѣть его еще хоть разъ до отъѣзда, послушать, что онъ скажетъ. (Пауза. Поднимаясь). Ну, Елена Михайловна, надо уже уходить. Думаю, что зайду къ вамъ еще. А пока благодарю за все, за все.

Елена Мих. Алексѣй Петровичъ, за что же?

Заринъ. За все вообще, за душевное расположеніе, въ частности. Будете писать Николаю — сердечный привѣтъ отъ меня.

Елена Мих. Спасибо.

Заринъ. Итакъ, будьте здоровы и благополучны. Всего хорошаго.

Елена Мих. (Подавая руку). Ну, помните, я вамъ всегда сердечно рада.

Заринъ. Не безпокойтесь, не провожайте меня. Я тутъ все знаю.

Елена Мих. Хорошо. Только не забудьте за собой хорошенько захлопнуть дверь (Заринъ уходитъ, слышно, какъ одѣвается и кричитъ изъ передней: «До свиданія, Елена Михайловна»).

Елена Мих. До свиданія, Алексѣй Петровичъ. (Хлопаетъ дверь).

Елена Мих. (Послѣ нѣсколькихъ минутъ тоскливаго молчанія). Теперь я одна... Какъ все пусто... (Поднимается и идетъ къ піанино; взявши тихо нѣсколько предварительныхъ аккордовъ, играетъ прелюдію Шопена. Потомъ встаетъ, подходитъ къ портрету сына, поправляетъ цвѣты. Смотритъ долго и пристально на портретъ; сжимая тихонько руки, проникновеннымъ полушопотомъ) Коля, Колечка!.. Хотьбы разъ еще увидѣть тебя, хоть бы разъ еще услышать твой... голосъ!.. (Опускаясь медленно на колѣни, поднявъ глаза къ небу, чуть слышно). Матерь Божія! осѣни его крыломъ милосердія Твоего, помилуй, сохрани! Ты сама мать. Ты видишь мою скорбь, мою тоску, мою боль. Сжалься, Милосердная. (Глухо рыдаетъ). (Немного успокоившись, встаетъ, идетъ къ своему мѣсту, садится и начинаетъ разбираться въ бумагахъ. Сумерки сгущаются. Издали, постепенно приближаясь, доносятся похоронные мотивы. Елена Михайловна, откинувшись на спинку кресла, прислу-

шивается къ нимъ и закрываетъ глаза. Все тонетъ въ густомъ, непроницаемомъ мракѣ. Потомъ похоронные мотивы постепенно удаляются, а туманъ начинаетъ рѣдѣть. На переднемъ планѣ затѣненной сцены на прежнемъ мѣстѣ сидитъ спящая Елена Михайловна.

Въ глубинѣ, на небольшомъ возвышеніи открывается видъ на поле съ рѣдкимъ кустарникомъ. У опушки лѣса воронка, вырытая разорвавшимся снарядомъ; около воронки нѣсколько труповъ въ самыхъ разнообразнахъ позахъ. Неподалеку тяжело раненый Николай. День клонится къ вечеру).

Николай. (Слабымъ голосомъ). Воды! . . Воды! . . Боже мой, какъ болитъ бокъ... мама... мамочка... какъ мнѣ больно... дай руку... я не хочу умирать... родная, спаси меня... (Приподнимаясь). Никого нѣтъ... только мертвые... (Пытается подползти къ ближайшему тѣлу взять флягу съ водой, но обезсиленный падаетъ въ обморочное состояніе. Въ это мгновеніе показывается фигура въ сѣрой шинели съ краснымъ крестомъ на рукавѣ. Замѣтивъ движеніе Николая, она кричитъ вглубь: «Эй, носилки сюда». Снова темнѣетъ. Снова слышится издали тихій похоронный мотивъ и, когда все проясняется, видна комната Елены Михайловны. Она продолжаетъ спать; вдругъ вздрагиваетъ, открываетъ глаза, поднимается и, ничего не понимая, смотритъ передъ собой. Руками дѣлаетъ странныя, безсознательныя движенія, точно желая что-то осязать, задержать, обнять. Въ этотъ моментъ входитъ Викторія; она съ испугомъ смотритъ на Елену Михайловну. Мгновеніе стоитъ въ нерѣшительности.

какъ бы соображая, что дѣлать. Потомъ быстро подбѣгаетъ къ Еленѣ Михайловнѣ, обнимаетъ ее за талію и усаживаетъ въ кресло. Елена Михайловна не сопротивляется).

Викторія. Мама-Леля, что съ вами? (Наливаетъ въ стаканъ воды). Выпейте, лучше станетъ.

Елена Мих. Ахъ, Викторія, — я видѣла сонъ, такой дурной сонъ.

Викторія. Выпейте воды сначала, а потомъ разскажите.

Елена Мих. (Пьетъ воду). Это самый ужасный сонъ въ моей жизни.

Викторія. Что же вы видѣли?

Елена Мих. Не могу разсказать. Не въ силахъ.

Викторія. Ну, какъ хотите. А я была въ городѣ. Народу мало, освѣщенія почти нѣтъ, какъ-то жутко стало, я и вернулась.

Елена Мих. А стрѣльба? (Встаетъ и съ трудомъ начинаетъ собирать бумаги).

Викторія. Попрежнему.

Елена Мих. Боже мой! Боже мой!..

Викторія. Говорятъ, что Варшаву не отдадутъ, что тутъ страшно много войскъ.

Елена Мих. Викторія, милая, мнѣ все-таки надо сходить въ Управленіе.

Викторія Непремѣнно?

Елена Мих. Непремѣнно.

Викторія. Тогда я пойду съ вами.

Елена Мих. Что ты? Ты оставайся здѣсь, я скоро вернусь.

Викторія. Если бы вы знали, какъ жутко, какъ непріятно теперь въ городѣ.

Елена Мих. Мнѣ надо закончить работу. А изъ Управленія меня проводятъ. Пока же страшнаго нѣтъ ничего. А ты займись чѣмъ-нибудь.

Викторія. Хорошо, мама-Леля, только возвращайтесь поскорѣе.

Елена Мих. Будь спокойна, моя птичка, не задержусь.

Викторія. Только, мала-Леля — съ вами не будетъ дорогой, (запинаясь), какъ только-что? Смотрѣть даже страшно было...

Елена Мих. Развѣ это отъ меня зависитъ? Ну, дай одѣться, голубка. (Викторія уходитъ и приноситъ шляпу и пальто; помогаетъ Еленѣ Михайловнѣ одѣться. Та одѣтая, беретъ портфель, и уже направляется къ двери, но затѣмъ возвращается къ портрету и беретъ изъ букета маленькій цвѣтокъ). Возьму съ собой. Все таки ближе буду чувствовать Колю. (Викторія помогаетъ ей продѣть цвѣтокъ въ петлицу). Ну, до свиданія, моя дорогая. (Цѣлуетъ Викторію).

Викторія. До свиданія мама-Леля, приходите скорѣе. Буду ждать васъ. (Обѣ направляются къ передней).

Занавѣсъ медленно опускается; коснувшись земли черезъ мгновеніе онъ поднимается снова.

Картина II.

Та же самая комната. Глубокій вечеръ. На кушеткѣ, свернувшись комочкомъ, спитъ Викторія. Ти-

шина прерывается гуломъ мягко идущаго автомобиля; шумъ быстро приближается и на самомъ короткомъ разстояніи обрывается. Снова молчаніе. Вдругъ рѣзкій, сильный звонокъ. Викторія вскакиваетъ и прислушивается. Черезъ минуту снова такой же рѣзкій, но болѣе продолжительный звонокъ. Викторія быстро зажигаетъ лампу и бѣжитъ въ переднюю.

Викторія. Кто тамъ?

Голосъ за дверью. Здѣсь живетъ Елена Михайловна Гурина?

Викторія. А что вамъ угодно?

Голосъ за дверью. Я хочу ее видѣть.

Викторія. Простите, но кто вы?

Голосъ. Я товарищъ ея сына.

Викторія. Обождите, пожалуйста минуту. (Торопливо входитъ въ комнату, поспѣшно приводитъ себя въ порядокъ послѣ сна, застегиваетъ нѣсколько разстегнувшуюся блузу, поправляетъ волосы и бѣжитъ въ переднюю. Слышно, какъ щелкаетъ замокъ, и отворяется дверь. — Немного погодя, въ комнату входитъ военный въ сѣрой шинели съ офицерскими погонами. На ремнѣ сбоку револьверъ. Шинель сильно помята, въ грязи, въ землѣ. Видимо, она долго не снималась. Въ ней, очевидно, и спали, и лежали, гдѣ попало. Лицо сѣрое, землистое. Въ рукахъ помятая фуражка. За офицеромъ — Викторія.

Офицеръ. Елена Михайловна Гурина, мать Николая Львовича, здѣсь живетъ?

Викторія. Да, здѣсь, а что?

Офицеръ. Могу я ее видѣть?

БИБЛИОТЕКА

Викторія. Ея сейчасъ нѣтъ. Но она должнжа скоро вернуться. Если надо я пошлю за ней.

Офицеръ. (Рѣшительно). Нѣтъ, нѣтъ не надо. Простите, барышня, а вы сестра Николая Львовича?

Викторія. Нѣтъ, я воспитанница Елены Михайловны. Но что съ нимъ? Живъ онъ? Раненъ?..

Офицеръ. (Послѣ молчанія). Онъ былъ тяжело раненъ, потомъ его подобрали, сдѣлали перевязку и отправили въ госпиталь, въ Варшаву.

Викторія. А дальше что же съ нимъ? Гдѣ онъ?

Офицеръ. (Мнется). А дорогой онъ умеръ.

Викторія. (Какъ подрѣзанная опускается на стулъ).

Офицеръ. (Твердо и настойчиво). Барышня, будьте мужественны. Потомъ нагорюетесь. Я совсѣмъ не имѣю времени. Долженъ отдать тѣло покойнаго матери и снова вернуться.

Викторія. Вѣрно, но что дѣлать, я не знаю.

Офицеръ. Возьмите себя въ руки. Надо перенести тѣло. Скажите только, куда его положить. Затѣмъ нужно мать осторожно предупредить. Неожиданность можетъ убить ее.

(Звонокъ. Викторія вздрагиваетъ, хочетъ подняться, не можетъ. Потомъ напрягши всѣ силы, идетъ въ переднюю вытирая поспѣшно лицо. Слышно, какъ отворяется дверь.

Ева. (Въ передней). Викторія, что съ тобой?

Викторія. (Рыдая). Ева!.. Ева!..

(Входятъ Викторія и Ева. Викторія коротко всхлипываетъ. Ева поддерживаетъ ее).

Ева. (Къ пріѣзжему). Въ чемъ дѣло? Что случилось?

Офицеръ. Николай Львовичъ Гуринъ убитъ.

Ева. (Отступая). Не можетъ быть!

Офицеръ. И я привезъ его тѣло. Простите, барышня, не знаю кто вы.

Ева. Я ихъ сосѣдка, подруга Викторіи.

Офицеръ. Помогите мнѣ, пожалуйста. У меня нѣтъ времени. Я долженъ сію же минуту вернуться обратно. Внизу тѣло покойнаго. Можно его перенести сюда?

Ева. Конечно, конечно. Куда же еще? (Сажаетъ Викторію въ кресло и нѣжно гладитъ ее по волосамъ, по лицу).

Офицеръ. Я тогда пойду, скажу, чтобы его принесли. А вы укажите мѣсто, куда положить.

Ева. Идите, идите. Я все сдѣлаю. (Пріѣзжій уходитъ. Викторія бросается за нимъ, но Ева задерживаетъ ее).

Ева. Не надо, не ходи туда. Ты тамъ будешь только мѣшать.

Викторія. (Рыдая на груди у Евы). Ева!.. Ева!..

Ева. (Лаская). Милая, бѣдная Викторія!.. Мужайся... (Обѣ обнявшись стоятъ передъ дверью. Такъ проходитъ моментъ ожиданія).

Офицеръ. (Входя). Его несутъ, дорогу я показалъ. Куда положить?

Ева. Пока сюда, на кушетку.

Голоса въ передней.

I-ый голосъ. Осторожнѣй, осторожнѣй, проноси впередъ, я потомъ заверну.

II-ой голосъ. Ладно, ладно и безъ тебя знаю, какъ дѣлать.

(Показываются два санитара у каждаго на рукавѣ красный крестъ. Они несутъ тѣло Николая обернутое шинелью. На шинели комья приставшей грязи. Сапоги въ глинѣ. Лицо полузакрыто и запачкано чѣмъ-то сѣрымъ. Сзади санитаровъ — фигура дворника. Войдя въ комнату, онъ снимаетъ шапку. Санитары несутъ убитаго тихо, осторожно, стараясь ничего не задѣть).

Iый санитаръ. Куда положить?

Офицеръ. Сюда, на кушетку. (Всѣ помогаютъ уложить Николая).

Викторія. (Рыдая у изголовья). Коля!.. Коля!..

I-й санитаръ. (Второму). Назадъ подай, а то голова свисаетъ. Такъ, будетъ. Теперь все, какъ слѣдуетъ.

(Уложивши тѣло, оба санитара отступаютъ къ двери и смотрятъ на покойнаго).

Дворникъ. (Къ второму санитару). Убитъ?

II-ой санитаръ. Убитъ. Сегодня подъ вечеръ хватило.

Дворникъ. Хорошій былъ человѣкъ. Царство ему небесное!

(Викторія, обнявши Николая, плачетъ. Ева околонея).

Офицеръ. (Къ санитарамъ). Ну, а теперь принесите его вещи. Потомъ ступайте обратно и подождите меня внизу. (Санитары уходятъ).

Офицеръ. (Евѣ). Барышня, позвольте вамъ передать его бумажникъ, часы, деньги, письма. (Вынимаетъ изъ кармана пачку перевязанную веревочкой). Вотъ сверху списокъ вещей — часы черные, фотографическія карточки, 250 рублей денегъ, письма... Чемоданы съ бѣльемъ и обувью сейчасъ принесутъ. Содержимое ихъ въ цѣлости. А вотъ въ отдѣльности и перевязачное свидѣтельство. Теперь распишитесь, что всѣ эти вещи получены.

Ева. Гдѣ я должна расписаться?

Офицеръ. А вотъ тутъ внизу. Вотъ вамъ и карандашъ.

Ева. (Расписывается). Такъ?

Офицеръ. Благодарю васъ. Мнѣ, вѣдь, это надо представить, какъ оправдательный документъ.

Ева. Скажите, какъ же это случилось?

Офицеръ. Онъ былъ на развѣдкѣ; ихъ замѣтили: начали стрѣлять по нимъ. Одинъ снарядъ разорвался очень близко. Онъ былъ раненъ, а остальные убиты.

Ева. Онъ очень мучился?

Офицеръ. Сначала стоналъ, а потомъ сталъ бредить, кого-то звать и умеръ. (Входятъ два санитара съ вещами, смотрятъ, куда ихъ поставить).

Ева. Поставьте ихъ тамъ, около двери. въ углу. Благодарю васъ. (Санитары, поставивъ чемоданы, останавливаются на минутку, крестятся и уходятъ. Викторія плачетъ у тѣла, Ева около нея въ раздумьи. У стола, съ видомъ крайней усталости стоитъ пріѣзжій офицеръ).

Викторія. Ева! Какъ-нибудь надо задержать Елену Михайловну, предупредить ее. Но я не знаю — какъ. Она должна сейчасъ вернуться.

Ева. Ее лучше направить къ намъ. Тамъ уже всѣ какъ-нибудь предупредимъ. (Къ дворнику). Пане Станиславе, какъ только увидите пани Елену, скажите ей, чтобы она шла прямо къ намъ. Не пускайте ее сюда. Передайте, что наши очень хотятъ видѣть ее, есть важное дѣло.

Дворникъ. Не безпокойтесь, пани Ева, когда увижу, скажу, что пани Елену просятъ зайти къ вамъ. И до самыхъ вашихъ дверей провожу ее.

Ева. Только смотрите, не пропустите ее. А мы, Викторія, сойдемъ внизъ.

Елена Мих. (Изъ передней). Викторія, почему у тебя двери отворены? Былъ кто-нибудь?

(Эти слова поражаютъ всѣхъ, какъ ударъ грома. Викторія и Ева въ безсознательномъ порывѣ бросаются впередъ, пріѣзжій офицеръ дѣлаетъ шагъ къ выходу, но сейчасъ же отступаетъ къ окну. Дворникъ всѣмъ тѣломъ повертывается къ двери. Такъ всѣ и застываютъ).

Елена Мих. (Входя). Викторія, гдѣ же ты? Неужели спишь? (Идетъ къ столу, замѣчаетъ странную обстановку, замедляетъ шагъ. Осторожно кладетъ портфель. Оглядывается. Видитъ кушетку. Стоитъ, молчитъ. Проходитъ моментъ). Неужели?..

(Шатается, хватается за сердце. Всѣ бросаются къ ней).

Занавѣсъ.

БРАКЪ ВЪ КАНѢ.

Въ этотъ день Христосъ ясный и свѣтлый. Съ глубокой нѣжностью Онъ смотритъ на цвѣты, на птицъ, на людей. Міръ кажется такимъ хорошимъ.

И улыбка не сходитъ съ устъ Его. Все обнимаетъ Онъ сердцемъ своимъ — и красоту лиліи, что цвѣтетъ въ полѣ, и тихое счастье людское.

И не отказался Онъ пойти на пиръ брачный. Было это въ Канѣ Галилейской.

Освободили мѣсто для Него и для учениковъ Его, и возсѣли они. Брачная пара сидѣла совсѣмъ близко. Желаніе счастья новобрачнымъ могучимъ потокомъ изошло изъ сердца Христова. И дало это пиру великое веселье.

Забыли люди о дѣлахъ и печаляхъ своихъ, всѣ смѣялись, шумѣли. И этотъ мигъ радости — короткой и преходящей — былъ дорогъ и понятенъ Христу.

Кромѣ этихъ свѣтлыхъ минутъ, что же можно съ радостью вспомнить?

И благостнымъ взглядомъ взиралъ Христосъ на веселье людское. И благость Христа всѣхъ гостей

блаженными сдѣлала. А они думали, что веселье ихъ отъ вина происходитъ. И захотѣли еще — но вина больше не было. Огорчило это гостей.

Кроткая Мать Его, — заступница міра и упованіе грѣшныхъ — замѣтила и шепнула:

— Сынъ мой, не имѣютъ эти люди больше вина. Подумалъ Христосъ — не повѣдать ли людямъ откуда взялась ихъ радость? И не сказалъ — не настало еще Ему время открыться — и отвѣтилъ загадочно:

— Жено, не пришелъ еще часъ мой.

Но знала Пречистая, что не захочетъ Сынъ Ея омрачить радость людскую и сказала слугамъ:

— Что Онъ прикажетъ, то дѣлайте.

И приказалъ Христосъ наполнить водой шесть сосудовъ, стоявшихъ тутъ же.

И зачерпнувши воды той, понесли ее слуги отвѣдать распорядителю пира.

Попробовалъ онъ — и удивился:

— Кто же такъ дѣлаетъ?.. Сначала хорошее вино подаютъ, а когда упьются — худшее. А тутъ наоборотъ, — не понялъ и онъ, что не виномъ была создана радость пира брачнаго, а силой духа, исшедшаго изъ сердца Христа.

Пиръ продолжался, люди остались въ невѣдѣніи, и не открылъ Христосъ тайны своей.

ШТАНЫ.

Милое дѣтство! Пора родительскихъ выговоровъ, порванныхъ штановъ и солнечныхъ дней.

Я лежу въ саду на травѣ. Надо мной, на заборѣ котъ; надъ заборомъ, въ голубомъ небѣ медленно плыветъ солнце. Солнце грѣетъ, а котъ яростно лижетъ взлохмаченную шубу.

Иногда, уставъ, онъ глядитъ на меня. Мы понимаемъ другъ друга: мы оба жертвы человѣческой жестокости. Кота выдрали за сливки. Его нѣсколько разъ ткнули мордой въ пустой молочникъ и, кромѣ того, онъ еще получилъ ухватомъ. И теперь котъ зализываетъ шерсть и раненное самолюбіе.

Я тоже страдалецъ. У меня есть отецъ; онъ вдовъ. Моимъ воспитаніемъ завѣдуетъ гувернантка. Пригласили ее безъ моего согласія. И зачѣмъ пригласили — я совершенно не понимаю. Я и безъ нея все знаю и все умѣю. Кто знаетъ, напримѣръ, какія самыя лучшія яблоки у сосѣда? Кто сумѣетъ залѣзть на всякую крышу, перемахнуть черезъ любой заборъ?

Но хвастаться я не хочу.

Гувернантка же только и умѣетъ, что приходить въ ужасъ. И обо всемъ докладываетъ отцу.

Вчера на стулѣ у гувернантки оказалось два сырыхъ яйца. А садится она со всего размаху. И всѣ почему то рѣшили, что это сдѣлалъ я. Донесли родителю. Онъ немедленно вызвалъ меня.

— Тебѣ не стыдно? Всѣ гувернантки бѣгутъ отъ тебя, какъ отъ чумы. Не ребенокъ, а наказаніе божеское. Будешь сидѣть дома пока не образумишься.

И утромъ я не нашелъ самой драгоцѣнной части мужского туалета — штановъ.

Дѣлать нечего. Но путями, извѣстными только коту и мнѣ, я все-таки очутился въ саду.

Котъ привелъ шубу въ порядокъ, свѣсилъ хвостъ и смотритъ на меня. Онъ всегда одѣтъ франтомъ — бѣлый галстукъ, бѣлыя перчатки, черные панталоны. Но какая насмѣшка въ этихъ желтыхъ круглыхъ глазахъ.

— Брысь! — кричу я.

Котъ отворачивается.

На дорожкѣ показывается бѣлый съ желтыми пятнами пойнтеръ, мой самый сердечный пріятель. У насъ съ нимъ много общаго, даже спимъ мы вмѣстѣ и только обѣдаемъ отдѣльно: онъ на полу, а я на столѣ. Песъ куда-то направляется по своимъ дѣламъ. Видъ у него скучный, прескучный: словно ему обѣщали дать рыбьяго жира.

— Неро, Неро...

Неро останавливается, трясетъ головой и звонко хлопаетъ ушами; потомъ, подумавъ, чешетъ лапой за ухомъ, взвизгиваетъ и труситъ дальше... Некогда.

Будь у меня штаны, я-бы, конечно, отправился за нимъ. Но...

Надъ моей головой вдругъ слышится грозное, баритонное: «кур-мяу, кур-мяу»...

На заборѣ появился второй котъ. Рыжій, тощій съ разорваннымъ ухомъ и укороченнымъ на одну треть хвостомъ. При видѣ иностранца у Васьки шерсть вздыбилась. Пригнувъ голову, онъ отвѣчаетъ теноромъ, дрожащимъ отъ негодованія: «ммяу, ммяу»...

Противники начинаютъ сближаться. Быть битвѣ... Встрѣча происходитъ на верхушкѣ столба. Прижавъ уши, рыжій мяукаетъ Васькѣ что-то очень оскорбительное. Васька закатываетъ ему пощечину. Летитъ клочьями шерсть. Взлетѣли потревоженныя осы. Одна усѣлась рыжему на хвостъ, другая Васькѣ на ухо. Враги фукаютъ и бросаются въ разныя стороны.

На дворѣ у курицъ переполохъ. Пѣтухъ вдругъ захлопалъ крыльями и у всего свѣта спрашиваетъ:

— Какъ-какъ-какъ-какъ?..

А куры надрываясь отвѣчаютъ:

— Такъ-такъ-такъ-такъ...

Снова показывается Неро, кончилъ свои дѣла. Онъ сѣменитъ еще тише, еще ниже опустилъ голову.

— Неро, Неро...

Онъ останавливается, смотритъ и, чуть мотнувъ головой, отправляется дальше.

— Неро!

Почувствовавъ, что на этотъ разъ отъ меня не отдѣлаться, песъ подходитъ съ унылымъ видомъ.

— Что съ тобой?

Неро вздыхаетъ, смотритъ на меня и ложится рядомъ. А затѣмъ осторожно роняетъ изъ пасти кури-

ное яйцо, только что снесенное. На морщинистой песьей мордѣ ни слѣда раскаянія.

Такъ вотъ почему кричали куры. А кухарка-то все валила на домового.

Вообще за котомъ и за псомъ я знаю много коечего предосудительнаго. Но своихъ товарищей порядочныя люди не выдаютъ.

Неожиданно послышался родительскій гласъ. Неро схватилъ яйцо и убѣжалъ. А я отъ страха залѣзъ на липу.

На дорожкѣ показался отецъ и какая-то дама. Положеніе! Появиться передъ дамой мужчинѣ моихъ лѣтъ въ легкихъ кальсончикахъ — кому это не покажется страшнымъ?

Оба шли и звали меня, оглядываясь по сторонамъ. Садъ былъ большой и густой, липа — въ полномъ цвѣту. У меня явилась надежда на спасеніе.

Отецъ оглядѣлся.

— Куда дѣлся этотъ сорванецъ? Ума не приложу. И безъ штановъ, главное. Понимаете, вчера вздумалъ изъ гувернантки насѣдку сдѣлать. Два сырыхъ яйца положилъ ей на стулъ. И подошвы туфель ей масломъ смазалъ, весь день шлепалась, пока не догадалась.

Дама засмѣялась, а со двора донесся неистовый, крикъ Домны:

— Пришли твои бестыжіе глаза? Не совѣстно на свѣтъ-то глядѣть? И во что ты лопаешь, идолъ тьмутараканскій? Каждый день тебѣ и молоко, и печенка— ѣшь, не хочу!.. Такъ ты еще за сливками полѣзъ, усатая твоя морда!..

Это привѣтствіе обозначало, что Васька явился съ повинной къ своей повелительницѣ кухаркѣ.

— Куда онъ дѣлся? — соображалъ отецъ. — Въ первый разъ оставилъ его безъ штановъ —услышалъ военную музыку и убѣжалъ. Шелъ впереди оркестра и дирижировалъ моей палкой. Можетъ быть и теперь что нибудь подобное сотворилъ?

А Домна распекала Ваську:

— Почуялъ — коклеты жарятъ. Нѣтъ того, чтобы мышей ловить. Какъ онѣ тебѣ еще губъ-то не объѣли. У, что-бъ тебя!..

Звонко шлепнула мокрая тряпка. Я видѣлъ, какъ Васька взобрался на полѣнницу и трясъ головой.

Попало.

— Вѣдь дѣти — благословеніе, — продолжался разговоръ внизу.

— Говорятъ такъ. У меня пять такихъ благословеній. Кромѣ того, котъ и песъ. И всякій по своему хорошъ. А когда они всѣ вмѣстѣ — не знаешь, что дѣлать — хоть святыхъ вонъ выноси. Сидишь на службѣ и безпокоишься — живы ли, цѣлы ли? Въ прошломъ году сѣли за обѣдъ, а самого младшаго нѣтъ и нѣтъ. Пошли искать, а онъ въ амбарѣ безъ чувствъ лежитъ, въ крови. Вздумалъ по балкамъ, какъ по канатамъ ходить, ну и сверзился, носомъ прямо о крестовину отъ елки.

Я хорошо помню этотъ случай. Только родитель забылъ разсказать, что пострадавшій, по выздоровленіи, былъ немедленно сосланъ къ бабушкѣ въ имѣніе, подъ строгій надзоръ трехъ тетокъ и одной гувернантки. Несчастный плакалъ, разставаясь съ нами. А

черезъ мѣсяцъ отецъ получилъ письмо, что сосланный вполнѣ благополучно упалъ въ бочку съ водой; бочку пришлось опрокинуть, а утопленника тащить за ноги.

Вдругъ родительскій взглядъ вознесся на небо, а съ неба попалъ на липу, на тотъ самый сукъ, гдѣ сидѣлъ я.

— Видѣли ли вы когда-нибудь бѣлыхъ скворцовъ? Если нѣтъ, то вотъ рекомендую — и отцовскій перстъ указалъ на меня.

— Кто это?

— Тотъ самый, безъ штановъ пропавшій...

Дама звонко и мелко засмѣялась, словно покатились серебряные пятачки.

— Слѣзай, слѣзай оттуда, каковъ ты есть, — услышалъ я родительское велѣніе.

Я взглянулъ вверхъ, внизъ, въ стороны. Нигдѣ, ничего, что могло бы замѣнить штаны.

Долго я слѣзалъ. Не то липа прилипала ко мнѣ, не то я къ липѣ. И кромѣ того случилось несчастіе, попался сухой сукъ. Раздался трескъ. Я осмотрѣлся и похолодѣлъ: на сучкѣ остался клокъ отъ кальсончиковъ — величиной такъ съ Южную Америку. И съ такого мѣста, что и назвать нельзя.

А внизу меня дожидались съ нетерпѣніемъ. Всѣ царства за штаны, за одну пару штановъ!

И вотъ я, наконецъ, внизу. У дамы глаза стали узкими веселыми щелочками; она показывала бѣлые, ровные зубы и все время сыпала звонкое серебро смѣха.

— Но онъ у васъ единственный, несравненный...

Въ этихъ вещахъ я толку не понимаю. Я только

старался держаться лицомъ къ лицу. Когда кто-нибудь дѣлалъ движеніе, моя душа уходила въ траву.

Неро съ другого конца сада учуялъ постороннихъ. Онъ очень близорукъ и не носитъ очковъ. И часто лаетъ невпопадъ. Такъ вышло и сейчасъ.

Отецъ бросился къ Неро, а дама спряталась за меня. Неро пересталъ лаять и началъ облизывать, оставшійся на мордѣ желтокъ.

А дама сѣла на траву и закатилась; да такъ, что ничего не могла сказать. Махала только руками и вытирала слезы платочкомъ.

— Ой не могу, ой не могу!.. — повторяла она.

Сначала отецъ не понималъ, въ чемъ дѣло, а потомъ понялъ.

— Дѣтище! — горестно изрекъ родитель, — пойди, приведи себя въ человѣческій видъ...

Я ушелъ. Какой стыдъ, какой позоръ!..

Изъ окна меня увидѣла сестра и запѣла:

— Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?

Безъ штановъ въ саду ходилъ...

И показываетъ мнѣ носъ. Длинный, предлинный и очень обидный. За сестрой стоитъ гувернантка; гувернантка молчитъ, но ея каменное лицо такъ и говоритъ: «Dummkopf»...

А я даю себѣ обѣщаніе никогда, никогда не жениться...

Библиотека

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ гостяхъ у капитана 5
Глава I. Встрѣча 5
Глава II. Въ гостяхъ 18
Глава III. Веселая компанія 27
Глава IV. Магъ и волшебникъ 39
Глава V. Что когда-то жило 52
Глава VI. Океаническое 65
Глава VII. Осеннее 76
Глава VIII. Послѣдняя вахта 85
Morgenrot 97
Баранья голова 103
Въ разсѣяніи сущіе 114
Розовая чепуха 122
Весенній вздоръ 129
Мать 139
Бракъ въ Канѣ 163
Штаны 165

[illegible]

Обложка работы худ. ГРИНЕВА.

БИБЛИОТЕКА
А.С.ПУШКИНА